

Ксения Грациани

Тайна двух лун

1. Лиз

Меня зовут Артур Ланнэ, я врач-психиатр при частной швейцарской клинике «Голубой Лес», и это невероятная история одной моей пациентки, к выздоровлению которой, впрочем, я не имел никакого отношения.

В этих записях я постарался избегать сугубо медицинской терминологии, чтобы не загружать читателя незнакомой ему информацией. Да и, честно говоря, случай Лиз не укладывается в рамки современной психиатрии. Я понял это не сразу, очень долго пытаюсь подобрать подходящий диагноз, пока не пришёл к выводу, что его просто не существует.

В конце зимы 1921 года в моём кабинете появился американский проповедник-протестант Бен Родрик, с которым у меня состоялась короткая переписка несколькими месяцами ранее. Я был единственным врачом в клинике, свободно владевшим английским, немецким, французским и испанским, поэтому иностранных пациентов целиком и полностью поручали именно мне.

Плотный, розовощёкий, с лёгким душком спиртного, Бен Родрик вяло пожал мне руку и представил свою жену Джоан, чопорную даму с наморщенным носом и подбородком, который плавно перетекал в шею, подвязанную синим бантом. Они совсем не походили на тех неважно одетых бродячих проповедников, которых можно встретить по воскресеньям на площадях с органчиком на перевес, распеваящими хвалебные гимны из книги псалмов. Видно было, что эти двое в прямом смысле слова жили как у Христа за пазухой.

Чету сопровождали также две дочери, девушки на выданье. Они обе были невероятно хороши, хоть и отличались друг от друга разительно. Старшая сияла уверенностью в своей броской и лощёной красоте, но обещала со временем стать похожей на мать. Младшая же напоминала едва распустившийся полевой цветок, с несмелым, но незабываемым очарованием.

По словам родителей, именно она – двадцатитрёхлетняя Лиз – страдала от необъяснимого психического расстройства, излечить которое не удалось ни одному американскому психиатру. Едва Родрики появились в моём кабинете, проповедник вывалил на стол несколько врачебных папок, диагнозы в каждой из которых противоречили друг другу. Мои заморские коллеги так и не смогли понять, что происходит с Лиз – это и привело всё distinguished семейство в швейцарские Альпы в надежде на прославленную швейцарскую психиатрию.

Но, как стало ясно в дальнейшем, ещё одной немаловажной причиной столь далёкого путешествия было замужество старшей дочери – двадцатилетней Нэнси. Её будущий супруг происходил из очень влиятельной семьи Лонг-Айланда, и родителей жениха крайне беспокоило психическое состояние Лиз. В целом, брак их сына с порядочной и далеко не бедной дочерью проповедника только добавлял их семье ореол благодетели, но родниться с душевнобольной им совершенно не хотелось. Поэтому Лиз не оставалось иного, как принять свою добровольную ссылку в Швейцарию на благо Нэнси.

Впрочем, «Голубой Лес» нельзя было назвать классической больницей. Клиника напоминала скорее горный санаторий. Никаких вам смиренных рубашек, решёток на окнах и прочих ужасов, которые мне, к сожалению, довелось повидать в других местах. Я подумал, что выиграл в лотерею, когда мне предложили работу именно здесь, шесть месяцами ранее. Всё в клинике было устроено для удобства пациентов и для их скорейшего выздоровления. Во всяком случае, сначала я так думал...

Родрики тоже остались в восторге от наших палат, похожих на отельные номера, а также от захватывающих дух горных видов. Прощаясь с младшей дочерью, они уверяли её, что у нас ей будет хорошо как дома, но та и не спорила. В её отношении к сестре я сразу уловил некое чувство вины, вселяемое в неё, видимо, самими родителями.

Семейство совсем ненадолго остановилось в Цюрихе, чтобы совершить мелкие покупки и посетить несколько протестантских церквей, и уже через неделю собралось в обратный путь.

Помню, как перед самым отъездом миссис Родрик, доверительно тронув меня за локоть, произнесла:

– Я боюсь оскорбить вашу безупречную профессиональную этику, доктор, но всё же скажу, хотя вы, конечно, и сами понимаете. Если пресса узнает о том, что одна из Родриков находится в лечебнице для душевнобольных, семья моего будущего зятя окажется в очень неловком положении...

– Разумеется, вы можете рассчитывать... – поспешил заверить я миссис Родрик, но она деликатно прервала меня.

– Доктор, я ничуть в вас не сомневалась, но для успокоения моего материнского сердца мне необходимо это сказать, – сделав намеренно долгую паузу, с чересчур вымученным вздохом, она

добавила: – Я доверяю вам мою Лиз, доктор. Позаботьтесь о ней, – но прозвучало это как: «Теперь моя дочь – ваша головная боль, а я умываю руки».

– В «Голубом Лесу» её обследуют лучшие специалисты. Не беспокойтесь. Мы будем сообщать вам о ходе лечения раз в месяц... – я хотел было объяснить ей наш график индивидуальных телефонных собеседований с родными, но миссис Родрик опять остановила меня.

– Ну что вы, доктор, не стоит затруднений, мы полностью полагаемся на вас. Верно, Бенджамин? – обратилась она к мужу, который всё это время молча стоял позади неё и с большим любопытством разглядывал мою коллекцию парусных кораблей, занимающую открытый стеллаж вдоль одной из стен кабинета.

– Конечно, дорогая, – ответит он, лишь на секунду оторвав взгляд от английского флагмана «Мэри Роуз», чтобы вежливо мне улыбнуться. – Наша бедная Лиз... Нам остаётся только принять волю Господа, который всё же сжалился и послал нам вас, доктор.

Одним словом, Родрики дали мне понять, что Лиз теперь – полностью моя забота, а за средствами дело не постоит. Впрочем, они могли себе это позволить. Как я позже выяснил, Миссис Родрик не так давно унаследовала приличный капитал от своей тетки и к тому же готовилась вот-вот породниться с влиятельной американской семьёй. Так что она уже имела замашки вновь испеченной богачки. Доктор Арольд, заведующий и совладелец клиники, недвусмысленно намекнул мне, что я должен во всём потакать её желаниям.

Признаюсь, при первом взгляде на Лиз я не заметил ни малейшего проявления болезни. Единственное, что бросилось мне в глаза, была её необыкновенная красота и то, насколько сильно девушка отличалась от матери и старшей сестры. В ней напрочь отсутствовало столь очевидное в них чувство превосходства над окружающими. Лиз выглядела намного проще и скромнее Нэнси. Кремовое платье, хоть и было ей слегка велико и словно досталось с плеча старшей сестры, шло ей необыкновенно. Я никак не мог отвести взгляд от обильных мягких складок, выходящих из-под тонкого ремешка, который стягивал её стройную талию, и распрямляющихся на нежной груди.

Каждый раз во время моих с Лиз последующих бесед, проводившихся в рамках терапии в моём кабинете, я с наслаждением наблюдал игру огненных бликов от зажжённого камина на её светло-ореховых, ниспадающих мягкими волнами волосах. И точно так же путались в этих мягких прядях солнечные лучи, когда она прогуливалась по лесу в сопровождении сиделки, а я наблюдал за моей прекрасной пациенткой из окна своего кабинета.

Ярко-голубые глаза Лиз вовсе не были глазами больного человека. Я отметил это сразу, да и позже, наблюдая за ней, мог только восхищаться ими. Они живо вспыхивали при взгляде на заснеженные горы, окружающие клинику; заинтересованно останавливались на мне, когда я говорил о чём-то для неё новом; смеялись, лучась тонкими линиями, в то время как наш привратник показывал ей фокусы; но вместе с тем смиренно опускались, когда родители говорили о её дальнейшей судьбе. Лишь во время приступов эти глаза становились чужими и отсутствующими...

Из-за болезни Лиз пришлось оставить факультет теологии. Она училась прилежно, хоть и без особого рвения, но, видимо, ни преподавателям, ни отцу так и не удалось наполнить эту светлую головку чрезмерной религиозной моралью, и мыслила Лиз на удивление независимо и свободно. Она была на редкость образована, знала греческий и латынь и всё время между приступами проводила за чтением разнообразной литературы. Лиз буквально осаждала нашу библиотеку. Ей нравились французские классики и немецкие философы, она с удовольствием читала журналы о путешествиях, а потом расспрашивала меня, доводилось ли мне бывать в тех местах, но вот о своих поездках рассказать ей было нечего: Лиз никогда раньше не выезжала за пределы Штатов.

Признаюсь, в какой-то момент я даже испугался всё нарастающих во мне чувств к моей новой пациентке, но чем больше я убеждался в них, тем сильнее росло во мне желание вылечить её.

Я находился тогда на взлёте моей врачебной карьеры. Я был молод и успешен, но за всё время учёбы, долгих стажировок, службы в военном госпитале в годы первой мировой войны и усердной врачебной практики у меня не было времени на то, чтобы просто влюбиться. Разве мог я представить, что в возрасте тридцати трёх лет моё сердце будет внезапно замирать от одного лишь смеха этой девушки и мучительно саднить во время обострений её болезни.

А приступы, к сожалению, оказались реальностью, а не преувеличением родителей, как я понадеялся при первом знакомстве с Лиз. Она виделась мне человеком совершенно нормальным, но вскоре я стал свидетелем проявления её загадочной болезни. Её посещали странные видения, как наяву, так и во сне. Лиз говорила, что ей являлась она сама, и эта другая она вызывала в моей пациентке неконтрольный страх. Больше всего её пугали глаза своего двойника: тёмные, миндалевидные и совершенно чужие. А порой Лиз начинала бредить и говорить не своим голосом о вещах, не имеющих никакого отношения к окружающей действительности. Внезапно она словно выключалась, выпадала из этого мира, твердя что-то несвязное в полубреду. Чаще речь шла о

болотах и живущих в них чудовищах. Кроме того, приступы сопровождались и физическим недомоганием. Каждый раз после страшного сна или видения она не могла подняться с постели, жаловалась на головную боль и общую слабость.

Мои американские коллеги ставили ей что угодно, от разнообразных неврозов, наподобие истерии, до шизофрении, но я не спешил с диагнозом. Как-то в телефонном разговоре Бен Родрик шёпотом сказал мне, что, на его взгляд, в Лиз вселилась нечистая сила. Разумеется, я тогда не придавал никакого значения этим словам, но позже был вынужден признать, что в них крылась доля истины, хотя мне, учёному и медику, не хотелось в это верить.

Меж тем проповедник не раскрыл сразу всей правды. С самого начала я чувствовал, Бен Родрик о чём-то не договаривает. Я подозревал, что тут замешана какая-то психическая травма, возможно, даже домашнее насилие, но как выяснилось в итоге, все мои догадки оказались неверны.

Случай Лиз поставил под сомнение не только то, чему я учился на факультете психиатрии, но так же и все мои представления о здравом смысле. Проникнув в подсознание моей пациентки во время сеансов гипноза, я узнал о существовании таких вещей, созданий и невообразимых миров, о которых нормальный человек, скептик и материалист, каким был и автор этих строк, не имеет ни малейшего представления.

2. Лакос

Аламеда сидела у самого края воды, но старалась не смотреть на своё отражение. Она знала, что увидит в нём не себя. Лишь глаза остались от той, прежней Аламеда. Тёмно-карие, с вытянутыми уголками – как спелый миндаль.

Когда она впервые взглянула на своё новое, в русских локонах лицо, из груди вырвался победоносный крик. Получилось! Жива! Ей всё-таки удалось переместить свою душу в тело той белой девчонки. Теперь она отомстит им всем за Роутега, и возмездие будет жестоким. Они пришли на её землю, лишили жизни любимого человека, а потом убили и её саму. Ненависть чёрным насекомым заползала в сердце Аламеда, опутывая его своими цепкими щупальцами – она ступила на тропу войны. Но вскоре её ждало ужасающее открытие: всё было напрасно. Что-то пошло не так. То ли ошиблась с заклинанием, то ли бабка Ваби не до конца раскрыла секрет посмертного перевоплощения, но вместо того, чтобы переместить свою душу в чужое тело, Аламеда её разделила, и врагу досталась лишь одна маленькая часть. Хуже того, по какой-то неясной причине Аламеда и сама обрела то же ненавистное тело, в котором её следом забросило на край Мироздания. Думала перехитрить Смерть – а не вышло. Та посмеялась над ней.

А ведь старая Ваби не раз говорила – существует бесконечное множество вселенных, и каждый наш выбор создает другую жизнь, иную неповторимую реальность. Так неужели роковой выбор Аламеда, выбор мести, и сотворил тот самый мир, в котором она оказалась? Получила то, что заслужила?

Лакос – так звалось её последнее пристанище. Если бы она только знала, куда попадёт, то предпочла бы просто умереть в своём родном лесу, под горячее и влажной тенью широких листьев, окружённая близкими людьми. Умереть под их погребальную песню, прерываемую лишь пением птиц да шептанием ветра. Всё в этом мире было ей чужим, и даже духи покинули его. Уж кто-кто, а колдунья Аламеда почувствовала это вскоре после того, как очнулась: немая тишина наполняла астральный слой незнакомого мира. Духи земли, воды и леса не перешёптывались между собой, не подпевали птицам, не подвывали ветру. Они ушли.

Скоро Аламеда узнала, что первое предчувствие не обмануло её. Не зря духи покинули этот мир. Лакос погибал. Медленно и верно уходил под воду. А немногие люди, что ещё населяли его, были обречены, как и сама Аламеда. Новые соплеменники внешне напоминали её родной народ: смуглокожие, черноволосые, с миндалевидными глазами и высокими скулами. На их фоне она теперь казалась белой вороной. К ней и относились как к таковой.

Никто не знал наверняка, откуда приходит вода. Одни говорили, что боги Неба прогневались на людей и стали подливать её из своих золотых кувшинов в океаны. Вторые думали, будто служители Страны подземного пути опустошают свои подземные моря, чтобы люди утонули и переселились к ним.

– По мне, и то, и другое – брехня, – поговаривал старейшина Яс, потрясая кулём, которая была у него вместо правой руки. – Всё рано или поздно погибает: люди, деревья, животные. То же и с мирами. Лакос стар. Ничего не поделать, пришёл его черёд. Скоро тут не будет ни вас, ни меня – один сплошной океан.

– А как же Водные Врата? – возражали другие. – Забыл пророчество?

– И пророчество ваше – брехня, – отвечал Яс. При этом иссохшее, сплошь покрытое морщинами лицо старейшины, похожее на ком растрескавшейся земли, мрачнело ещё больше. – Кто его составил? Покажите мне этого умника. Придумываете сказки, чтобы не так грустно было прогнывать на болотах.

Старейшине никто не возражал, но и верить в пророчество тоже не переставали. Потому что без веры пропадал смысл жить дальше. Женщины племени любили повторять вожденные слова в своих вечерних молитвах:

Воды сомкнутся над миром, и он станет океаном, но посреди Большой Воды возвысятся Водные Врата – и войдут люди в те Врата, и покинут Лакос. И выберет каждый, куда пойти, какой мир станет его новым домом.

Аламеда слушала вполуха. Не всё ли ей теперь равно, жить или умереть. Лучше покориться судьбе. Однажды она уже решила переписать её, но из этого ничего не вышло. Вселенная восстала против Аламеда и забросила в чужой мир. Нет, провидение не обманешь. Из книги судеб слов не выкинешь. Так говорила мать, так говорил отец и так говорила старая Ваби – верховная колдунья её родного племени. Аламеда многому научилась у той и готовилась стать её преемницей, но этому не суждено осуществиться.

Уж лучше сдаться Смерти и уйти навсегда... Нет, Аламеда не боялась её, потому что на самом деле

уже умирала дважды. Впервые, когда упал на её глазах бездыханный Роутег и её сердце перестало биться вместе с его сердцем. И во второй раз, когда убили её саму. В третий раз она умрёт наверняка, но вот Роутег так и останется неотомщённым.

Умереть в Лакосе легко. Достаточно, например, заснуть у самого берега, и тебя утащат на дно какие-нибудь жуткие твари. Их здесь полно. Без всесильных духов лесов, морей и рек нечисть, как известно, плодится на славу. Чудовища последними покинут этот мир, когда уйдёт под воду единственный клочок земли вместе с горсткой выживших людей. И Аламеда будет среди них.

А ведь она уже едва не погибла, когда оказалась здесь. Наверное, было бы лучше умереть сразу, но Нита спасла. Нита... Верная, добрая, неустрашимая и всегда готовая помочь Нита...

Аламеда хорошо запомнила своё первое пробуждение в Лакосе. Где-то рядом плескалась вода, пахло болотом, и что-то твёрдое впивалось промеж лопаток. Она попыталась подняться, опереться на руки, но их крепко сковывали непонятные узы. Верёвки? Кандалы? Аламеда в страхе распахнула глаза – и перед ними возникла трепетная, сочно-зелёная листва. Так близко, словно дерево склонилось над ней, проверяя, дышит ли она. Вдруг ветви качнулись, и руки стянуло верёвкой ещё сильнее. Аламеда в страхе опустила взгляд на свои запястья. Нет, вовсе не верёвки их оплели, а ветви склонившегося перед ней дерева. Оно возвышалось над водой, приподнявшись на своих корнях, как на ходулях, и при каждой попытке жертвы шевельнуться только сильнее стягивало её. Аламеду обьял ужас. Где она? Что произошло?

– Не двигайся – хуже будет, – вдруг прозвучал низкий женский голос откуда-то сверху. – Замри тебе говорю.

Перед глазами блеснуло лезвие. Хрустнула и упала ветка. Следом Аламеда почувствовала, как холодный металл коснулся её запястья, и через секунду его больше ничего не сковывало. Дерево распрямилось, потрясая обрубками веток и корней, и, словно многоногий паук, поползло прочь по болоту.

– Не нашла лучшего места, где вздремнуть? – снова тот же голос. – Жить надоело?

Это была Нита... Высокая, рослая, как мужчина, с крупными икрами, широкими скулами и непроницаемым взглядом – настоящая воительница. Она убрала кинжал в ножны и забросила на плечо отрубленные корни.

– Пойдём, – незнакомка мотнула коротко стриженной головой в сторону болотных зарослей, – за огнём посмотришь, пока я кохи почищу.

Эти кохи – одно объединение: те самые корни мангрового дерева, подкопченные на углях и по вкусу напоминающие мясо утки. Единственная отрада в ненавистном Лакосе. Аламеда вскоре и сама научилась охотиться на плотоядные растения. Главное подпустить их поближе, не двигаться, сделать вид, что спишь – и цак, отрубить потянувшийся за добычей корень. В Лакосе иначе никак. «Либо мы их, либо они нас – закон выживания», – часто повторяла Нита. Коротко и сухо. Одна из немногих фраз, приносимая ею.

Нита была молчалива. О себе не говорила, да и сама с расспросами к Аламедке не лезла. Она и о других соплеменниках почти ничего не знала. Кто они, откуда – не всё ли равно? Те места уже давно скрыла вода, она же смыла и различия между людьми. Последняя горстка обречённых. Перед лицом смерти все равны. Нита и в Водные Врата не верила и просто старалась прожить ровно столько, сколько ей отведено.

Аламеда ещё раз взглянула на своё отражение в воде и, с отвращением отвернувшись, крепко сжала в ладони висевший на шее коготь леопарда в железном ободе – древний амулет, перешедший к ней от Ваби. Если бы могла отомстить – то никого бы не пощадила... Но не бывает этому. Одна надежда на смерть. И тогда, возможно, её дух вернётся в родной лес, и она воссоединится, наконец, с Роутегом.

– Килайя, Килайя, – вдруг зазвенел издали знакомый голос. Тощий мальчуган бежал к ней по болотным кочкам, высоко поднимая острые коленки. – Ты что тут сидишь? Мы поплыли.

Детвора прозвала Аламеду Килайя – «светловолосая» на одном из наречий их народа. Аламеда уже и не злилась, хотя ненавидела это имя. У прежней Аламеды волосы были чёрные, как ночь, и длинные, как отрез шёлка. А эту солому цвета выгоревшей на солнце земли, которая теперь топорщилась во все стороны от влажности, она видеть не могла.

– Вставай, – потребовал мальчишка, уперев руки в боки. Круглые оттопыренные уши смешно проглядывали через взъерошенные, стриженные по плечи волосы. Глаза, тёмные и цепкие, терпеливо ждали. Этот упрямый взгляд кого хочешь на ноги поднимет.

Ну почему они послали за ней Лони? Любому другому она сказала бы, что не поплывёт с ними и

останется здесь, в одиночестве дожидаться смерти. Даже Ните. Но этот десятилетний мальчуган привязался к Аламеде больше, чем кто бы то ни было. Круглый сирота, он относился к ней, как к старшей сестре, а порой, наверное, как к матери. Она рассказывала ему сказки своего племени и мастерила из соломы животных, живших в её родном лесу: ягуаров, обезьян и черепах, – а для Лони все они были дивными волшебными существами. Нехотя Аламеда привязывалась к парнишке. Возможно, оттого что, как и он, чувствовала себя сиротливо в этом чужом мире.

– Вставай же, – Лони потянул её за руку.

Она нехотя поднялась.

– Иди за мной, след в след, а то опять провалишься, как в прошлый раз, – сказал Лони, оглянувшись.

Аламеда улыбнулась, смотря на чёрный взъерошенный затылок. Смешной он, этот Лони. Заботится. Правда, однажды она действительно провалилась в болото, перепутав с кочкой торчащую из воды макушку лупоглазой вьельзевуллы. Давно это было. Теперь-то Аламеда с полувзгляда узнает поросший мхом панцирь болотного чудовища. Жуткая страхолюдина эта вьельзевулла, что-то среднее между огромной жабой и морским чёртом. Ладно ребятня тогда вовремя подросла и заточенными палками спровадила лупоглазую. Аламеда насилу выбралась. А вот старому Ясу не повезло. Дальше носа не видит ничего, наступил страшиле на макушку – она его скинула и руку по локоть отгрызла. Спасибо, что жив остался. Да, в Лакосе только так. Либо мы их, либо они нас – закон выживания.

Размышляя об этих и новых опасностях, Аламеда покорно шла вслед за Лони, сама не зная зачем. Племя покинет эти болота, чтобы уплыть навстречу неизвестности. Неизвестность... Это единственное, что у неё теперь осталось.

3. Артур Ланнэ

Стрелки на часах застыли острым углом в тридцать градусов: короткая – на одиннадцати, длинная – на двенадцати. 11.00. Её время. Время Лиз. Я достал из стола папку с её фамилией, ещё раз подточил и без того острый карандаш, долил в кувшин воды, хотя её там и так было предостаточно, смахнул пылинку с подлокотника кресла... Одним словом, я готовился к встрече с Лиз, я ждал её. Понимаю, со стороны моё поведение выглядело глупым и непрофессиональным, но я ничего не мог с собой поделать. Она не шла у меня из головы. Я радовался, шутил с персоналом, насвистывал песни, когда Лиз чувствовала себя хорошо. И заболел в душе, огрызался на всех, отчитывал без причины медсестёр, когда заболела она.

Из коридора слышались шаги, ещё далёкие, едва уловимые, но я точно знал – это её шаги. Они стремительно приближались – значит, Лиз чувствует себя хорошо. Короткий стук в дверь – и в проёме показалось её красивое, правда немного бледное лицо.

– Можно к вам, доктор Ланнэ?

«Артур, называй меня просто Артур», – так и хотелось сказать мне, но, разумеется, я ответил дежурное «Конечно, Лиз, я тебя жду».

Она села в кресло напротив меня и улыбнулась. Как много я мог бы отдать, чтобы видеть эту улыбку каждый день. Ещё вчера нам пришлось проводить сеанс в палате, потому что Лиз не смогла подняться с постели после очередного приступа, а сегодня как рукой сняло.

– Как ты себя чувствуешь?

– Теперь хорошо, – ответила она, – никаких снов и галлюцинаций. Ни болот, ни трясин, ни пугающих двойников. Но вчера... вы сами видели...

– Зато позавчера, и поза-позавчера, и весь прошлый месяц приступов тоже не было, а значит, мы на верном пути к выздоровлению, – сказал я, и мне очень хотелось не ошибиться.

– Надеюсь, вы правы, но так было и раньше, – вздохнула Лиз, опустив ресницы, – и вчера мне опять снился тот же сон... Вижу себя, а глаза не мои – чужие. Чёрные, пронзительные, красивые, но во взгляде боль и смертельная ненависть... Страшно... даже жить не хочется, – она подняла глаза, и в лице мелькнула тревога. – Скажите честно, доктор... Я знаю, вы всё пытаетесь меня ободрить, но будьте откровенны, что у вас написано обо мне там, в вашей папке. Какой-нибудь страшный диагноз? Вы думаете, это неизлечимо?

– Почему ты так считаешь? – я изо всех сил попытался сделать своё лицо непроницаемым.

– Ну, я же вижу, как все сочувственно на меня смотрят. Врачи, медсёстры... Мол, такая молодая – и такой ужасный недуг.

– А я вижу прекрасную юную леди, которой с каждым днём становится всё лучше и лучше, – я улыбнулся Лиз самой широкой и искренней улыбкой, какую сумел ей подарить. – Не будем торопиться с диагнозами, мы только в начале пути, и, скажу тебе честно, у меня нет никаких оснований думать о чём-то неизлечимом.

Разумеется, я не мог и не хотел рассказывать ей всю правду, просто потому что, на мой взгляд, правдой она не являлась. Страшный диагноз в папке действительно был, но ставил его не я. Им наградили Лиз некоторые из моих американских коллег. К сожалению, заведующий клиники «Голубой Лес» и мой непосредственный начальник, доктор Арольд, был с ними согласен. Диагноз шизофрения, кричащий из карточки Лиз своей пугающей беспощадностью, я не разделял, но пока что не мог предложить главному врачу взамен ничего более убедительного.

На мой взгляд, речь шла о некоем психосоматическом расстройстве. То есть о психическом расстройстве, которое проявлялось и на физиологическом уровне. Лиз беспокоили не только сны и видения – после них её, как правило, мучили боли во всём теле, сопровождающиеся сильнейшей слабостью. Она могла провести в постели целый день, не в силах даже подняться. Симптомы проходили сами собой довольно быстро, но вновь возвращались после приступов. К сожалению, эти наблюдения пока не позволяли поставить точный диагноз. Мне ещё только предстояло определить природу снов и видений моей пациентки, а также выяснить механизм возникновения физической реакции на них организма.

Лиз помнила свои сны лишь частично и могла передать только общее ощущение и обстановку, но никогда не запоминала каких-либо конкретных событий. Понять же что-то по её бредовому бормотанию во время приступов было практически невозможно. В ходе наших бесед она со скрупулёзной тщательностью пыталась вспомнить каждую привидевшуюся ей деталь, но всякий раз вырисовывалась примерно одна и та же картина.

Вот и теперь, сидя в кресле напротив меня, Лиз описывала вчерашнее видение, практически слово в слово, как и предыдущие.

– Кругом вода, – сказала Лиз, – гниющая болотная жижа. Пахнет сыростью и плесенью. Я вижу себя, ступающую босыми ногами по затопленной, размытой земле, по скользким кочкам, которые едва выглядывают на поверхность. – Лиз встала и для наглядности принялась показывать на лежащем под её ногами ковре, как она осторожно перескакивает с кочки на кочку. – Я боюсь провалиться, боюсь, что следующий клочок суши – последний и дальше идти будет некуда. Мне видно себя со спины, и это очень странное чувство, доктор. Знать, что вот она Я, наблюдающая сама за собой, а там другая Я, ступающая по болоту... И вдруг та другая оборачивается и... я смотрю сама на себя! Как в зеркало. Словно своё отражение вижу: лицо, волосы, фигура, – точная копия. Но вот глаза – не мои. Я никогда не видела таких прекрасных глаз. Тёмно-карие, глубокие, а по форме – как миндальный орех. Но они ненавидят меня. Смотрят так, будто готовы убить. Аж мороз по коже. Аж хочется крикнуть, но язык прилип к небу – не проронить ни звука. И вот другая Я говорит мне что-то... – Лиз усердно нахмурила лоб, пытаясь вспомнить, – что-то бормочет и шепчет. Знаете, доктор, как бабки-знахарки произносят свой наговор. Бу-бу-бу, ш-ш-ш... Но я ничего не могу разобрать, ни слова.

– Да, понимаю, о чём ты, – я одобрительно кивнул, внося небольшие пометки в свои записи.

Невнятное бормотание двойника, о котором говорила Лиз, я и сам не раз слышал из её уст, наблюдая за ней во время приступов. Мне даже думалось, что она непроизвольно впадает в патологический транс – нередкое явление при таких психических недугах, как истерия или шизофрения. Но не всё было так просто...

Я не мог утверждать, что являюсь лучшим экспертом в области подобных расстройств – слишком невелик был мой опыт, – но одно я понимал точно: болезнь Лиз разительно отличалась от всех виденных мною ранее разновидностей шизофрении. Лиз была слишком, и повторюсь, слишком нормальной в отличие от приступов время. А порой, когда у неё случались длинные периоды ремиссии, я начинал сомневаться, зачем мы вообще держим совершенно здорового человека в стенах нашей клиники. В такие дни она часами пропадала в библиотеке и затем спешила обсудить со мной прочтенную книгу или статью. Лиз прибегала ко мне в кабинет с привезённой из Штатов гитарой и пела как классические романсы, так и модные студенческие песенки. Она курила тайком с привратником и сплетничала с санитарками. А однажды, в один из морозных дней, она просто сбежала через окно и пошла кататься с горки. Клянусь, если бы я знал заранее, то с удовольствием составил бы ей компанию. Одним словом, Лиз была нормальной двадцатитрёхлетней девушкой, глядя на которую, у меня язык не поворачивался сказать, что она психически нездорова.

Доктор Арольд, в отличие от меня, существующий диагноз под сомнение не ставил. Более того, являясь сторонником так называемого лечения сном, он прописал Лиз убийную дозу барбитуратов, которые, на мой взгляд, в её случае были не только бесполезны, но могли вызвать целый букет серьёзных побочных расстройств.

К сожалению, у меня не хватало достаточных доводов, чтобы убедить Арольда отменить препарат. Тогда я только-только получил постоянное место врача в этой престижной клинике. Её владелиц, международное светило психиатрии, знаменитый Шварц-Гаус, с недавних пор не практиковал, полностью переключившись на преподавание и написание научных статей. Он искал «новую кровь» – молодых и перспективных специалистов – и нашёл меня. Я в то время много стажировался в клиниках по всей Европе и активно писал и публиковал работы, посвящённые теоретической психиатрии. Видимо, прочитав их, Шварц-Гаус и разглядел во мне то, что искал.

Мне выделили собственный кабинет в лечебном корпусе и скромную квартиру в одном из служебных зданий клиники, состоящую из двух просторных комнат: спальни и гостиной. О большем я и мечтать не мог.

Профессор пожелал, чтобы я занялся иностранными пациентами. Подопечных у меня было немного: одна испанская вдова, страдающая от невроза, известный немецкий художник с тем же диагнозом, сын английских аристократов, проходящий курс лечения от алкоголизма, и две француженки с истерией. Лиз же была для меня гораздо больше, чем просто пациентка...

Но всё же за главного в клинике оставался старый Арольд. Он, в отличие от Шварц-Гауса, таланта во мне не разглядел. Воспринимал меня не более, чем практиканта, и считал своим долгом взять надо мной шефство. Я же расценивал его как специалиста, безусловно, большого, но не блестящего и, пожалуй, слишком уж закостенелого. Удивляюсь, что было общего у него с мировым светилом Шварц-Гаусом и с прогрессивными взглядами того на психиатрию. Видимо, двоих врачей связывала только юношеская дружба и совместные деньги, вложенные в открытие клиники. Арольд, в отличие от своего коллеги, был слишком консервативен. Он собирался пичкать Лиз небезопасными седативными лекарствами, а я, как и Шварц-Гаус, являлся сторонником психоанализа, потому что твёрдо верил – психические расстройства не следует лечить по шаблону.

Тем не менее, я решил с Арольдом не спорить, но, на правах лечащего врача, оставил за собой возможность выбора дозировки назначенного Лиз препарата, сведя её к минимальной. Разумеется, заведующему клиникой знать об этом было не зачем.

Первым делом я собирался выяснить, что же послужило толчком к началу болезни. Ещё перед тем, как привести дочь в Швейцарию, Бен Родрик утверждал в своих письмах, что сны и редкие галлюцинации стали беспокоить её два года назад. Однако, когда мы встретились, он почему-то сообщил, что болезнь Лиз тянется вот уже три года. Я указал ему на эту неточность, и он совершенно потерялся, совсем как человек, пойманный на лжи. На помощь мужу тут же подоспела миссис Родрик, сказав, что дать точное время начала болезни они не могут, потому как Лиз сперва ничего им не говорила. На мой вопрос, происходило ли в тот период что-нибудь значимое, что могло послужить толчком для начала болезни, Бен Родрик вновь бубнил какой-то вздор, а его жена решительно заявляла, что ничего такого значимого не происходило, что Лиз, возможно, была слишком загружена в колледже, или, кто её знает, влюбилась в кого-то безответно, но не более. Никаких болот девочка отродясь не видела и уж совершенно точно босиком по ним не гуляла.

Существенных оснований им не верить вроде и не было, но всё же во мне поселилось стойкое чувство, что родители Лиз врут. Я поделился с Арольдом своими сомнениями, но он ответил мне безапелляционно: «Доктор Ланнэ, отец девушки – священник. В чём, собственно, вы его подозреваете? Не стройте из себя детектива, а займитесь лучше пациенткой».

Сама Лиз пыталась всячески мне содействовать, но совершенно искренне утверждала, что толком не знает, с чего именно всё началось. Самым простым способом заставить её вспомнить прошлое был гипноз. Я овладел им в совершенстве во время длительной стажировки в одной австрийской клинике, но проводить с Лиз сеансы гипнотерапии Арольд мне категорически запретил, мотивируя это тем, что погружение в транс могло бы спровоцировать у моей пациентки ухудшение. Я был с ним совершенно не согласен. Покопавшись в воспоминаниях Лиз, мы бы выяснили природу её видений и знали бы, в каком направлении вести дальнейшую работу, но Арольд оказался непреклонен. Он обвинил меня в безалаберности, и я даже усомнился в правильности моих идей и на время отказался от них.

Решение приняла сама Лиз. Как-то вечером, едва отойдя от очередного приступа, она настойчиво постучала в дверь моего кабинета.

– Загипнотизируйте меня, – сказала она сходу. – Вы это умеете, я слышала, как медсёстры говорили.

Я попытался возразить, но она не дала мне произнести и слова.

– Знаю, мой отец против, но я хочу выяснить правду.

– Твой отец? – оторопел я. – А причём здесь он?

– Я слышала, как они с доктором Арольдом обсуждали моё лечение, и оба сошлись на том, что гипноз мог бы мне навредить. Но хуже, чем теперь, вряд ли будет. Загипнотизируйте меня, я настаиваю.

Я стиснул зубы. Интересно, что они там ещё обсуждали без моего ведома. Арольд мог бы и меня пригласить на эту беседу, я как-никак лечащий врач Лиз.

– Доктор Арольд отчасти прав, – подавив вспышку гнева, сказал я, – гипноз может навредить при тяжёлых формах психических расстройств, но, на мой взгляд, это не твой случай. Однако, – поспешил добавить я, увидев, как она загорелась, – я не могу нарушить предписания главного врача.

– Мы никому не скажем, – шепнула Лиз, в глазах читалась мольба. – Пообещайте, что вылечите меня, доктор Ланнэ.

– Даю тебе слово, Лиз, я сделаю для этого всё, что мне под силу, но с гипнозом нам придётся повременить, – сказал я, однако ровно через месяц, воспользовавшись отъездом Арольда на конференцию в Вене, я всё же отважился нарушить запрет и устроил моей пациентке сеанс гипнотерапии.

4. Гипноз

Было утро. С утёса, где мы с Лиз расположились, открывался вид на долину Эндельберг, поделённую надвое голубой лентой реки. Пришла весна. Растаявший снег спускался с гор юркими ручьями и наполнял стремительный поток. Склоны реки были усыпаны проснувшимися после долгой зимы горными деревушками.

Лиз принесла с собой гитару и теперь, откинувшись на спинку плетёного кресла, наигрывала Этюд № 5 Мауро Джулиани**. Полосатые тени от повислых ветвей соседней лиственницы колыхались на её сосредоточенном лице и грациозной шее и подчёркивали изящную линию ключиц. Лиз так старалась правильно проиграть пассаж, словно от этого зависело что-то очень важное. Она сбивалась и начинала заново, усердно перебирая пальчиками упругие струны. Шум реки внизу вторил тревожным аккордам. Переклики беркута вплетались в быструю мелодию звонким клёкотом. Лиз спешила. Спешила проиграть пассаж. Спешила жить. И этим утром, как никогда, я видел её готовность к новой жизни.

Арольд отбыл на конференцию на рассвете, а ещё через полчаса, не дожидаясь одиннадцати, ко мне заглянула Лиз и заговорщически шепнула:

– Доктор Ланнэ, давайте пройдемся.

Вряд ли бы нам подвернулся более выгодный случай: надзиратель отсутствовал, а Лиз находилась в стадии ремиссии вот уже три недели.

С наступлением весны мы нередко гуляли с ней по лесу. Я всё чаще предпочитал проводить беседы с моими пациентами на свежем воздухе, нежели в закрытом помещении, и вскоре нашёл подходящее место, тихое и уединённое, на вершине утёса. Два плетёных кресла и столик заменяли мне привычную обстановку кабинета. Мои подопечные оценили эту придумку – здесь, в лесу, они переставали чувствовать себя пациентами и раскрывались куда больше.

Однако доктор Арольд лишь скептически приподнял бровь, когда я забирал старую садовую мебель с чердака клиники и объяснял ему, для чего она мне понадобилась. «И чему только нынче учат в университетах?» – проворчал он в ответ на мои разъяснения. Но что мне до него? Меня больше волновало мнение моих пациентов и, в особенности, Лиз. Она пришла в полный восторг, когда я впервые показал ей мой новый импровизированный кабинет под сенью деревьев. Теперь она всегда хотела проводить сеансы психоанализа исключительно на свежем воздухе.

– Доктор, вам кто-нибудь говорил, что вы похожи на Джэка Лондона? – вдруг сказала Лиз, отложив гитару.

– Правда? – удивился я, пытаюсь воссоздать в памяти физиономию американского писателя, и понял, что, прочтя столько его книг, не имею понятия, как он выглядит.

– Да. У вас такой же открытый взгляд и волевой подбородок, – ответила она совершенно серьёзно.

– Никогда бы не подумал, что моему подбородку можно дать такое определение. Я бы назвал его просто выступающим, – засмеялся я, хотя, не скрою, мне было лестно получить комплемент от Лиз.

– Нет-нет, он волевой. А в сочетании с выдающимися скулами свидетельствует о решительности и мужественности, – добавила она.

Слова Лиз были для меня как нежные прикосновения её пальцев к моему лицу. Ей нравится мой взгляд, подбородок и скулы. Она считает меня мужественным – а это уже что-то! Я был чуть ли не на седьмом небе от счастья. Однако мне не стоило большого труда, чтобы догадаться о том, что, переключив разговор на меня, Лиз пытается скрыть волнение перед предстоящим сеансом гипноза. Волновался и я. Из головы никак не шли слова Арольда о неблагоприятных последствиях гипнотерапии.

Меж тем Лиз села поудобнее, поправила плед на спинке кресла и, глубоко вздохнув, сказала:

– Я готова, можете начинать.

– Мне хотелось бы ещё раз напомнить... – кашлянул я.

– Знаю, – перебила Лиз, – вы уже говорили, доктор. Риск приступа минимален, но он есть. Ну и пусть. Одним приступом больше, одним меньше... Гораздо важнее понять, что со мной происходит.

Несомненно, готовность Лиз к терапии и, в целом, её желание выздороветь, увеличивали шансы на успех. Согласие пациента и его участие фундаментальны при использовании гипноза. Однако меня не покидало предчувствие, что этот сеанс пробудит какие-то тайны из прошлого Лиз, которые, возможно, стоило бы оставить спящими. Но без этих воспоминаний мы не смогли бы выяснить

причину её болезни, а значит, риск был оправдан.

Лиз говорила, что поначалу ей снились одни только сны, а приступы пришли позже. Два или три года назад – она точно не помнила. Тогда сновидения были редки, и Лиз не придавала им значения, а утреннее недомогание списывала на приступы мигрени из-за перепадов погоды. Однако я был уверен: два или три года назад с Лиз что-то произошло, а Бен и Джоан Родрик упорно скрывали это от меня и от неё самой. Но вместе с тем оно никуда не делось из головы Лиз, а было запрятано сознанием в самые потаённые уголки её памяти. Сеанс гипноза помог бы вытащить прошлые события на поверхность и рассмотреть их вблизи. Основная трудность заключалась лишь в том, что у меня на руках не было ни одного факта, от которого я бы мог оттолкнуться при погружении Лиз в глубокий транс. Как вернуть её в прошлое, если я не знал, в какую именно точку мы должны возвратиться? Мне оставалось только предполагать, что Лиз всё-таки побывала много лет назад на каких-то болотах, которые теперь грезятся ей в неотступных видениях. От этого и пришлось исходить, хотя я знал, что придётся действовать интуитивно, чтобы привести Лиз в место из её видений.

Я долго готовился к этому сеансу, даже не будучи уверенным в том, что он состоится. Мои постоянные наблюдения за Лиз теперь позволяли читать её, как открытую книгу. Я знал каждый её жест, угадывал по мимике мысли. Не то чтобы я делал это исключительно в целях лечения – мне нравилось изучать её. Она и сама не сопротивлялась, а, наоборот, с воодушевлением раскрывалась передо мной. И теперь эти наблюдения были исключительно важны для предстоящей работы. Я вкратце объяснил Лиз мои дальнейшие действия.

– А где же ваши часы на длинной цепочке? – спросила она, видя, что кроме блокнота, у меня в руках ничего нет. – Разве вы не будете раскачивать их передо мной, чтобы я заснула?

– Я могу раскачивать перед тобой хоть эту ветку, – сказал я, улыбнувшись, и Лиз улыбнулась мне в ответ. – В гипнозе важно фокусирование взгляда, а объект не имеет никакого значения. Часов я с собой не взял, но ты можешь сама выбрать то, на что тебе нравится смотреть.

– Ветка вполне подойдёт, она мягкая и лучисто-зелёная, – сказала Лиз коснувшись подрагивающей от лёгкого ветерка ветви лиственницы.

– Тогда начнём, – кивнул я, мысленно подготавливая и себя самого.

Шум реки и леса настраивали на нужный лад, тени деревьев смягчали дневной свет и сглаживали контрасты. Лиз выглядела спокойной и уверенной.

– Внимательно смотри на ветку и слушай мой голос... – медленно и с расстановкой заговорил я. – Следи, как она упруго качается на ветру... как солнечный свет проникает в каждую хвоинку... а молодые шишки крепнут, питаемые соками дерева... В этой зелёной хвое и побегах заключена многовековая сила леса... Представь, что вместе с запахом смолы хвоинки источают искрящийся, зелёный, напитанный солнечным теплом свет... Ветви клонятся к тебе всё ближе... Их свет окутывает тебя... и защищает... Твои веки тяжелеют и смыкаются... тяжелеют и смыкаются... – Лиз закрыла глаза, и вскоре её дыхание стало ровным, как во сне, а я продолжал: – Теперь ты под защитой дерева... Ты в полной безопасности... Тебе ничто не грозит, лес защитит тебя...

Первый этап был пройден, Лиз вошла в лёгкий транс.

– Теперь, представь, что ты идёшь по лесной тропинке. Она забирает вглубь чащи... Ты чувствуешь себя под защитой деревьев, они охраняют тебя... Ты ступаешь всё дальше и дальше и с каждым шагом всё глубже погружаешься в гипноз... Ты слышишь только мой голос, все посторонние мысли уходят из головы... Ты доверяешь мне и ответишь на любой мой вопрос... Тропинка петляет, и с каждым поворотом ты всё дальше уходишь в своё прошлое... Ты продолжаешь идти по лесу, деревья сгущаются... Постепенно почва становится всё мягче и разъезжается под ногами, следы на земле заполняются водой... Что ты чувствуешь?

– Мне жарко, – ответила Лиз. – Блузка липнет к телу, я выпила уже целую флягу воды.

Ответ Лиз показался мне неожиданным. Ей жарко? Интересно, где же она находится. Тем не менее, голос мой не дрогнул.

– Кто идёт с тобой рядом?

– Отец... – проронила она, – и другие проповедники.

Вот оно, мелькнуло у меня в голове, но опять же ни малейшей интонацией я не выдал поднимающееся во мне волнение.

– Сколько их? – спросил я следом.

- Четверо. И ещё двое - в военной форме, - с этими словами Лиз тронула себя за плечо, видимо, обозначая, что узнала их по погонам.

- А зачем военные? - ровным голосом поинтересовался я.

- Для нашей безопасности.

- Разве вам что-то грозит? - снова спросил я, но уже более осторожно.

- Нет, вернее, я не знаю... - ответила она, но черты её лица стали чуть жёстче.

Решаю пока обойти опасную тему. Теперь нужно действовать крайне предусмотрительно и взвешивать каждое слово.

- Куда вы идёте?

- Мы несём Слово Божье. Отец будет читать проповедь. Он хорошо говорит, и его всегда слушают, - медленно произнесла моя пациентка, продолжая размеренно дышать.

- Лиз, кому твой отец будет читать проповедь?

- Я... я не помню... - ответила она, хмуря лоб.

- Он идёт рядом с тобой и что-то говорит об этом, вслушайся в его слова, - сказал я, не переставая наблюдать за малейшим изменением выражения её лица или интонации.

- Да, слышу, - кивнула Лиз. - Он говорит, что миссия наставит безбожников и дикарей на путь истинный.

Занятно... Миссионеры значит... Куда же они ездили?

- Лиз, знаешь ли ты, где находишься? - спросил я.

- Н-нет... - замотала головой она.

- Посмотри кругом, какие деревья ты видишь?

- Я не знаю, как они называются.

- Не страшно, опиши мне их, - сказал я мягко.

- Они высокие и загораживают свет, - ответила Лиз, вода в воздухе руками, - и все оплетены какими-то ползучими растениями, будто кто-то размотал большой клубок грубых ниток.

Ползучие растения... Лианы? Так... интересно... Значит, речь вовсе не о североамериканских лесах... Но Родрики утверждали, что никогда не выезжали за пределы штатов... Любопытно... Что же это значит? Занятные выясняются вещи, но чтобы получить ответы на вопросы, нужно ещё большее погружение в транс. Всё идёт по задуманному. Решаю рискнуть.

- Лиз, ты продолжаешь ступать по тропинке. За следующим поворотом находятся твои самые потаённые воспоминания... Ты заходишь за поворот... Здесь почва становится всё мягче, обувь вязнет в грязи... ты перешагиваешь через лужи... пахнет приближающимся болотом... Идешь дальше... К ногам подступает вода. Теперь тебе приходится быть осторожнее, но лес по-прежнему оберегает тебя... Ты перепрыгиваешь с кочки на кочку, внимательно смотря под ноги, чтобы не провалиться в болото... Что ты теперь чувствуешь?

- Безразличие... - вдруг произнёс кто-то, и я вздрогнул, уставившись на Лиз.

- Опустошенность, - опять донеслись из её гортани посторонние звуки - говорила не она.

На секунду я потерял дар речи. Этот голос... Кажется, я улавливал его во время приступов Лиз, но никогда не слышал так чётко.

- Опустошенность? - переспросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно ровнее.

- А что ещё чувствовать человеку, который знает, что скоро умрёт... что он уже мёртв... - опять сказала не Лиз.

Я молчал, лихорадочно пытаюсь понять, что происходит. На приступ это не походило, но я точно знал, что говорю с кем угодно, но только не с Лиз.

- Как твоё имя? - спросил я.

– Аламеда, – ответил голос.

– Аламеда?

Кто такая Аламеда? Лиз никогда не упоминала о ней... Неужели у моей пациентки какая-то скрытая диссоциация личности? Я судорожно подбирал подходящие диагнозы. Второе Я?

– Да, меня зовут Аламеда, – повторила та, что пряталась в облиии Лиз.

– Ты знакома с Лиз?

– Лиз... Да, я помню Лиз... – сказал мне чужой голос, но прозвучало это с жесточайшей ненавистью. – По её вине я умерла...

Я быстро соображал. Дальше идти было слишком опасно, нужно вывести Лиз из гипноза, связываться с её отцом и трясти из него правду. Чёрт бы его побрал!

Внезапно её тело вздрогнуло. Судорогой свело до того спокойное лицо. Грудь резко изогнулась дугой, как от толчка в спину. Моя пациентка вскрикнула, но я облегчённо выдохнул: это снова была Лиз.

– Лиз, слушай меня внимательно. Я доктор Ланнэ. Ты всё ещё под защитой леса, ты в полной безопасности. Сейчас я сосчитаю до пяти, и ты проснёшься.

– Я не Лиз, я не Лиз! – снова зашептал с остервенением чужой голос. – Будьте вы все прокляты!

Очередной толчок – и опять крик Лиз.

– Лиз, я доктор Ланнэ, ты в клинике «Голубой Лес», я сосчитаю до пяти, и ты проснёшься. Один, два, три, четыре, пять – проснись.

Лиз распахнула веки. Её прекрасные глаза остановились на мне.

– Доктор Ланнэ... Что с вами? – проговорила она с тревогой всматриваясь в моё лицо.

Наверное, в эту минуту у меня был взгляд безумца. Во всяком случае, Лиз смотрела с большим беспокойством.

– Как всё прошло? – опять спросила она. – Я совсем ничего не помню.

– Хорошо, – сказал я, возвращая себе самообладание. – Как ты себя чувствуешь?

– Не знаю... немного странно, – еле шевеля губами, ответила она, и тут глаза её вдруг закатились, грудь снова вздрогнула, и у Лиз начался настоящий приступ, а я, проклиная себя на чём свет стоит, подхватил её скованное судорогой тело и помчался в клинику.

** гитарную композицию Мауро Джулиани можно послушать в приложении Дополнительные материалы

5. Отправление

Все были в сборе, ждали только Аламеду. Нита сказала ждать и отправила Лони найти её. Нехитрый скарб уже свалили в кучу посередине плавучего острова. Строить его начали, когда к болотам стала подступать Большая Вода. Как давно – никто не считал. Здешний народ не имел понятия о времени, не именовал дни, не вёл календаря и не думал о будущем. Жили одним мгновением.

Лакос погибал. Неминуемо уходил под воду, и никто не знал, сколько ещё ему осталось. Люди из разрозненных и давно стёртых с лица земли племён нашли друг друга, кочуя от болота к болоту, от островка к островку. Горстка обречённых, объединившихся, чтобы выжить. Каждый в поисках спасения, в поисках твёрдой земли. Плавучие острова служили верным и единственным способом передвижения от одного пристанища к другому. Построить прочное судно или хотя бы плот было не из чего. Древесина ходячих мангров не годилась: гнила за считанные дни, как протухшее мясо, а другие деревья на топах обычно не росли. Поэтому в ход шла болотная трава. Из неё мастерили практически всё: лёгкие тростниковые лодки для рыбалки, рогожные одеяла, корзины, навесы для хижин и одежду.

Вот и теперь, соорудили плавучий остров, большой, на целых сто шагов в длину. Половину работы проделал ветер, сорвав и сбив в плотную массу тростник, осоку и рогоз, росшие по берегам болота, а люди расширили и укрепили осередок. Долго он не протянет. Ветер что дал, то и возьмёт назад, разберёт по травинке, раскидает по воздуху. Или не дай бог буря. Поэтому нужно спешить, найти новое пристанище, пока под ногами осталась твёрдая основа.

Плавучий остров удерживался возле берега несколькими толстыми камышовыми верёвками, которые привязали к шестам, вогнанным в землю, – ещё одна редкость, доставшаяся людям в наследство от прежних времён. Теперь изделия из железа были в Лакосе в большой цене, что уж говорить об оружии. Лезвия ножей, наконечники стрел и копий чаще всего делали из длинных зубов подводных чудовищ. Рукоятки мастерили из их же кости, реже из плотно переплетённого тростника. Для оглушения монстров использовали булавы с тяжёлым каменным шаром – обороняться приходилось не раз.

Сборы шли полным ходом. Мужчины раскладывали рыболовные снасти: рыбалка была единственным способом выживания на воде. Другие носили вязанки свежего тростника, чтобы настилать новые слои по мере гниения нижних. Если Боги будут милосердны, этих запасов хватит до тех пор, пока люди не найдут себе новый дом. Третьи закатывали на остров бочки с пресной водой, которую успели набрать из подземного источника, прежде чем его затопило. Пожалуй, это был самый ценный груз островитян – питьевая вода. Да и бочки берегли как сокровище. Их смастерили в те времена, когда на небольших участках суши ещё росли деревья с годной для использования древесиной.

Пока мужчины грузили весь скарб, женщины обустроивали нехитрый быт островитян. Укрепляли тростником навесы, раскладывали корзины с пожитками, глиняную посуду и одеяла, мастерили из камней закрытые камельки для приготовления пищи.

– Нита, зачем ты отправила за ней? – проворчала одна из женщин, толстая Найра, пристраивая к груди младенца. Две чёрные косы свисали из-под её круглых щёк, низкий лоб недовольно хмурился. – Стемнеет рано, и по её вине сегодня мы далеко не продвинемся.

– От этой чужачки одни беды, – добавила, докладывая тростник к навесу, вторая – суеверная Калү, худая с широким носом и выступающим подбородком. – Как только Аламеда здесь объявилась, к нашему болоту стала подступать Большая Вода, а на небе загорелась вторая луна. Это дурной знак.

– Большая Вода всегда приходит в одиночку, ей не нужны предвестники, – бросила Нита и крепко взялась за шест, к которому был привязан плавучий остров, давая тем самым понять, что она намерена ждать Аламеду столько, сколько потребуется. И пусть кто-нибудь только попробует сдвинуть её с места.

– А что до второй луны, – добавила Нита холодно, – одним творцам известно, что происходит с небесными светилами по мере приближения к кладбищу миров. Аламеда тут ни при чём.

Среди женщин прошёлся возмущённый ропот:

– Носится с ней, как наседка с яйцом.

– Родня она ей, что ли?

– Откуда взялась эта Аламеда?

– Я слышала от прабабки, будто на затонувшем северном материке когда-то обитали светлокожие люди...

- Сдалась же тебе эта белянка, - бросила Найра, недовольно глядя на Ниту. - Вот увидишь, скоро она уведёт у кого-нибудь мужа. Вон как они смотрят на неё.

- Так и разберитесь со своими мужьями, - хмыкнула Нита.

- Найра, между прочим, твой муж и на меня поглядывает, - вдруг произнесла с усмешкой девушка в платье цвета амаранта. Она сидела на краю острова, плетя верёвку из тростника, и казалась дикой лилией среди воды и зелёных стеблей. Ветер заигрывал с её длинными, по пояс волосами. Пронзительные глаза покосились на собеседницу.

Все засмеялись. Найра проворчала что-то и снова занялась младенцем. А не принимавшие участия в разговоре мужчины, услышав, что речь идёт о них, слабо возмутились, но тут же вернулись каждый к своей работе.

- Но женщины правы, Нита, - опять сказала девушка-цветок. - Белянка здесь чужая. Она не хочет идти с нами. Почему бы не оставить её в покое?

- Аламеда погибнет одна, и ты это прекрасно знаешь, Муна, - медленно, но упирая на каждое слово, проговорила Нита. - Мы все дали клятву держаться вместе и никого не бросать. Что бы ни случилось, - она начинала с беспокойством поглядывать в сторону тростниковых зарослей. Куда запропастился этот Лони? Нужно было пойти самой.

- Твоя Аламеда никакой клятвы не давала, - возразила Муна и, оставив свою работу, вскочила на ноги, не менее сильные и мускулистые, чем у Ниты, но куда более стройные и длинные. - Белянка чужая и никогда не пыталась стать частью нашего племени. Ты не заставишь её жить, если она сама этого не хочет. Мы все здесь сражаемся с наступающей водой. Каждый день, каждый проклятый миг. И я хочу, чтобы в тяжёлый час со мной были люди, готовые бороться со смертью, способные обхитрить её, а не те, кому всё безразлично, кто погибнет сам и станет гибелью для других, - Муна с вызовом смотрела на Ниту, а остальные одобрительно кивали в знак согласия.

- Ты слишком жестока к ней, сестра, - ответила с укором Нита, но позицию свою не оставила, словно вросши двумя ногами-столбами в утрамбованный тростник. - У неё горе в глазах. Всмотрись - в них написано, что она потеряла всё: свой дом, свою семью, свой народ и свою любовь. Но, кроме этого, я вижу в её глазах силу, затаившуюся силу одинокого волка, отбившегося от стаи. Вот увидите, Аламеда ещё поможет всем нам, она выпустит эту силу.

Муна хмыкнула, пожав плечами:

- Каждый из нас чего-то лишился, но мы боремся, а она... она как... как мёртвая.

- Правильно Муна говорит, - вновь сказала Найра. - Зови Лони, и отправляемся. Захочет - догонит вплавь.

- Вот-вот, - добавила Калү. - Не желает жить - только навлекает на всех гнев Богов.

- Верно! - подхватили другие. - Отплываем!

- На топах никто не останется! - вдруг обрывисто гаркнул чей-то трескучий голос - будто с хрустом отломилась сухая ветка. Однорукий старик Яс, всё это время молча сидевший под навесом, медленно повернулся к женщинам и обвёл их тяжёлым взглядом, всем своим видом показывая, как же он устал от этих разговоров. Морщины глубже обычного избороздили его лицо, ссохшееся, будто печёный корень мангра.

Гаркнул одно слово - и замолчал. Яс вообще был не из говорливых, но старейшину в племени почитали. Он единственный застал на своём веку прежний, цветущий Лакос. Одного слова Яса оказалось достаточно: женщины притихли.

Мужчины вообще предпочитали не вмешиваться, им по сути было всё равно. Девушка с необычной внешностью и правда поначалу вызвала у них интерес, но ненадолго. Парочке смельчаков новенькая сразу дала от ворот поворот. А ну её, овчинка выделки не стоит. Уйдёт она или останется, им от этого ни прибудет, ни убудет.

Выслушав вердикт старейшины, Муна снова пожала плечами и вернулась к своей работе. Нита хорошо знала, что означает этот жест: думайте, как хотите, но меня вам не переубедить. Она давно свыклась с упрямым нравом сестры. Обе они славились сильным характером. Чего-чего, а упорства им было не занимать. Но, в отличие от молчаливой Ниты, Муна часто заводилась с полуслова. Их родители погибли с наступлением Большой Воды, когда Муне едва исполнилось три года, и двенадцатилетней Ните пришлось заменить ей мать.

- Идут! - вдруг крикнул длинноволосый парнишка, чинивший рыболовную сеть на берегу.

- Надо же, уговорили, - недовольно буркнула Найра.

Ни на кого ни глянув, Аламеда молча взошла на плавучий остров за Лони. Найра и Калү перешепнулись. Нита проследила за Аламедой взглядом и, ничего не сказав, обрубила камышовую верёвку. Остров дрогнул на лёгкой волне и покорно поддался размеренному течению Большой Воды.

Каждый раз, пускаясь в долгое плавание на поиски нового пристанища, старались держаться мелководья, ближе к тем местам, где длинные вёсла доставали до дна – так легче было встретить на пути какой-нибудь клочок суши – и к тому же безопаснее. На большой глубине, поговаривали, обитали настоящие монстры, а на маленькой – и чудовища были мельче, с ними получалось совладать. Поэтому вёслами не только гребли и отталкивались ото дна, ускоряя движение, но и оборонялись. В открытых водах нередко таились монстры пострашнее лупоглазой вьельзевуллы. Ходили слухи об огромных океанских медузах, которые проглатывали и переваривали целые лодки. Кто-то верил, кто-то нет, но глубину проверяли непрестанно.

Порой Большая Вода играла с людьми злую шутку. Мутная и непрозрачная, она таила на дне пропасти и огромные овраги. Бывало, плывёт себе гребец, ничего не подозревает, отталкивается веслом ото дна, а оно вдруг как провалится – и полетит человек в воду. А там подводное течение хватить – и унесло... Нита хорошо это знала и теперь пыталась объяснить Аламеде безопасный способ гребли, но, кажется, та слушала вполуха.

Пришла ночь, смешались краски неба и воды, гребцы оставили свои вёсла и закорили остров.

Аламеда долго не могла уснуть. Она лежала на спине, укрывшись грубым рогожным одеялом, и гадала, какая из звёзд на небе является её прежним миром. Высоко над головой сияли две луны: одна, словно отражение другой. В племени поговаривали, будто вторая появилась на небосклоне с приходом Алаеды. Та не понимала, что это могло означать, но почему-то чувствовала себя связанной с этим небесным светиллом. Будь здесь старая колдунья и наставница Ваби, она бы всё объяснила, но Аламеда была одна.

В ту ночь ей приснился странный сон, вернее, проснувшись, она уже знала, что никакого сна на самом деле не было. В её дремлющее сознание проник кто-то, и она говорила с этим человеком. Бледнолицый мужчина с пронзительными серыми глазами задавал ей вопросы, а она отвечала. Не могла не ответить, будто пойманная им на крючок, словно глупая рыба. Он спросил, как она себя чувствует и как её зовут, а затем – знакома ли она с Лиз...

- Лиз... Да, я помню Лиз... - ответила Аламеда. - По её вине я умерла.

Как же не помнить. Ей никогда не забыть, как белолицые завопили: «Лиз, о нет!», - когда Аламеда, раненая, напала на ту девчонку и, бормоча заклинание, намертво вцепилась ей в лицо перепачканными кровью руками. То самое лицо, которое Аламеда теперь видела, каждый раз смотря на своё отражение в воде. О, да, она помнила, как они с радостью окружили ту девчонку, утешая её и повторяя «Лиз, бедная Лиз..», после того как Аламеде меж лопаток впился горячий металл. Это по вине Лиз она погибла и попала в умирающий Лакос. Ах, если бы только можно было вернуться назад и завершить обряд переселения души. Тогда бы Аламеда не ошиблась. Она им всем отомстила бы. И за себя, и за Роутега.

- Лиз, слушай меня внимательно, я доктор Ланнэ... - говорил голос из головы, называя Аламеду этим ненавистным именем.

- Я не Лиз, я не Лиз! - прошипела она сквозь сон. - Будьте вы прокляты.

Аламеда резко проснулась. Перед глазами было всё то же синее небо, утыканное множеством звёзд, и две луны, холодно глядевшие на неё свысока, как два горящих глаза. Рядом хлюпала вода, а рогожное одеяло покалывало шею. Кто этот человек? В том, что он из её прежнего мира, Аламеда не сомневалась. Он был как-то связан с Лиз. Но как ему удалось проникнуть в её спящее сознание? Доктор Ланнэ... он назвал себя доктором... Кажется, белые именуют так своих врачей... Неужели у него как-то получилось через сознание той проникнуть в её собственное...

Аламеда села, накинув одеяло на плечи. Весь сон словно улетучился. В голове разгоралась мысль: значит, ещё не всё потеряно... вот она ниточка, по которой можно вернуться в прежний мир и отомстить за Роутега. Духом ли, человеком, но вернуться и поквитаться со всеми. Старая Ваби многому научила её, нужно только понять, как теперь применить эти знания. Тонкая связь с невидимым собеседником неожиданно проложила дорожку обратно, в её прошлую жизнь. Потухший уголёк мести в сердце Алаеды стал вновь разгораться, раздуваемый ветром проснувшихся воспоминаний. "Вернуться и отомстить, вернуться и отомстить", - повторяла она про себя, пока снова не уснула.

6. Правда

Обессиленная приступом, Лиз лежала в своей палате, а я заказал телефонный разговор с Америкой и ждал, пытаюсь загипнотизировать даже телефонный аппарат. Я не пошёл обедать и все осмотры перенёс на вечер. Минуты тянулись как часы, а часы – как бесконечность. Всё это время я просто сидел, положив руку на трубку, и пытался осмыслить то, что сказала мне Лиз. В голове путались и натывались друг на друга противоречивые гипотезы, но в итоге я смог собрать мысли воедино и выдвинуть более или менее логическую версию случившегося.

Итак, несколько лет назад Лиз сопровождала отца в какой-то миссионерской поездке. Пока ничего удивительного нет. Бен Родрик – проповедник. Вот уже четыреста лет, с момента образования испанских и португальских колониальных империй, представители различных христианских конфессий более или менее успешно обращают в свою веру так называемых дикарей. И Бен Родрик – далеко не первый проповедник, ставший миссионером. Лиз как раз изучает теологию в университете, и её отец считает, что ей будет полезно принять участие в этой благородной поездке. Одно странно: девушка совершенно ничего о ней не помнит, а Родрик почему-то не хочет об этом говорить...

Идём дальше. Куда они могли отправиться? Жара, лианы... Скорее всего, речь о какой-то тропической стране. Африка, возможно? Или Южная Америка? А те самые «безбожники», которых нужно наставить на путь истинный – аборигены тех мест. По джунглям миссионеры пробираются в сопровождении вооружённой охраны. Зачем? Излишняя предосторожность? А, возможно, и не излишняя... Помнится, я как-то читал о том, что где-то туземцы убили, а затем и съели пришедших к ним миссионеров. Может быть, Родрик опасался не слишком радушного приёма? Вполне вероятно. Что произошло дальше – загадка. Скорее всего, случилось некое событие, шокировавшее Лиз до такой степени, что её травмированная психика спрятала воспоминания о нём в самые потаённые уголки её памяти.

И, конечно же, наибольшая загадка во всей нашей истории – Аламеда. Кто она? Если это одна из скрытых личностей Лиз, то как я умудрился не заметить её присутствия ранее? Или, возможно, Аламеда живёт на очень глубоком подсознательном уровне моей подопечной, а гипноз всего лишь помог мне выявить эту скрытую идентичность? Что ж, у меня уже были пациенты с подобным расстройством. Помню один занимательный случай, когда мне пришлось иметь дело с шестью различными личностями одного человека. Мы с коллегами рассматривали их, как последовательные вариации его основной личности. Но могу ли я проводить аналогии в случае с Лиз? Живёт ли Аламеда только в её воображении или существует на самом деле? Имеет ли какое-то отношение к приступам моей пациентки и к случившемуся в джунглях? Слишком много вопросов...

Я опасался, что Бен Родрик просто так не заговорит, и все два часа обдумывал тактику предстоящей беседы. Стоит ли застать его врасплох, огорошить, чтобы он, не моргнув, враз выложил всю правду? Или лучше уповать на отцовский долг? Нет, пожалуй, нет. Человек он честолюбивый, а его жена – тем более. Должно быть, произошедшее слишком сильно било по репутации их благочестивой семьи, раз они решили оставить всё в тайне. Только вот о Лиз никто не подумал... Пожалуй, лучше воспользоваться эффектом неожиданности.

Внезапно задребезжал телефон, я вздрогнул, но тут же вернул себе спокойствие духа и снял трубку. Телефонистка соединила меня с Родриком.

– Доктор Ланнэ, очень рад вас слышать! – прозвучал в аппарате еле слышимый голос. – А я как раз собирался звонить вам на днях, но вы меня опередили. Что-нибудь с Лиз?

Надо же, он вдруг вспомнил о дочери.

– Всё по-прежнему, – сдержанно ответил я и тут же ухватился за новую возможность: – Вы сказали, что собирались звонить мне?

– Да. Собственно, через две недели мы опять будем в Европе. Нэнси вышла замуж и едет в свадебное путешествие по Италии. Мы с женой решили проводить молодых до порта Генуи и потом отправиться в Швейцарию, навестить Лиз, а заодно и познакомиться с новыми родственниками из Цюриха.

Ах да, я тут же вспомнил заголовки местных газет. Родрики теперь заполучили в родню династию швейцарских банкиров. Те были выходцами из Америки и дальними родственниками новоиспеченного мужа Нэнси. Нечего и говорить, для старшей дочери Родрики нашли весьма выгодную партию. Впрочем, могу пожелать молодым только совет да любовь. Но внутренний голос подсказывал мне, что родители Лиз вновь пустились в долгое путешествие главным образом для того, чтобы представиться новой родне. И уж заодно навестить больную дочь, а не наоборот. Но, в любом случае, мне это было на руку. Телефонный разговор мог бы не дать нужного результата, а вот беседа с глазу на глаз предоставляла мне куда больше преимуществ. Я запасаюсь терпением и

принялся ждать приезда Родриков, прокручивая в голове варианты разговора.

К счастью, вскоре Лиз отошла от приступа, даже если провела в постели дольше обычного. Теперь она хотела знать, что же мне удалось выяснить. Признаюсь, я боялся делиться с ней своими догадками, не поговорив сперва с её отцом, а потому сказал ей, что, к сожалению, сеанс не удался. Не все люди гипнабельны, некоторых просто невозможно погрузить в глубокий транс. Попытка гипноза лишь спровоцировала у неё приступ – значит, пытаться дальше не стоит.

Сказать, что Лиз была огорчена – ничего не сказать. Даже известие о скором приезде родителей не обрадовало её. На утренних сеансах она отмалчивалась и больше не брала в руки гитару. Её подавленное состояние беспокоило меня. Лиз теряла надежду, и мне необходимо было вернуть её как можно скорее. А потому я решил вытрясти правду из её отца, чего бы мне это не стоило.

Через две недели, когда в моём кабинете вновь появился краснощёкий Бен Родрик, я уже знал, как разговаривать скрытного проповедника. А отсутствие его жены, загостившейся у родственников, было весьма кстати, впрочем, как и наличие лёгкого душка спиртного, которым разило от него.

– Прошу, садитесь, – привстав, я ответил на вялое рукопожатие проповедника и чуть дольше обычного задержал взгляд на маленьких заплавленных глазках. Они смотрели на меня, не моргая. Зрительный контакт был установлен.

Вернувшись в своё кресло, я воспользовался методом отражения, приняв позу собеседника и начал ненавязчиво покачивать рукой в такт его сиплому дыханию. Да, моментальным гипнозом я тоже неплохо владел, и теперь мне это очень сильно пригодились.

Я задал проповеднику пару дежурных вопросов о поездке и по нескольким характерным признакам понял, что он готов к воздействию гипноза. У него расслабились мышцы тела, успокоилось дыхание, взгляд стал неподвижным, а на обмякшем лице выступили капельки пота.

– Господин Родрик, я знаю, вы участвовали в нескольких миссионерских экспедициях, – начал я с места в карьер. – Слышал, о вас говорят, как о чудесном ораторе.

– Я?.. О... да, я бывал...

– Лиз ведь тоже как-то составила вам компанию в одной из поездок? Напомните мне, где это было... – я щёлкал пальцами перед носом проповедника, и он не сводил с них взгляд, – Коломбия, нет... – щёлк, щёлк, щёлк, – Венесуэла... нет, что я говорю, какая Венесуэла... – щёлк, щёлк...

– Эквадор, – помог мне Родрик, продолжая неотрывно смотреть на мои пальцы, – бассейн реки Амазонки.

– Ах да, конечно. Эквадор, Амазонка... – подхватил я. – И ведь какая беда... Кто бы мог подумать, что всё так обернётся.

– Как вы правы, доктор, – вздохнув, согласился Бен Родрик.

Внушению он поддавался с полувзгляда. Верно ли было с моей стороны вводить проповедника в гипноз без его ведома? Однозначно нет, но речь шла о Лиз. Ради неё я готов был переступить предписания врачебной этики. И это того стоило. Бен Родрик рассказал мне всё, что я хотел знать, в самых мельчайших подробностях.

Три года назад он действительно прибыл в амазонскую сельву во главе протестантской миссии, дабы нести Слово Божье и наставлять на путь истинный дикарей и безбожников из аборигенов. Чем не высокая и благородная цель? К такой не грех приобщить и дочь-студентку теологического факультета. Но долгое путешествие вглубь бассейна Амазонки закончилось трагедией. Туземцы встретили миссионеров далеко не с распростёртыми объятиями, а с копьями и духовыми ружьями.

– Лица страшные, размалёванные, – говорил Родрик гримасничая, – орут голосами животных, скачут как осатанелые...

Проповедник не помнил точно, с чего всё началось, потому что в тот миг он, зажмурившись и прижав к себе Лиз, читал молитву.

– Внезапно прогремел выстрел, – сказал проповедник, расширив глаза. – Крики, снова выстрел... Только потом я узнал, что это были наши охранники, они стреляли в воздух, чтобы спугнуть озверевших варваров... И ведь представить только, мы сперва не думали брать охрану, нам нужен был лишь проводник и переводчик, но в порту нас заверили, что без вооруженного сопровождения лучше не ходить. Некоторые племена чрезвычайно агрессивны. Сначала я подумал – с нас просто хотят содрать деньги, но всё же решил перестраховаться и как же оказался прав в конечном итоге! Вы бы видели озверевшие лица тех дикарей! Ими двигал сам дьявол!

– Могу себе представить, – сказал я. – Что произошло дальше?

– В тот миг посреди джунглей, услышав выстрелы, я вспомнил о предостережении и не на шутку испугался... Эти идолопоклонники разорвали бы нас, зажарили бы на жертвенном костре! Да-да-да! Были прецеденты! – заверил меня Родрик и следом замолчал на секунду, смотря в пустоту так, словно опять видел перед глазами ту же картину. Вздохнув, он наконец добавил: – У меня был с собой дедов колт... Я взял его в поездку, потому что слышал о диких зверях в амазонских джунглях. Бог мне свидетель, я не хотел никого убивать! Я даже не знал, как целиться, да и не видел ничего: перед глазами мелькали лишь размалёванные тела этих язычников, а в ушах звенела дико-орущая какофония. Но тут один из туземцев прыгнул вперёд, что-то крича и размахивая копьём, и я... я... я выхватил колт и... и спустил курок...

– Вы убили индейца? – сухо спросил я.

– Я не хотел, видел Бог, я оборонялся, – дрожащими губами пролепетал проповедник.

– Разумеется. Что произошло дальше?

– На минуту в джунглях стало тихо. Знаете, так тихо, будто всё исчезло... Или это я, оглушенный выстрелом, ненадолго потерял слух. Я очнулся и увидел, что дикари забрали убитого и спешно отступают в лес. Мои спутники были сильно напуганы, охрана сказала возвращаться... Лиз, моя бедная девочка, она даже плакать не могла. Глаза переполнял ужас. Лиз смотрела на револьвер в моей руке – я отбросил его... И вдруг дикая боль пронзила моё плечо – из него торчала тонкая палка в перьях и узорах... Стрела! Они пытались убить меня! Снова началась пальба. Один из охранников засёк лучника: за деревом пряталась туземка и опять целилась в меня! Её ранили... А потом случилось то, что случилось. В два прыжка она оказалась возле Лиз, но перед тем, как дикарку настигла вторая пуля, она успела окровавленными руками вцепиться моей девочке в лицо, бормоча какую-то ересь. А остальные туземцы кричали меж тем: «Аламеда, Аламеда!» Уж не знаю, что означают эти слова, какой-то возглас или имя дикарки, но они отпечатались в моей памяти на всю оставшуюся жизнь. Господь не даст мне соврать, – сказал Родрик, схватив меня за рукав, – глаза туземки были глазами Дьявола! И в Лиз вселился Дьявол, поверьте мне, доктор.

Следом проповедник принялся бормотать, что охранники не должны были первыми открывать огонь. Что, возможно, стоило вообще идти без них... Но получилось ли бы в этом случае избежать беды или всё закончилось бы куда трагичнее? Поняли бы безбожники их мирные намерения или варварам это чуждо?.. Он говорил и говорил, то кляня себя и дедов колт, то оправдываясь. Но что произошло, то произошло. Миссия вернулась в Штаты, Бен Родрик залечил раненое плечо, и больше у него не возникало мысли наставлять кого-либо на путь истинный. Не так он представлял своё благодетельное выступление перед тёмными дикарями.

Что до Лиз, то сама она физически не пострадала. На теле врачи обнаружили лишь небольшую царапину в области сердца. Неглубокий прокол – сущий пустяк. Должно быть, дикарка пыталась пырнуть её клинком, но, к счастью, не смогла нанести Лиз серьёзной раны. Царапину сразу же обработали, и она зажила за пару дней. Но после минутного контакта с туземкой Лиз впала в забытие. Её кидало в жар, тело сводило судорогами. Она не приходила в себя до самого возвращения домой, в Штаты, а очнувшись, не помнила ровным счётом ничего: ни заключение в амазонских джунглях, ни самой поездки, словно и не уезжала никуда.

– И вы конечно же решили оставить случившееся в секрете? – спросил я проповедника.

– Конечно, – сердечно произнёс он. – Ради её блага. Лиз незачем было вспоминать этот ужас. К тому же весть о провале миссии сыграла бы на руку баптистам. Они и так увели часть прихожан из нашей церкви. А убийство, хоть и в целях самообороны, навсегда бы разрушило мою репутацию. Но Бог с ней! На кону стояла помолвка Нэнси. Вы не знаете, доктор, в Америке журналисты – как крысы: ради громкой новости в любую щель пролезут. Представляете, что было бы, узнай они обо всём?

– Не представляю, – мотнул головой я.

Я и в самом деле не мог себе вообразить, насколько в этом человеке преобладало тщеславие. Родрик готов был поставить под удар здоровье дочери, лишь бы, не дай бог, новость не просочилась в прессу. Как он мог не рассказать правду, ну, хорошо, не Лиз, но хотя бы её лечащим врачам? Неужели, будучи христианином, священником, он не почувствовал потребности в элементарном покаянии, ведь из-за него погибло два ни в чем неповинных человека. Да, это была чудовищная в своей нелепости трагедия. Он выстрелил по ошибке, с перепугу, после чего беда выросла, как снежный ком: его ранение, убийство туземки, помешательство Лиз... и ради чего? Ради громкой речи? Ради славы великого колонизатора?

Я вывел проповедника из гипноза и отправил навестить дочь. Он даже не понял, что минутой раньше выложил мне столь горячо хранимый секрет семьи. Закрыв за ним дверь, я принялся ходить

взад-вперёд по кабинету, обдумывая его рассказ.

Моё первоначальное предположение оказалось верным. Мы имели дело не с шизофренией. Теперь я знал, что травматический опыт в Эквадоре спровоцировал возникновение у Лиз второго психического центра, в котором она стала отождествлять себя с жертвой трагедии – Аламедой. Вот каким образом появилась диссоциация личности и второе Я. Однако это не объясняло, почему Лиз в своих галлюцинациях видела саму себя, а не темнокожую туземку. С этим мне ещё предстояло разобраться. К сожалению, я тогда не догадывался о том, что и этот, второй диагноз, окажется в конечном итоге ошибочным.

Ещё долго я протаптывал ковёр в своём кабинете, ходя туда-сюда и размышляя о роли колонизации и судьбах коренных народов Америки. Колонизаторы положили глаз на бассейн Амазонки ещё в семнадцатом веке. Помню, увлечшись историей великих первооткрывателей, я как-то читал об этом одну интересную книгу. Голландцы, англичане, испанцы, португальцы, – кто только не пытался установить в долине Амазонки своё влияние. Но большего успеха добились монашеские ордена, иезуиты и кармелиты. Я не берусь судить, каковы были их настоящие мотивы, хотя имею на этот счёт своё мнение. Стремились ли они обратить в истинную веру язычников, или же ими руководили намерения более меркантильного характера? Например, основать на новых землях мощный оплот католической церкви. Или использовать туземцев, как бесплатную рабочую силу в освоении дикого края. Святые отцы обладали немалым даром убеждения. Дикари бесплатно добывали для своих порабощенцев корицу и какао, рыбу и древесину, которые миссионеры затем отправляли на экспорт, полностью оплачивая содержание миссии и обогащая орден. Позже церковники сменились светскими колонизаторами. Те, как и предшественники, пытались выжать из новых земель побольше ресурсов – натуральных и людских...

Стоит ли говорить о нынешней колониальной политике, о борьбе империалистических держав за раздел мира и прочей белиберде... Нет, пожалуй, не буду вдаваться тут в рассуждения, неблагодарное это дело. Но одно верно: и сегодня, в начале двадцатого века, миссионерские учреждения, поддерживаемые своими правительствами, становятся владельцами крупных капиталов и земель под лозунгом истиной веры и просвещения. Встречал я таких филантропов. Как сказал однажды Сесил Родс, один южноафриканский политик: «Чистая филантропия очень хороша, но филантропия плюс пять процентов годовых – ещё лучше». И попробуй поспорь...

И видно, до тех пор, пока имеются на нашей планете бесхозные земли и отрезанные от цивилизации народы, до них найдутся охотники из благочестивых миссионеров. Беда только, что не всегда их встречают с распростёртыми объятиями. Случай с Беном Родриком – тому прямое доказательство: произошедшее в сельве обернулось трагедией как для индейцев, так и для него самого.

7. История Аламеды

Остров из последних сил держался на плаву. Запасной тростник кончился, и настилать новые слои взамен подгнивающих нижних было нечем. Берега уже обваливались по краям, и людям приходилось тесниться всё плотнее. Прошло по меньшей мере два месяца с отправления, но за это время горизонт ни разу не приобрёл очертания суши. Вода. Кругом была одна лишь вода. Островитяне чувствовали себя подавлено, и вот пришло новое бедствие...

Как-то ночью течение сорвало плавучий остров с якоря, и наутро люди проснулись посреди Большой Воды, в неизвестном расстоянии от отмелей. Их объял ужас. Они не знали, в каком направлении теперь плыть и сколько ещё продержится остров. Среди соплеменников ходили толки, раздуваемые Найрой и Калу, что виной всему чужеземка. «Килайя несёт одни беды, нельзя было её брать с собой, она нас всех погубит», – говорили они, а остальные соглашались. Только Лони и Нита молчали, да и Муна, пожалуй. Та редко принимала чью-либо сторону. Одному Ясу удавалось пресекать эти сплетни. Он был мудр и знал, что теперь как никогда племя должно держаться вместе.

Людям оставалось только молиться своим богам в надежде, что рано или поздно на горизонте появятся очертания суши. Но Аламеду это не занимало. Каждую ночь, когда стихали голоса соплеменников, она одна не спала. Вернее со стороны казалось, что спит, но в действительности Аламеда погружала саму себя в транс. Этому тоже когда-то учила её старая Ваби, чтобы устанавливать связь с лесными духами. Теперь же Аламеда хотела таким способом проложить себе тропинку в прошлый мир. Незнакомец, вторгшийся в её сознание, приоткрыл дверь назад, и Аламеда намеревалась в неё войти.

Лёжа на спине, она находила на небе самую яркую звезду и устремляла на неё неподвижный взор. Аламеда смотрела долго, пока не уставали глаза, одновременно представляя, что та звезда и есть её прежний дом. Затем, позволив векам опуститься, она полностью освобождалась от своих мыслей и погружалась в калейдоскоп грёз из прошлого мира. Это походило на сон, но не было им. Сами собой на поверхность всплывали видения, воспоминания и ощущения прежних дней. Аламеда не могла их выбирать или контролировать – это означало бы задействовать сознание, но она хорошо усвоила уроки Ваби: сознание при погружении в транс должно спать. Не сразу пришло к ней нужное воспоминание того рокового дня, но она научилась терпеливо ждать. Только так Аламеда могла найти лазейку в прошлый мир.

Как же приятны и одновременно мучительны были эти далёкие воспоминания. Аламеда вновь видела себя восьмилетней девочкой, ловящей с матерью рыбу на отмелях реки. Она опять мастерила младшим братьям животных из тростника. Училась у бабки печь лепёшки из корня юкки, а у отца – стрелять из духового ружья. Она снова проживала тот день, когда старая колдунья Ваби выбрала её своей ученицей и передала ей ритуальный бубен.

В ночных грёзах Аламеда вновь купалась в тёплой, окрашенной закатом Вьюнке – маленьком притоке великой реки. Стоя по пояс в воде, она расчёсывала гребнем длинные волосы и делала вид, что не замечает Роутега, притаившегося в тени деревьев. Аламеда подставляла под мягкий лунный свет своё обнажённое бронзовое тело, разрешая избраннику любоваться им и предвкушая, так же как и он, их вожделенное соединение в роли мужа и жены. Она проводила долгие часы за плетением тростниковой крыши для их будущего дома и вышивала священным узором свой свадебный наряд. И прощаясь с своим девичеством, Аламеда вновь позволяла подругам увлечь её в головокружительном танце вокруг ритуального костра. Латея, Мира, Алин... Больше не петь ей с ними песен, не нырять с высокого утёса, не смеяться и не обсуждать, кому какой достанется жених.

Воротившись из страны грёз, Аламеда беззвучно плакала в темноте ночи о своей несбывшейся мечте, о потерянном мире и убитой любви. И как назло подсознание подкидывало ей лишь добрые воспоминания, словно огораживая её от случившейся беды. Однако Аламеда знала, что рано или поздно оно забредёт в тот злополучный день, когда в их лес пришли чужеземцы и привели с собой смерть. И тогда она вновь встретится с Лиз, нащупает связывающую их нить и сможет вернуться. Вернуться и довести задуманное до конца: полностью переселить свою душу в тело белой девчонки и отомстить за Роутега. А для этого ей нужно выжить в проклятом Лакосе во что бы то ни стало. Мысли о смерти отступили, у Аламеды появилась цель.

Бесчисленные дни, проведённые на Большой Воде она пыталась заполнить работой. Каждое мгновение, от рассвета и до заката. Нита и Лони не могли нарадоваться, видя, как воспряла духом Аламеда, как вставала чуть свет и раскладывала рыболовные снасти, с какой тщательностью штопала сети, как усердно теперь гребла, с надеждой всматриваясь в горизонт. Но они не знали, что только месть озаряет ей дорогу, как путеводная звезда, и трудится она лишь для того, чтобы сократить бессмысленные дни и, дождавшись ночи, вновь дать волю калейдоскопу грёз.

Солнце клонилось к линии горизонта. Очередной день на Большой Воде подходил к концу.

– Килайя, а Килайя, Расскажи сказку, а, – выпрашивал Лони, коптя на углях только что пойманную рыбину. Крупная попалась в этот раз. Хватит и ему, и Аламеде, и Ниту тоже угостит – она добрая, всегда с ним делится.

– Ну Расскажи, Килайя, – канючил он. – Таких сказок, как твои, больше никто не знает. Про ночь из скорлупы ореха или про людей с крыльями летучих мышей... Расскажи, а?

– Если ты когда-нибудь прекратишь называть меня Килайя, может быть, и Расскажу, – сказала Аламеда, нарезая вяленые корни мангра. Она ссыпала их в глиняный котелок, туда же уходил измельчённый молодой тростник, который выращивали тут же, на острове.

– Я больше не буду! Честно-причестно! Ну Расскажи, а?

– Ты же говорил, они грустные.

– Грустные немного, но до чего интересные... – протянул Лони. – Расскажешь или нет?

– Расскажи, Аламеда, он ведь не отстанет, – сказала Нита. Она сидела рядом и точила гарпун. – И откуда ты столько древних легенд знаешь? Прямо как Яс...

– Что Яс! – возмутился Лони. – Он таких историй, как у Килайи, и слыхом не слыхивал!

– Опять ты за своё, – цыкнула на него Аламеда. – Ещё раз так меня назовёшь, вообще буду молчать как рыба.

– Извини, – жалостливо посмотрел на неё мальчуган. – Расскажешь?

Аламеда улыбнулась. Ей было приятно, что этим двоим так нравятся сказки её народа. Каждую она помнила наизусть с детства. Ей их рассказывала мать и старшая сестра, а потом она сама напевала их в колыбельной своим младшим братьям. Аламеде вдруг отчаянно захотелось выговориться, поведать кому-то о настоящей себе и о своём горе. Она никогда не упоминала о том, откуда пришла, да они и не спрашивали, думая, что Аламеда родом из Лакоса. Все здесь были одинокими скитальцами, объединившимися в племя, чтобы выжить.

– Хорошо, Лони, я Расскажу тебе одну легенду, – сказала Аламеда, собираясь духом.

– Правда? Вот здорово! – обрадовался мальчуган и наострил уши.

– Только предупреждаю, она тоже грустная.

Лони был согласен на любую, ему раньше никто не рассказывал сказок. Ни грустных, ни весёлых, – никаких. Только Яс со своими нравоучительными притчами.

– Далеко-далеко, на берегу могучей реки, стоял древний Лес, – начала Аламеда, глубоко вздохнув. – И Лес этот, называемый Сельвой, был чудесен. В нём обитало много птиц и животных, росли фруктовые деревья, каштаны, гвоздика, сахарный тростник и какао. Река кишела рыбой, а по отмелям вдоль берега люди собирали вкуснейшие черепаши яйца.

Лони слушал, широко распахнув глаза, и только успевал вставлять вопросы: «Это что такое? Вкуснотища поди... Везёт же кому-то... А как оно выглядит? Вот бы и мне хоть кусочек...»

Аламеда пыталась ответить на вопросы мальчугана, но попробуй опиши, каков сладкий вкус бананов или пряный аромат гвоздики человеку, который всю жизнь ест один молодой тростник да корни ходячих мангров?

Нита меж тем лишь молча покачивала головой в знак удивления и без остановки точила свой гарпун.

– Лес ютил множество племен и каждому давал дом и пищу, – продолжала Аламеда. – Люди этих народов никогда не враждовали. Они не знали жадности и зависти, всем в Лесу находилось место. Но случилось так, что на богатство Сельвы позарился злой чужеземец – Буктана. Он был умён и хитёр и много знал, но знания эти использовал во зло. Его оружие стреляло огнём, его ножи были остры и прочны, а корабли пересекали целые океаны. Буктана прибыл издалека – там он убил свои Леса и Реки, а теперь подобрался и к Сельве. В тех племенах, где он появлялся, начали случаться беды. Он приносил с собой зависть и алчность и заражал ею добрые народы. Вскоре люди стали работать на Буктану, охотясь и собирая для него урожай, начали служить его богам, а потом и вовсе потянулись прочь из Сельвы. Злой чужеземец отправлял их добывать золото и алмазы, и они больше не возвращались.

– У-у-у, как страшно, бедолаги, – протянул Лони.

– Но было в Лесу одно племя, вождь которого поклялся, что никогда-никогда не пустит к себе

Буктану, – сказала Аламеда. – Он увёл свой народ далеко, в самую чащу, чтобы чужеземец ни за что на свете их не нашёл. Шли годы, сменялись вожди в том племени, но Буктана никак не мог добраться до спрятавшегося в Сельве народа: слишком непроходимы были джунгли в тех местах, слишком строптива Река. И жило счастливо то племя, ему покровительствовали духи Леса и Реки. Долго не мог найти их чужеземец, но вот однажды, видно, всё же чем-то прогневали люди Богов. Пришла в Сельву ужасная весть: к ним идёт Буктана со своими слугами.

– И что они сделали? – испугался Лони, прикрыв ладонью рот.

– Люди того племени никогда ни с кем не воевали. Они не умели сражаться и никогда не убивали себеподобных. Стрелы, ножи и духовые ружья использовали только для охоты. И тогда люди решили просто напугать Буктану и его попутчиков, чтобы те ушли и никогда больше не возвращались. Мужчины и женщины разрисовали свои лица и тела в краски огня и ночи, взяли оружие и с песней, прославляющей духов Леса и Реки, пошли навстречу чужеземцам... – Аламеда замолчала на секунду, уставившись неподвижным взглядом в огонь.

– А потом? – спросил Лони с придыханием.

– Потом... – Аламеда подавила подступающий к горлу ком. – Люди того племени ещё не знали, насколько коварен Буктана. Они думали, что от их грозного вида и воинственных кличей он испугается и убежит, но тот не испугался – вместо этого он напал, и оружие его стреляло не стрелами, а огненным железом...

– Огненным железом? – протянул Лони в изумлении.

– Да, – сказала Аламеда, отвернув лицо от собеседников, глаза предательски застилала влага. – Огонь настиг самого лучшего, самого сильного и смелого мужчину того племени, который вышел впереди всех, чтобы прогнать Буктану и его слуг. Но огненное железо убило смельчака...

Лони ахнул, даже не заметив, что одна из рыбин уже начинает подгорать.

– А потом? – спросил он, смотря на Аламеду во все глаза.

Та снова отвернулась и украдкой вытерла слёзы.

– Была у того мужчины невеста, – сказала она и опять замолчала, пытаясь проглотить очередной ком, подкативший к горлу.

– Красивая? – осторожно спросил Лони.

– Красивая... – ответила Аламеда. – Он говорил ей, что её волосы – как крылья ночи, а глаза – как яркие звёзды, что она быстра, словно хищная птица, и нежна, будто рассветное небо.

– Прямо как Муна... – протянул Лони.

– Да, – согласилась Аламеда, посмотрев на него, – как Муна.

Нита хмыкнула, на секунду оторвав взгляд от своего гарпуна:

– Только вряд ли она была такой же упрямой, как моя сестра.

– Нет, она не была упряма, – ответила Аламеда, её голос дрожал. – Но в тот миг, когда девушка увидела, что любимый человек не дышит, всё в ней перевернулось, словно... – она задохнулась. – Словно кто-то вынул ей сердце из груди. Словно душа вырвалась наружу. Словно убили её саму... Вождь приказал уходить, бежать и прятаться от Буктаны. Соплеменники подобрали тело погибшего и стали отступать, но девушка ослушалась. Клич войны звучал в её ушах, клич мести. Она притаилась за деревом и, когда Буктана развернулся к ней спиной, пустила стрелу в убийцу своего жениха. Она была хорошей охотницей и не промахнулась, но, к сожалению, не прикончила, а всего лишь ранила чужеземца.

Лони снова ахнул:

– А потом? Что сделал Буктана?

– Его слуги настигли её своим смертоносным огнём, – быстро произнесла Аламеда, чтобы опередить рвущийся из груди всхлип, – в самое сердце поразили. Боль и жар мгновенно распространялись от раны по всему телу. Девушка поняла, что не выживет, но она была не только охотницей, но ещё и колдуньей. Доброй колдуньей, а не злой, но, видно, Буктана успел заразить и её душу ненавистью. В голове зазвучали голоса чёрных духов Леса, они пели песню мести, песню войны. И вдруг молодая колдунья заметила девчонку, дочь Буктаны. Это для неё он хотел отвоевать их Лес, а людей Сельвы сделать своими рабами. Она, и только она была всему виной!

– Вот негодная! – возмутился Лони.

– Одна старая колдунья когда-то учила молодую, как можно переселить свою душу в плоть дерева или животного. «А почему бы не воспользоваться телом девчонки? – подумала та. – Уж тогда бы я им всем отомстила!»

– Ого! душу переселить... И у неё получилось? – спросил Лони, весь подавшись вперёд от любопытства.

– Опасное это дело, – пробормотала Нита, исподлобья глядя на Аламеду.

– Да, опасное, и молодая колдунья никогда раньше не проводила этот обряд. К тому же она спешила произнести заклинание прежде, чем её схватят, и ошиблась... Вместо того, чтобы переселить свою душу, колдунья её разделила, оставив в девчонке всего лишь ничтожный осколок.

– И что, бедная колдунья умерла? – погрузился Лони.

– Нет, хуже, – леденеющим голосом произнесла Аламеда. – Тело погибло, а разделённая душа, сохраняя связь с миром живых (через тот маленький осколок в сердце девчонки), так и не обрела покоя в мире мёртвых. Мироздание словно восстало против молодой колдуньи и забросило её в далёкий, умирающий мир, где нет Леса и нет Реки, и даже духи покинули его. Да к тому же, словно в насмешку, одарило её телом той девчонки, чтобы колдунья всегда помнила, что от судьбы не уйдёшь. Она и по сей день там, оторванная от своего племени и от духа покойного возлюбленного, и мечтает вернуться, чтобы доделать начатое: завладеть телом девчонки и отомстить Буктане.

– Как грустно, – вздохнул Лони.

– Я предупреждала, – проронила Аламеда, помешивая похлёбку. Слёзы высохли. Выговорившись, ей стало легче.

– Жаль только, что конец такой... незаконченный... – шмыгнул носом парень. – Надеюсь, она вернётся и отомстит этому злодею Буктане. А как её звали... молодую колдунью?

– Да, как? – спросила Нита, глянув на подругу.

– Не помню... – ответила Аламеда, отведя глаза. – Но она обязательно отомстит, Лони, будь уверен.

– Это правильно, – одобрил мальчуган.

– Местью тут не поможешь, – возразила Нита, продолжая пристально смотреть на Аламеду, – и погибших не оживишь.

Та промолчала. Она и сама знала, что Роутега не вернуть. Он мёртв так же, как мертва настоящая Аламеда. Но даже мёртвыми они не могут соединиться. Она будет мстить Буктане – белому человеку, потому что теперь не может иначе. Душа её отравлена ядом злобы и не успокоится, пока не очистится мстью.

8. Нападение на остров

Вечерело. Островитяне расселись возле своих навесов и глиняных печек, сооруженных на камнях. Лони разложил по площадкам подкопченную на углях рыбу, Аламеда добавила к ней тёплый салат из тростника и вяленого мангра, – скудный ужин, успевший всем надоесть.

На болотах иногда находились ягоды, съедобный лишайник, порой даже яйца птиц, и если уж сильно повезёт, то и дичь удавалось раздобыть. Но запастись этим на долгое плавание не получилось. Да и то, что было, расходовали экономно. Молодой тростник рос медленно, мангр почти весь доели, а рыба обитала не везде, во всяком случае та, которую можно поймать. Временами вода кишела горбунами – крупными рыбинами, способными в одно касание разрезать своими острыми, как лезвие, плавниками рыболовные сети. Ловить их даже не пытались, хотя поговаривали, что мясо у них жирное и на удивление вкусное. После наплыва горбунов приходилось тратить несколько дней на починку сетей.

С огромными, в полтора человеческих роста, араванами не стоило и связываться. Поймать эту громадину было непросто: такая мало что укусит, а ещё и утащит за собой на дно. Оставалось только выжидать, не проплывёт ли мимо косяк безобидной мелкоты. Ею в основном и питались. Самые проворные рыбаки, вроде Ниты, изворачивались ловить гарпунами мясистых желтохвостых тахимов, но лишь в тех местах, где их удавалось разглядеть сквозь непрозрачную толщу воды, а это было редкой удачей.

Все уже ополоснули площадки, погасили огонь в печках и разложили одеяла. Люди готовились ко сну, надеясь, что с рассветом на горизонте наконец покажется долгожданный берег. Каждый вечер они ложились с этой мыслью, и каждое утро их ждало разочарование. Плавающий остров день ото дня всё мельчал, а бесконечная водная гладь вокруг него заставляла думать, что в Лакосе больше не осталось ни клочка твёрдой почвы.

Мысли о смерти больше не посещали Аламеду, ей отчаянно хотелось выжить. Теперь, когда она почти добралась до Лиз, было бы глупо умереть. Нет уж, не сейчас. Сперва она поквитается со своими врагами. Каждый вечер, перед сном, зажав в кулак свой обрядовый амулет – коготь леопарда – Аламеда мысленно зывала духов вернуться в Лакос и помочь племени найти новое пристанище. В первую очередь для себя, чтобы продержаться ещё немного в этом мире и затем навсегда уйти в свой. Но и для Лони, Ниты и старого Яса – такие люди достойны жизни. Единственные, кто отнёсся к ней по-доброму в этом проклятом мире. До остальных ей не было дела, но и зла она по сути никому не желала.

Каждый вечер Аламеда с нетерпением ждала очередной встречи со своими воспоминаниями. Внутренний голос подсказывал ей, что уж сегодня она наконец вернётся в день своей смерти. В день смерти Роутега. Вновь увидит Лиз и завершит обряд.

Сгушались сумерки, на небе выступили две бледные луны, глядя друг на друга, словно отражения. Несмело зажигались звёзды, чтобы с приходом темноты окружить двух небесных близнецов мириадами холодных огней.

Лони, Нита и Аламеда ютились под одним навесом. Мальчишка и верная подруга – это они поддерживали её и учили выживанию на Большой Воде. Порой Аламеду разбирала досада. Она бы предпочла остаться одна, потому что знала – рано или поздно ей придётся покинуть Лакос. Уйти без лишних объяснений и прощаний. Предать дружбу Ниты и привязанность Лони. Ох уж этот мальчуган, резвый, смыслённый, но в то же время ранимый и нуждающийся в простой материнской заботе. Он напоминал Аламедке одного из младших братьев, Кино, её любимчика. Ну и хитрый же, словно маленький кайман. Надо было видеть, как он плавал и вручную ловил изворотливых рыбёшек. Лони – тоже отличный пловец и рыбак. И, наверняка, из него вырастет достойный юноша.

Мальчик уже с головой залез под колючее рогожное одеяло – только оттопыренные уши торчали – и снова стал выклянчивать у Аламеды сказку, как вдруг с противоположного конца острова послышались крики.

Ещё мгновение – и паника охватила дальний берег. Люди вопили что есть мочи и звали на помощь. Все повскакивали и кинулись на крики. Лони выпрыгнул из-под одеяла, Аламеда и Нита – за ним. Но едва они вместе с остальными достигли другого края, как тут же отхлынули назад. Весь берег кишел страшными, ранее невиданными тварями. Их оскаленные пасти с длинными нижними зубами напомнили Аламедке обитавших в её родной реке пираний, но, в отличие от хищных рыб, эти чудовища легко передвигались по суше при помощи множества тонких щупалец. Многоножки лавиной взбирались на остров и... ели его! Повсюду стоял цокот острозубых челюстей, летел во все стороны измельчённый в крошку тростник. Один смельчак, решивший прогнать незваных гостей голыми руками, теперь орал во всё горло и баюкал свою прокушенную насквозь ладонь.

Островитяне хватались за палки, кидали в чудовищ камнями и глиняными площадками, но те

перемалывали их в мгновение ока. Оружие было не у многих. Нита и ещё несколько рыбаков рубили пришельцев ножами, оглушали булавами, кололи гарпунами, но не справлялись. Чудовища всё прибывали и прибывали, молниеносно пожирая тростник, травинка за травинкой, слой за слоем. Никто и глазом не успел моргнуть, как от острова отделился огромный кусок и ушёл под воду вместе с частью зубастых многоножек, а оставшиеся продвигались дальше, во всю работая челюстями.

Людей объяло смятение.

– Чудовища сожрут наш остров, а потом доберутся и до нас! – кричали они.

Внезапно Аламеда почувствовала, что должна действовать. Ничто не помешает её замыслу: ни вода, ни чудовища – пропади они пропадом. Инстинкт охотницы заставил её зажечь факел. Не раз ей приходилось затравливать огнём диких животных в родном лесу.

Аламеда выскочила вперёд, движения её были сродни разъярённой кошке, которая гонится за своей жертвой. Она воинственно шипела, как все люди её племени, когда преследовали зверя, и обводила факелом острозубую ораву. Жар мгновенно заставил чудовищ отступить обратно к воде. Аламеда предвкушала близкую победу, в ней проснулся азарт охотницы. Перед глазами взвивался огонь факела, и вместе с этим пламенем всё больше разгоралось в ней желание выжить и отомстить. Ничто не помешает ей... Ничто.

Она действовала всё решительнее, как вдруг, словно соткавшись из мерцающих искр, в огне вырисовалось знакомое лицо. Из пламени на неё смотрел пронзительным серым взглядом человек из сна. Он. Тот самый доктор...

– Что тебе нужно от меня? – прошептала в страхе Аламеда, во все глаза смотря на огненный мираж, но в этот миг рука её дрогнула, и огонь, коснувшись сухой травинки, вдруг перекинулся на настил тростника – не прошло и мгновения, как он занялся пламенем.

Красные языки, потрескивая, расползались во все стороны. Одни чудовища корчились в объявшем их огне, другие пятились к воде, и теперь уже не они, а огромный костёр захватывал остров.

– Горим, горим! – кричали вокруг.

Воспламенялась сухая трава и тростниковые навесы вместе со всем скарбом под ними. Взвивались к темнеющему небу высокие алые языки. Остров полыхал, как зажжённая погребальная лодка, пущенная по реке в свой последний путь. За считанные минуты огонь сожрал уже вдвое больше, чем успели уничтожить чудовища. Люди хватали кто что мог: плошки, бутылки, горшки, – и бежали к воде, но не тут-то было. Зубастые твари, поджидали возле берега, предвкушая скорую наживу. Островитяне поняли – они в западне.

– Бочки, опрокидывайте бочки! – изо всех сил хрипел старейшина.

Люди в нерешительности застыли: в бочках хранился запас питьевой воды, лишиться её – верная гибель, но делать было нечего. Наваливались скопом и опрокидывали. Одну, вторую, третью... Выплескали почти всё, и наконец огонь стал сходить на нет, но прогоревшие участки обламывались и исчезали под водой. Люди, вооружившись факелами, разбрелись по всему острову, вернее той жалкой трети, которая от него осталась, чтобы не дать притаившимся в воде чудовищам вновь забраться на берег. Боясь обжечься, те, к счастью, вскоре отстали.

Меж тем пришла ночь и стёрла линию горизонта, погрузив монотонный водный пейзаж в не менее однообразную тьму. Две луны, окружённые россыпью звёзд, сияли на небе и отражались в спокойной чёрной глади.

За короткое время, пролетевшее от сумерек до темноты, племя лишилось двух третей острова и запаса питьевой воды, а это означало верную смерть. Поднялся ропот, Аламеду обвиняли в пожаре.

– И так с трудом держались на плаву, уж четверть острова сгнила, ещё сами же и подожгли, – возмущались одни.

– А нам теперь даже укрыться негде, – добавляли другие, потерявшие в огне свои навесы.

– Что укрытия – мы от жажды помрём! Воды на полглоточка осталось, – восклицали третьи.

– А вы слышали, как она с огнём говорила? – вставляли Найра и Калү. – Ясный путь – ведьма.

– Говорила, было дело, – соглашались остальные.

– Да если бы не Аламеда, вас бы всех уже сожрали, – громко крикнул Лони. Голос его дрожал от обиды и несправедливости.

– Вот именно, – хмуро добавила Нита.

– Придумка хорошая, – согласилась Муна, вытирая ладонью перепачканное в саже лицо, – но надо сперва научиться обращаться с огнём, а потом геройствовать.

– Верно Муна говорит, – подхватили остальные, – решила показать, что она умнее других и натворила бед.

Аламеда с потерянным видом стояла в толпе и слушала краем уха, словно говорили совсем не о ней. Из головы не шло то лицо из огня. Этот проклятый доктор. Откуда он взялся и что ему нужно? Аламеда вдруг испугалась. Происходило нечто такое, чего она не понимала, и ставило под угрозу её замысел.

– Я не хотела, мне очень жаль, – проронила она, отделившись от горстки народа, и пошла к себе под навес. Ей нужно было всё обдумать.

– Ей жаль, – крикнула Найра вслед. – У самой-то есть крыша над головой, а остальные где поместятся?

И опять пересуду прервал голос старейшины:

– Всем придётся потесниться, – рявкнул он. Факел в его руке озарял серое, словно слепленное из комьев сухой земли лицо. – Воду пить по два глотка в день и прекратить галдёж!

Аламеда долго лежала с открытыми глазами, терпеливо дожидаясь, когда всё стихнет, чтобы войти в транс. Наверняка, этот белый врачеватель что-то затевал. Раз он сумел добраться до неё, значит, сможет и помешать задуманному. Ну уж нет, не выйдет, она опередит его.

Этой ночью сбылось то, чего Аламеда так долго ждала. Подсознание наконец вытащило наружу из глубин памяти нужное воспоминание. Она снова оказалась в родном лесу в день своего исчезновения. Во второй раз ей пришлось пережить смерть Роутега, и во второй раз Аламеда ранила убийцу, пустив в него стрелу. Как жаль, что она не могла прикончить мерзавца в грёзах, зато исправить заклинание ей было под силу. Произнося его тогда, она вошла в поверхностный транс, высвобождая своё подсознание. Теперь же, во сне, подсознание прошлого и настоящего встретились. Аламеда до сих пор не помнила правильных слов, но знала, как поймать на крючок душу Лиз. Она и до этого бессознательно влияла на неё, а теперь могла подчинить себе полностью. Снова Аламеда сжимала окровавленными руками лицо девчонки, но на этот раз твердила другое заклинание. Оно не подействует мгновенно, придётся запастись терпением, но уж зато наверняка.

Наутро Аламеда впервые за долгое время проснулась счастливой. Она открыла глаза. Небо уже теряло краску ночи, а на горизонте виднелись сероватые очертания суши.

9. Отстранение Ланнэ

Прошёл месяц. Я так и не смог рассказать Лиз того, что узнал от Бена Родрика. Не посмел открыть ей, что её отец – убийца. Нет, я не осуждал его, им руководил элементарный первобытный страх. Он испугался за свою жизнь и за жизнь дочери. Возможно, им действительно угрожала опасность. Кто знает, что было на уме у индейцев. Но всё же пока я решил молчать. На этом этапе лечения правда могла бы навредить моей пациентке. Я не хотел, чтобы Лиз вновь пережила то, что однажды уже свело её с ума. Сначала она увидела оружие в руках отца, затем её напугала та несчастная, истекающая кровью туземка и её смерть.

Безусловно, меня удивлял тот факт, что сама Лиз ничего не помнила, но какие шутки только не выкидывает порой наше сознание, чтобы оградиться от болезненного опыта. Тогда я был полностью убеждён в том, что мозг Лиз просто-напросто заблокировал травматические воспоминания, и глубоко на подсознательном уровне она начала отождествлять себя с погибшей Аламедой. Казалось, мы имеем дело с диссоциативным расстройством идентичности. С раздвоением личности, проще говоря. Однако этот диагноз не объяснял ни снов, ни видений, ни плохого самочувствия после них.

Как-то вечером я сидел в своём кабинете перед камином и читал одну любопытную статью о диссоциациях. Вторая личность Лиз – Аламеда – пока что была для меня загадкой, и я думал о том, как же помочь моей пациентке избавиться от неё. Я наблюдал за подрагивающими языками пламени за каминной решёткой и пытался представить себе встречу Лиз и дикарки Аламеды. Возможно, я задремал – не уверен – но в какой-то миг мне внезапно причудилось в огне лицо Лиз, столь настоящее и живое, что даже не казалось галлюцинацией. Однако оно выражало какую-то дикую, почти животную ярость, которую я никогда прежде не видел.

«Что тебе нужно от меня?» – вдруг прошептала она чужим голосом, но теперь ярость сменилась на страх. И тут я заметил её глаза. Они не были глазами Лиз. Тёмные, миндалевидные, прекрасные глаза – но не её!

Очнувшись, я увидел, что по-прежнему сижу в своём кресле, а за каминной решёткой потрескивает пламя. Обычный огонь – ярко-красный и горячий. Тем не менее меня знобило. Я дотронулся до своего лба, накинуд на колени плед и осушил стакан воды, стоявший рядом на столике. Что со мной? Что это было? Сон? Галлюцинация? С каких пор врач начинает общаться с одной из псевдоличностей пациента? Ведь именно так описывала Лиз своё видение: она сама, но с чужим взглядом. Вероятно, я чересчур увлёкся моей подопечной, слишком проникся её болезнью, и теперь мне приснился сон, который она сама столько раз описывала. Я должен взять себя в руки и абстрагироваться от чувств. Так будет лучше и для меня, и для неё...

Вскоре состояние Лиз начало резко ухудшаться. Тревожные сны посещали её теперь чуть ли не каждую ночь, и всё больше времени она проводила в постели. В минуты дневных приступов я часто слышал, как Лиз говорила чужим голосом, и это меня тревожило. Умом я понимал – причина была не в гипнозе: слишком много времени прошло с того дня, – но всё же что-то не давало мне покоя, я не мог избавиться от чувства ответственности за это ухудшение. Да, сеанс помог найти причину расстройства, слегка уточнить диагноз, но я ни на шаг не продвинулся в лечении, наоборот, моей пациентке становилось всё хуже. Прибегать к новым сеансам гипнотерапии я не решался, боясь усугубить ситуацию.

Мне нужен был совет, совет опытного коллеги. Шварц-Гаус, как назло, уехал преподавать в Прагу. Оставался только Арольд. Да, он не обрадуется, узнав, что я нарушил его распоряжение, но, вероятно, всё же оценит те немаловажные открытия, которые мне удалось сделать. Состояние моей пациентки беспокоило меня, и я не имел права скрывать правду от заведующего.

Утром я навестил Лиз. Накануне с ней опять случился приступ, она была в постели. Когда я вошёл, лицо её слегка оживилось, хотя я сразу заметил, что ночная рубашка на ней взмокла от пота. Видно, ночью её кидало в жар. Мне стоило огромных усилий сдержать себя и не смотреть на проглядывающее сквозь влажную ткань тело. Оно было божественно.

– Как ты себя чувствуешь, Лиз? – спросил я, нацепив дежурную врачебную улыбку, и поправил одеяло. – Ты простудишься, я сейчас же позову медсестру, чтобы она помогла тебе принять ванну и переодеться.

Лиз опустила глаза и вместо ответа спросила:

– Доктор Ланнэ, почему вы больше не хотите гипнотизировать меня?

– Я уже говорил, к сожалению, ты не поддаёшься гипнозу, – соврал я, и мне стало тошно от себя самого. Я осуждал за ложь её отца, а теперь сам не мог осмелиться сказать ей правду.

– Но ведь я заснула тогда.

– Да, вот именно что заснула. Гипноз – это не сон.

– Давайте попробуем ещё раз, я должна выяснить правду, – Лиз подняла на меня полные надежды глаза, и я готов был утонуть в их бездонной синеве.

– В твоём состоянии нельзя...

– В каком состоянии? – вдруг вспыхнула Лиз. – Почему вы мне все врётё? Скажите же, ну, я умираю, ведь так?

– О чём ты? – я растерялся и не мог найти слов. Что ещё за новости? Откуда у Лиз мысли о смерти? Мне так хотелось прижать её к себе, целовать эти полные слёз глаза и горящие алыми пятнами щёки, но я опять улыбнулся и сказал: – Что за глупости, Лиз? Ты всего лишь в стадии обострения, ни о какой смерти и речи быть не может.

– Почему же тогда я чувствую себя так, словно истончаюсь, будто день ото дня из меня выходит жизнь? – выкрикнула она в отчаянии. – Каждый сон, каждый приступ вытягивает из меня душу!

– Лиз, это не так. Тебе нужно отдохнуть, ты промучилась всю ночь. Я сейчас пришлю медсестру. Ты примешь ванну, выпьешь успокоительное и поспишь, – сказал я, стараясь вложить в мои слова столько убедительности, сколько мог, и нажал на кнопку вызова санитарки.

Лиз отвернулась к стене, её светло-ореховые волосы рассыпались по подушке. Я бы отдал что угодно, только бы зарыться в них, вдыхать её аромат и шептать – всё будет хорошо, но ограничился лишь тем, что осторожно коснулся одной пряди. Вошла медсестра. Я отдал все необходимые распоряжения и, ещё раз глянув на так и не обернувшуюся Лиз, покинул палату.

Взять аудиенцию у заведующего я не успел, он сам вызвал меня к себе. Арольд ждал в своём кабинете. Он склонился над бумагами и даже не глянул, когда я вошёл, предоставляя мне сомнительное удовольствие созерцать его лысый, в коричневых пятнах, череп. Я сел напротив, не дожидаясь приглашения.

– Мне удалось выяснить, что произошло с Лиз, – я решил сразу перейти к делу, пока он не завёл свою еженедельную волюнку о расписании обходов, графиках и прочей административной ерунде.

Арольд поднял на меня свои маленькие, холодные, с отвисшими веками глаза.

– Она стала свидетельницей убийства, – продолжил я. – Её отец случайно застрелил индейца в амазонском лесу. Они были там три года назад в составе протестантской миссии. А потом на неё напала туземка...

– Вы что, применяли гипноз? – вкрадчивым голосом спросил Арольд и весь подался вперёд, угрожающе глядя меня.

– Да, но теперь мы знаем... – начал было я, но он грубо перебил.

– Теперь мы знаем, почему ваша пациентка так резко сдала после длительного улучшения.

– Нет, постойте...

– Нет, это вы постойте, молодой человек. Вы ещё не догадываетесь, почему я вызвал вас?.. – он вбуравил в меня свои колкие глазки и закивал: – Конечно догадываетесь. Я хочу знать, доктор Ланнэ, кто дал вам право сокращать дозу предписанного пациентке лекарства?

– Барбитураты при длительном применении...

– Не нужно мне разъяснять побочные эффекты препаратов! – закричал он. – Мне они и без вас прекрасно известны!

– Но я её лечащий врач, я могу действовать по своему усмотрению, – возразил я стальным голосом.

– Сколько больных шизофренией у вас было до этого, доктор Ланнэ? – язвительно процедил он.

– У Лиз не шизофрения, а скорее всего...

Он бесцеремонно перебил меня:

– Скорее всего шизофрения у вас! Я говорил Шварц-Гаусу, вам нельзя доверять серьёзных больных. Займитесь лучше депрессиями и алкоголизмом, там от вас меньше вреда. С этого дня мисс Родрик переходит полностью на моё попечение.

Я вскочил, пытаясь возразить, но он взял лежавшее на столе письмо и потряс им перед моим носом:

– Я уже составил служебную записку Шварц-Гаусу о превышении вами должностных полномочий. И скажите спасибо, что не отстраняю вас полностью: в клинике сейчас не хватает рук. К тому же мне требуется согласие нанявшего вас совладельца этого престижного заведения, но, как по мне, я бы не стал держать здесь квазиспециалистов.

Я поднялся без слов и, не протянув ему руки, пошёл к двери.

– И вот ещё что, – кинул он мне напоследок – я обернулся, – если не хотите вконец разрушить свою врачебную карьеру, не позволяйте себе впредь шашней с пациентками. О вас уже весь младший персонал судачит.

Должно быть, я побагровел до цвета обивки стен в кабинете Арольда, но, не найдясь, что ответить, просто вылетел в коридор. В голове пульсировала кровь, заглушая собственные мысли, перед глазами плыли тёмные пятна. Не помню, как я добрался до палаты Лиз. Она спала. На прикроватной тумбочке стоял пустой стакан с остатками успокоительного порошка.

Сев рядом, я поцеловал её волосы.

– Я обязательно что-нибудь придумаю.

Тут мой взгляд упал на пол: возле кровати лежал платок Лиз с её вышитыми инициалами. Я подобрал его и ещё минуту сидел, не решаясь подняться. Что-то не давало мне покоя. Тот сон... или видение... Я смотрел на спящую Лиз и пытался понять, откуда взялась между нами такая тесная связь, которая заставляла меня видеть то же, что и она. Неужели я потерял рассудок от любви? И как мне теперь быть? Как разобраться во всём, если Арольд забрал у меня пациентку? Я уронил голову на ладони и сидел так до тех пор, пока не услышал шаркающие шаги за дверью. Заведующий – точно он. Я поднялся и пошёл на выход из палаты. Мы столкнулись с ним лицом к лицу.

– Вы? – процедил Арольд.

– Я зашёл, чтобы передать Лиз ваше решение о моём отстранении, но, как видите, она спит, – проговорил я и стиснул зубы до боли в челюсти.

– Мне и самому не сложно передать ей моё решение, – ответил он, будто припечатывая меня каждым словом к стенке. – Если я ещё раз увижу вас возле мисс Родрик, то можете навсегда забыть о работе в этой клинике.

Я почувствовал, как на моих скулах вздулись желваки.

– Доктор Арольд, мы оба хотим одного: чтобы Лиз поправилась. И я всего лишь...

Он не дал мне закончить.

– Идите, Ланнэ, вы уже натворили достаточно бед, – с этими словами он зашёл в палату, а меня так и оставил стоять у захлопнувшейся двери.

Я закрылся в своём кабинете и только тогда заметил, что до сих пор сжимаю в ладони платок Лиз. Я прижал его к губам и вдохнул её аромат. Вот и всё, что мне осталось. Было так паршиво на душе – не передать словами. Я плеснул себе виски, но после первого же глотка отставил стакан в сторону. Не хватало ещё, чтобы меня выгнали за пьянство. Нет, нужно непременно найти Шварц-Гауса. Выслушав мои доводы, он, конечно же, отменит решение Арольда. Мне нельзя упускать Лиз. Она решит, что я бросил её.

Мои пальцы суетливо набрали номер, который Шварц-Гаус оставил для того, чтобы я мог связаться с ним в случае необходимости. Ответил секретарь и сообщил, что доктор вчера покинул Прагу и направляется в Нью-Дели на консультации в каком-то там госпитале. Связаться с ним в течение последующих трёх месяцев будет довольно непросто. Он предложил мне написать письмо до востребования.

Назвать моё состояние отчаянным означало бы недооценить той бури, которая бушевала у меня в сердце. Чтобы отвлечься, весь остаток дня я посвятил другим пациентам, но мысли неуклонно возвращались к Лиз.

Ночью я долго не мог уснуть, сотни раз прокручивая в голове разговор с Арольдом и переубеждая его в скоропалительных выводах насчёт меня. Я решил, что утром непременно пойду к нему снова и буду настаивать на том, чтобы завершить разговор. Пусть он не вернёт Лиз, но хотя бы выслушает мои доводы о правильном, как мне тогда казалось, диагнозе. Я расскажу ему о её второй сущности, и он обязательно пересмотрит лечение. Да, именно так, всё уладится, ещё ничего не потеряно.

Сон сморил меня, когда за окном уже начали бледнеть краски ночи, а на вылинявшем небе проступили очертания гор. Мне опять приснился странный сон. Я снова видел Лиз. На её лице

играла приветливая улыбка – свидетельство хорошего самочувствия. Я решил, что момент самый подходящий для того, чтобы признаться ей в любви. Почему нет? Я мог бы сделать это раньше.

– Лиз, я не перестаю думать о тебе, – сказал я и удивился тому, насколько просто, но одновременно ёмко прозвучали эти слова. – Мне жаль, что мы встретились в стенах лечебницы, но я благодарен судьбе за то, что она привела тебя ко мне... Пусть и в качестве пациентки, но ты обязательно поправишься, я сделаю для этого всё от меня зависящее, обещаю.

Лиз больше не улыбалась, и вдруг я опять увидел, что на меня смотрят чужие глаза, а сама она сидит на поросшем тростником берегу и болтает в воде босыми ногами.

– Кто ты? – спросил я, ужаснувшись.

– Я Аламеда, – ответила она (опять тот голос).

– Ты больше не существуешь, это Лиз поселила тебя в своём сознании.

– Ошибаешься, доктор, – сказала она, и мне стало не по себе от неудержимой решимости в её взгляде. – Я сама в нём поселилась и скоро получу его полностью. Я стану Лиз и отомщу за моего Роутега.

– Оставь её, из-за тебя ей с каждым днём всё хуже, – крикнул я, но даже во сне почувствовал, как дрожит мой голос.

– Так и должно быть, – с холодным безразличием сказала Аламеда, – значит, я на верном пути.

Меня разбудило жуткое ощущение реальности сна. Да что же это, чёрт возьми? Я встал и, несколько раз ополоснув лицо ледяной водой, раздвинул занавески на окнах. Снаружи по-прежнему белели вершины гор и шумел лес. Солнечный свет заполнил комнату, вернув мне связь с реальностью. Это надо же такому присниться. Я вошёл в гостиную, налил себе горячий кофе из оставленного горничной кофейника и вдруг вспомнил вчерашний разговор с Арольдом и последнее свидание со спящей Лиз. Отчаяние вновь забралось в подкорку. Ещё этот дурацкий сон... Нет, нужно взять себя в руки, отвлечься... Ланнэ, чёрт бы тебя побрал, врач ты, в конце концов, или псих?

Одну минуту, – вдруг спохватился я, – а кто такой Роутег? «Я стану Лиз и отомщу за моего Роутега», – вспомнились мне слова незнакомки из сна. Кто он? Если со мной говорила туземка Аламеда, то получается, что Роутег – тот самый погибший индеец? Но если это был всего лишь сон, плод моего воображения, как такое возможно? Откуда мне знать это имя? Чёрт-те что!

Тут я вспомнил, что собирался снова идти к Арольду. Да, последняя попытка. Может быть, мне удастся переубедить его. Я привёл себя в подобающий вид, выпил ещё одну чашку кофе, но перед самым выходом из квартиры застыл в дверях. Что я ему скажу? «Я вижу те же сны, что и Лиз, доктор Арольд, и даже говорю с её второй личностью. Так-то!» Он скорее поверит, что диссоциативное расстройство у меня, а не у неё... или сразу наградит диагнозом шизофрения. Тогда уж меня не просто отстранят, да ещё и смирительную рубашку наденут. Нет, с Арольдом лучше не связываться. Я сел в кресло, достал бумагу и чернила и написал письмо Шварц-Гаусу, пытаюсь как можно убедительнее изложить в нём свой взгляд на болезнь Лиз и мой подход к лечению. О снах я всё же решил благоразумно умолчать.

10. Мангровая чаща

– Что с тобой, Килайя?

Аламеда попыталась сосредоточить взгляд на говорящем. Лони? Почему он так уставился?

– Не называй меня Килайя, я же просила, – тут она почувствовала на лбу что-то мокрое и брезгливо скинула с себя – рядом упала связка влажного тростника. – Это ещё зачем?

– Все гребли к берегу, и вдруг тебе стало плохо, – сказала появившаяся в поле зрения Нита. Вид у неё был встревоженный. – Ты бредила.

Аламеда огляделась, пытаясь понять, где находится. Она сидела на краю плота, свесив ноги в воду, рядом подёргивалась на волнах рукоять весла. Островитяне столпились кругом и поглядывали на неё с опаской.

Берег... Конечно... Это она первой заметила очертания суши на горизонте и разбудила остальных. Сели на вёсла, а потом... Потом она вдруг услышала голос. И следом в солнечных бликах на воде появилось лицо... как накануне. Доктор... Опять этот проклятый доктор. Как ему удаётся?

– Дай ей воды, – сказала возникшая рядом Муна и протянула глиняную посудину со скудной каплей на дне. – Похоже, наша белянка обессилила от тяжёлой гребли.

– Уйди, Муна, – бросила Нита, забрав у сестры плошку.

– Мне лучше, не нужно воды, – ответила Аламеда, отстранив руку подруги, – поплыли к берегу.

Она покосилась на Муну, их взгляды встретились, но в глазах той читалось холодное безразличие. Откуда в ней эта враждебность? Муна кажется умнее соплеменников. Независима в суждениях и не склонна к пересудам. Ревнует к сестре? Или почувствовала в Аламеде соперницу? Нет, вряд ли. Было бы за кого соперничать. Местные мужчины не нужны Аламеде. Ни один из них и ногтя Роутэга не стоит. В целом, неплохие люди, но слишком просты, недалёки, их стремления ограничены одним инстинктом выживания. Да и Муне они не нужны. Не достойны такой, как она.

Муна напоминала Аламеде прежнюю себя: сильную, волевою, независимую и прекрасную, как дикое растение. Что-то сродни шипастой лиане, которая упорно карабкается к солнцу и цветёт броскими бутонами. Когда-то она сама была такой, но той Аламеде больше нет. Случившееся с ней изуродовало её душу, искажило саму её природу, и теперь всё существо желало лишь одного: отомщения. Что уж говорить о внешности... Новое лицо виделось ей каким-то блёклым пятном. Она, конечно, замечала на себе взгляды мужчин, но скорее любопытствующие, а не заинтересованные, и осознавала, что в глубине души завидует Муне.

Все вернулись на вёсла, продолжая вполголоса обсуждать случившееся и поглядывать на Аламеду.

– Видели? Ровно ведьма... – долетели до неё слова Найры.

Как же они ей все надоели. Внутри закипала досада. Глупый, суеверный народишко. Верят в Богов, которые давно покинули их. Только и знают, что злословить да разводить сплетни. А теперь ещё и эти видения... Пропади они пропадом! Прицепились, как назойливая мошкара. Плохо... Они могут помешать ей... Аламеда была уверена, что вернувшись в день своей смерти, поймала на крючок сознание Лиз, но, кажется, белому врачу удалось каким-то образом зацепить и её собственное... Когда это случилось? Неужели, однажды появившись в её сне, он сумел установить с ней какую-то связь? Но как? Через Лиз? Кажется, этот доктор влюблён в эту девчонку... а сила любви способна на многое. Ваби говорила – она сродни буре. Может захлестнуть и вынести на небывалые высоты, а может утащить и погresti под толстым слоем надежд. Он влюблён, – мысленно усмехнулась Аламеда. Она тоже когда-то любила, но кому из чужеземцев было дело до её чувств? Они пришли и в один миг растоптали их. Нет уж, больше она этого не допустит. Нужно непременно найти способ, как огородиться от этого доктора, иначе он всё испортит.

Аламеда продолжала грести, погруженная в свои мысли. Очертания далёкой суши становились всё чётче, но чем ближе островитяне подплывали к долгожданному берегу, тем их воодушевлённые лица делались более серьёзными.

– Мангры... – прошёлся по острову тревожный ропот. – Мангровая чаща.

Ужасные опасения подтверждались. То, что издавна люди приняли за большой участок суши, поросший настоящим лесом, на самом деле оказалось затопленной мангровой чащей. Высоченные деревья росли прямо из воды, сплетаясь у основания корнями-ходулями, а в вышине – раскидистыми кронами. Образовавшиеся под ними арки и коридоры пугали манящим из их глубин мраком. По мутной глади воды у подножия деревьев стелилась белёсая дымка и окутывала

извилистые корни. Листья по-недоброму перешёптывались. Тонкие ветви, свисая со стволов до самой воды походили на прогнившие верёвки. И никакого намёка на сушу. Только одинокий обломок торчащей неподалёку низенькой скалы, лысой и крутой, свидетельствовал о том, что когда-то на этом месте возвышались горы.

Удручающее молчание воцарилось на острове, лица были хмуры, глаза потухли. Но люди всё же решили подплыть чуть ближе и посмотреть получше. Возможно, они плохо рассмотрели? Что если за линией деревьев прячется хотя бы небольшой, но твёрдый клочок земли, и к нему можно добраться с другой стороны? Проплыли вдоль границы водного леса, усердно отталкиваясь вёслами ото дна и подгоняя разваливающийся остров вперёд. Думали обогнуть деревья с запада, но чаща не кончалась. Мангры и мангры, и снова мангры. Проплыли кругом, потратили уйму времени и, вернувшись к одинокой скале, поняли наконец, что подступа к суше нет нигде. Возможно, и пряталась она в глубине этой чащи, но проверить никто не решался. От одного-то ходячего мангра бед не оберёшься, а тут их целый лес. Стоит заплыть в него – и плотоядные деревья стянут корнями, задушат ветками, сожрут и переварят всех вместе взятых.

Старейшина принял решение уплывать, и островитяне сели на вёсла, с грустью глядя на густые и неприступные заросли росшего меж деревьев тростника, который был сейчас так нужен для укрепления острова.

– Постойте, слышите? – вдруг крикнула Нита, и все замолчали.

Аламеда тоже прислушалась. Сквозь тихий плеск воды и шорох ветвей из чащи доносились странные, похожие на удары, звуки.

– Нужно проверить, что это, – сказала Нита.

Поднялся говор. Кто-то ничего не слышал, другие слышали, но утверждали, что это всего лишь шум ветра и волн. Третьи грешили на чудовищ.

– И как ты проверишь? – хмуро проронил бородатый Сурум, муж Найры. – Не плыть же в чащу. Живыми мы оттуда не выйдем.

– А вдруг там люди, – сказала Нита. – Мне эти звуки напоминают таяние топора.

– Какого топора? Бог с тобой, – поднялся ропот. – В чаще нам верная погибель.

– Нельзя уплывать, не изучив это место, – настаивала Нита. – Остров крошится в труху. Через три или четыре дня он потонет, что вы тогда скажете? Никто не знает, сколько ещё плыть до следующей отмели. Если есть хотя бы малая надежда, что внутри чащи кроется клочок суши, пригодный для жизни, я её не упущу.

– Мы не поплывём в лес, – отрезал старейшина, пресекая все споры. – Слишком опасно. Вот если кто-то вызовется пойти и проверить, мы подождём, но целым племенем я рисковать не стану. Есть желающие? – он замолчал на секунду. – Нет. Поплыли отсюда.

– Я, – Нита подняла руку и, резво прыгнув с острова, оказалась по грудь в воде. – Дойду вброд.

– Не дури, Нита, ты и двух шагов не сделаешь. Корни утащат тебя под воду, – наперебой заговорили все. – Забыла вчерашних чудищ? А если и здесь такие? Не ходи.

– Ничего, я справлюсь. Подай мой нож, – попросила она у Лони. – Кто со мной?

Все молчали.

– Я пойду, – поднялась Аламеда. Звуки и ей показались странными, но больше её насторожило другое. Она почувствовала какую-то неосознаемую сущность, живущую в этом лесу. Прежде в Лакосе Аламеда ничего подобного не ощущала. Что-то сродни духу... Неужели они ещё остались в этом мире? Новое место, в отличие от предыдущего, было каким-то... живым...

Аламеда соскочила за Нитой, ступни погрузились в мягкий ил. Вода была тёплой и даже слегка прозрачной: мелкие рыбёшки сновали туда-сюда и совсем не внушали опасности.

– Пусть идёт, искупает вину, – послышалось с острова.

Аламеда одарила насмешливым взглядом говорившего. Какой-то никчёмный мужичонка. Духи с ним. Посмотрим на его физиономию, если Нита окажется права.

– Я тоже пойду, – неожиданно решилась Муна, – не бросать же сестру одну на растерзание манграм и кровожадным рыбам.

– Она не одна. Я же сказала, что иду с ней, – ответила Аламеда с вызовом. Её начинало раздражать

поведение Муны. На мнение других ей было плевать – они глупы, но не на её.

– От тебя проку... – бросила та и тоже спрыгнула в воду.

– Муна, ты-то хоть останься, – попытались отговорить её соплеменники, но она даже не глянула на них и только вскинула свой гарпун, внимательно вглядываясь в глубь воды.

– Возьмите меня тоже, – вскочил Лони.

– Нет, – тут же отрезала Нита, – слишком опасно.

– Килайя так идёт, а я чем плох?

– Ты не плох, просто не дорос, тебя здесь с головой скроет.

Ребятня засмеялась, но парень не сдавался:

– Я поплыву!

Последовало очередное «нет» Ниты. Лони насупился, потом снял с шеи ножик, подвешенный на веревке, и передал его Аламеде.

– Не смотри, что короткий, – шмыгнув носом, сказал мальчуган. – Он острее, чем плавники горбунов, я его вчера наточил. Если какая тварь нападёт, коли ей сразу глаза.

– Спасибо, – кивнула Аламеда и надела нож на себя. Заботится... В груди тоскливо заскреблось при мысли, что ей придётся рано или поздно расстаться с Лони. Она поскорее отвернулась и поспешила вслед за Нитой.

– Постараемся возвратиться как можно быстрее, – обернувшись, крикнула та Ясу. – Если солнце зайдёт за верхушки деревьев, а нас нет, уплывайте.

Аламеда в последний раз посмотрела назад, наблюдая, как люди заякорили остров. Под их встревоженными взглядами три девушки вброд дошли до деревьев. Замшелые стволы вырастали из воды, как неподвижные великаны, но Аламеда помнила, что это впечатление обманчиво. Стоит сделать ещё шаг – и хищные ветки потянутся к своим жертвам. Интересно, что Нита задумала? Как собирается пройти через опасный коридор? На всякий случай Аламеда сняла с шеи нож и приготовилась к тому, что скоро придётся обороняться.

– Что ты делаешь, сестра? – спросила Муна, переводя острие своего гарпуна с одного подводного корня на другой. Видно, и для неё замысел Ниты был загадкой. – Ещё шаг – и все эти мангры нас задушат. Смотри, какие здоровые корни – будто подводные змеи.

– Не задушат, – с холодной уверенностью ответила Нита, – это обычные деревья, – выбрав проход пошире, она решительно ступила под арку из сплетённых ветвей. Издали по прежнему доносился едва различимый стук.

– С чего ты взяла? – спросила Муна, медля.

Аламеда тоже застыла, прислушиваясь к своим ощущениям. Она не чувствовала враждебности от этих деревьев, напротив, что-то вдыхало в них жизнь. Нита права, мангры не опасны, но как она догадалась?

– Ты когда-нибудь видела птичьи гнёзда на плотоядных деревьях? – меж тем ответила та сестре.

– Гнёзда? Где? – удивилась Муна.

– Вглядись хорошенько в просветы между ветвей, вслушайся, ну, – Нита повела рукой. – Это птенцы копошатся.

Муна задрала голову, всматриваясь в лохматые кроны.

– И правда гнездо, – проговорила она, указывая на тёмное пятно среди листвы.

– А там птица на ветке, – добавила Нита.

Аламеда проследила взглядом за рукой подруги. Птицы... Аламеда так редко встречала их в Лакосе, что и забыла, какие они. И уж тем более, она не ожидала увидеть гнёзда на манграх. Та чирикающая мелкота, которую ей довелось встречать в этом мире, гнездилась на земле, среди камышей. Пичужки знали, что от плотоядных деревьев нужно держаться подальше. На таких и охотиться-то было жаль, в них мяса на зубок.

– Значит, птицы... – задумчиво сказала Муна, но гарпун не опустила. – Птицы – и не поют...

– Да, не поют, – согласилась Нита, – это странно, но деревья безобидны. Мангр-хищник замирает, как каменный, когда чувствует добычу. Даже ветер не колыхает его ветвей, только листья едва трепещут. А здесь...

– Здесь деревья подпевают ветру, – подхватила Аламеда. – Слышите?

Нита и Муна посмотрели на неё удивлённо, но она не обратила на них внимания и вдруг запела. Тихо, вполголоса и с улыбкой на лице. Как же давно она не подпевала лесу: шелесту листвы, скрипу ветвей, плеску воды в реке. Сколько времени не танцевала с ветром... Эти звуки ласкали слух и умиротворяли. Без всякого сомнения какой-то дух ещё оберегал это место. Аламеде на миг стало так тепло и хорошо на душе, будто она вернулась домой. Она вспомнила свой родной лес: его звуки и прикосновения, влажное дыхание деревьев и песни ручейков. Аламеда отдала бы что угодно, лишь бы снова вернуться туда. Щемлящая тоска сжала грудь. Домой, как хочется домой...

– Наверное, это останки какого-то древнего леса... очень древнего, – проговорила Муна, осторожно ступая вперёд. Она продолжала водить по воде гарпуном, ни на секунду не сводя с неё глаз, – я никогда раньше не видела столько деревьев. Настоящих деревьев, а не ходячих монстров. Скорее всего, они родились, когда Лакос был ещё зелёным и цветущим миром. Вот всё, что от него осталось, – с горечью хмыкнула она, окинув взглядом болотный морок. – Рано или поздно вода доберётся до самых макушек и погребёт под собой это место. Лакос превратится в сплошной океан, и мы тоже исчезнем... Если не найдём Водные Врата, конечно.

– Я бы не слишком надеялась, – проронила Нита. Она шла впереди, раздвигая остриём гарпуна плавучие водоросли и слипшиеся кучки гнилой листвы.

Из мутной глубины проглядывали корни деревьев, а некоторые стелились поверх воды и, переплетаясь между собой, словно сотни белых рук, образовывали крепкий настил. Девушки решили, что передвигаться по нему будет куда надёжнее, чем по воде. Они вскарабкались по узловатым изгибам, придерживаясь за свисающие ветки.

Босые ступни девушек перепрыгивали с корня на корень, взбирались и спускались, следуя их причудливому плетению. Аламеда дотрагивалась до замшелых стволов и вспоминала сельву. Точно так же она кралась по берегу с соплеменниками, когда охотилась за гигантской рыбиной арапаймой. Так же беззвучно проскальзывала в тени крон, заметив в воде голову аллигатора. Со своими чудовищами она знала, как совладать, а здесь даже местные не были уверены, какого монстра могут скрывать опасные воды.

Вдруг Аламеда опять что-то почувствовала: они не одни. Странное существо, обитающее в этом лесу, находилось совсем рядом. Прежде она никогда так отчётливо не ощущала присутствие духов. Ей удавалось это только во время шаманских обрядов, при вхождении в транс. Теперь же она и сама была наполовину потусторонней сущностью и потому точно знала: это существо здесь и наблюдает за ними.

Внезапно что-то молниеносное скользнуло под водой. Спокойная до того гладь подёрнулась рябью. Говорившие о чём-то сёстры тут же замолчали и нацелили своё оружие. Поверхность заводи вновь стала неподвижной, и только мелкие серые рыбёшки беззвучно проплывали мимо.

Вдруг Муна вскрикнула и пошатнулась, едва не упав в воду. Аламеда насторожилась: ловкая Муна была не из тех, кто легко теряет равновесие.

– Что случилось? – обернулась Нита и поспешила к сестре.

– Кто-то схватил меня за ногу и хотел сбросить! – крикнула та, настороженно оглядывая извилистые выросты и тыча в них остриём гарпуна. – А ты говоришь, деревья безобидные. Как бы не так!

– Ты уверена? Думаешь это корни?

– Не знаю... Оно схватило меня, как... как человеческая ладонь.

Аламеда дотронулась до воды и на секунду прикрыла глаза. Она по-прежнему не ощущала враждебности этого места.

– Это не деревья, – сказала она, – это дух, который стережёт лес, и он кажется безобидным.

– Дух говоришь? Безобидный? Он меня утопить хотел, но тебе ли не знать, – хмыкнула Муна. – Люди утверждают – ты ведьма.

Аламеда лишь устало взглянула на неё. Ей не хотелось разъяснять, в чём разница между ведьмой и колдуньей.

– А ты их слушай, – сказала Нита сестре.

– Я и не слушаю, – ответила Муна, – я сама вижу. С кем, по-твоему, она всё время разговаривает. С духами, с умершими?..

Вдруг совсем рядом раздался громкий всплеск – всех троих окатило брызгами, и кто-то засмеялся, а смех – какой-то жирный, клопочущий.

– Дух, да? – крикнула Муна, целясь гарпуном в воду. – Что-то не похоже. Пусть только попадётся мне.

– Это воплощённый дух, – ответила Аламеда, останавливая её руку. Она наконец догадалась, кто жил в этом болоте. – Ты ничего ему не сделаешь своим оружием. А он ничего не сделает тебе, если ты только не осквернишь его владения.

– Вот как? – сказала Муна, смерив её взглядом, но гарпун не опустила. – Надеюсь ты права, Килайя.

– Моё имя Аламеда, – холодно ответила та.

– Все тебя так зовут, белая. Что ж ты обижаешься?

– Поторопимся, – прервала их Нита, кольнув взглядом сестру, – иначе до заката не успеем, и уплывут без нас.

– Тем хуже для них, – фыркнула Муна.

– Почему мы не позовём других? – спросила Аламеда. – Это место не несёт опасности, я чувствую.

– Так они тебе и поверили, – ответила Муна. – Расскажи им о своём ощущении воплощённого духа – увидишь, сколько смельчаков найдётся. Среди нас не осталось бесстрашных людей.

– Они не пойдут, пока не будут уверены, что здесь безопасно, есть суша и питьевая вода, – сказала Нита. Она шла впереди и острием длинного ножа чертила линию на ровной глади. – Нам нужно новое место, хотя бы ненадолго. Плавающий остров протянет ещё несколько дней. Если же твёрдой земли и питьевой воды здесь нет, мы сможем жить на нашем плоту, укрепить его как следует свежим тростником, запастись им впрок и надеяться на дожди, чтобы наполнить бочки. Древесины хватит с головой на постройку нескольких крепких лодок. Тогда мы сможем продолжить путешествие.

– Хорошо бы. На обгорелой куче тростника до Водных Врат не доплыть, – сказала Муна, скосив взгляд на Аламеду.

– Опять ты со своими Вратами, – усмехнулась Нита. – Я поверю, только когда увижу их. Сколько лет мы уже плаваем по Большой Воде, от одного заболоченного острова – к другому, и ни разу не видели никаких Врат.

Аламеде стало любопытно. Она часто слышала пророчество, которое все твердили, но никогда не вникала в его суть.

– И куда они ведут, эти Врата? – спросила она.

– Куда захочешь, – ответила Муна. – Каждый увидит в них тот мир, в который желает попасть.

– Яс говорит – брехня, и я с ним согласна, – бросила Нита, обернувшись, и вдруг закричала: – Осторожно, Муна, сзади!

Её слова заглушил громкий всплеск: из воды выросло зелёное нечто, склизкое и обтекаемое со всех сторон. Муна развернулась и молниеносно всадила в него гарпун, но чудовище преспокойно соскользнуло с острия и растеклось, словно масляное пятно, по поверхности воды. Посредине осталась лишь пара глаз с горящей в них чертовщинкой.

– Ах ты... – Муна приготовилась ещё раз метнуть гарпун, но глаза тут же закрылись и вместе с железным пятном вновь ушли под воду.

Аламеда, подскочившая вслед за Нитой, едва успела разглядеть странное существо. Так и есть – воплощённый дух. Дух болот и воды.

Духи в её лесу редко воплощались. Она видела это лишь однажды, когда они с Ваби проводили обряд умащения духов с подношением даров на священной поляне. Те редко показывались людям во плоти. Но ведь здесь никто не жил... Существо могло принимать любое обличье, какое ему вздумается. И снова Аламеда не почувствовала в этом создании враждебности, скорее большое любопытство.

- Нечего сказать, мерзкое местечко, - проговорила Муна. - Ты уверена, сестра, что хочешь жить по соседству с этим, - она указала гарпуном на то место, где только что скрылась скользкая масса с глазами.

- Чудовищ мы успели повидать и прежде, - проронила Нита, - и это далеко не самое опасное, хоть и противное, не спорю. Лучшее место мы вряд ли найдём. Здесь много тростника, он пойдёт и в пищу, и для укрепления острова. Рыбы тоже полно. Птицы есть, а значит будут и яйца. Смотрите, - она отломала беловатый нарост с ближайшего ствола и отправила его в рот: - Съедобный лишайник - а это уже роскошь. Главное найти питьевую воду. Если она здесь есть, я готова мириться с соседством любых чудовищ.

- Их тут нет, - сказала Аламеда. - Это воплощённый дух, теперь я точно уверена, дух болот - мокрун. Он и охраняет это место от всякой нечисти.

- Может, ты с ним ещё и подружишься? - усмехнулась Муна.

- Может и подружусь, и тебе советую, - ответила Аламеда. - С мокрунами лучше не ссориться. Так что поосторожнее с гарпуном. Навредить ты ему не навредишь, но он может обидеться.

- Вот как? - обернулась Муна, вскинув одну бровь, но больше ничего не сказала.

Девушки продолжали продвигаться вперёд. Звуки ударов становились всё громче. Думалось, что поблизости орудует какой-то невидимый дровосек, но ничего вокруг не говорило о присутствии человека, словно никто до них не оставлял следы на покрытых зелёной тиной корнях, не ломал чересчур разросшиеся на пути тонкие ветки и не тревожил странное подводное создание. Мангры, переплетённые между собой, корни и вода... вода, корни и мангры... И ни клочка суши.

- Смотрите! - вдруг прокричала Аламеда.

Все трое остановились. Деревья впереди росли в наклон: их корни с одной стороны утопали в воде, а с другой - цеплялись за крутой, поросший разнотравьем берег, словно пытались выбраться из опостылевшего болота. Выше по склону тоже росли деревья, много, целый лес. Могучие, крепкие, с широкими стволами, а на берегу лежала перевёрнутая вверх дном дырявая лодка.

11. Совет

Прошла ровно неделя с того дня, как меня отстранили. Неделя без Лиз. По распоряжению Арольда её перевели в новый корпус, там у меня не было пациентов. Теперь я даже не мог просто столкнуться с ней в коридоре, случайно встретиться взглядами, обедая в столовой, или обменяться двумя фразами в общей гостиной. Моя бедная Лиз... Наверняка, она чувствовала себя преданной. Я должен был непременно с ней встретиться и всё объяснить. Сказать, что я не бросал её. Вселить веру в скорое выздоровление. Но, к сожалению, все мои попытки увидеться с ней обернулись неудачей. Я чуть ли не каждый день торчал в библиотеке, которая располагалась в новом крыле, но так и не застал там Лиз. Мне даже посчастливилось узнать номер её палаты, но едва я вошёл в коридор – тут же наткнулся на старшую медсестру. Она бдела как цепной пёс, чтобы я не приближался к моей бывшей пациентке. Я чувствовал себя преступником, который украдкой пытается нарушить запрет. И моя любовь к Лиз тоже была преступной...

В десять утра заглянул Патрик, мой подопечный из Лондона. У нас он с переменным успехом проходил курс лечения от алкоголизма. Его предки были аристократами, сделавшими состояние на строительстве железных дорог. Семейное дело совершенно не интересовало юношу. Он был человеком непрактичным, рассеянным, немного не от мира сего и ровным счётом ничего не смыслил в том, к чему его готовили. Отец пытался вылепить из сына ловкого дельца, а Патрик хотел стать писателем. Он жил своими историями, дышал ими, любил их, но осуждение со стороны родственников и неудачи с публикациями первых книг постепенно привели его к белой горячке.

Отец Патрика отправил сына к нам в клинику с настоятельной просьбой не только излечить того от пагубного пристрастия, но и выбить из молодого человека навязчивую идею стать романистом. И если с первым я мог и умел бороться, то за последнее я не ручался. Хотя Арольд сказал мне прямым текстом, что пожелание родителя должно быть исполнено. «Вы же специалист по гипнозу, Ланнэ, – заявил он мне. – Вот и убедите юношу, что железные дороги – страсть всей его жизни». Но разве смел я допустить такое кощунство, прочитав черновики Патрика? Познакомившись с его творчеством, я с уверенностью мог заявить лишь одно: это прирождённый писатель.

Помимо всего прочего, в отличие от большинства наших пациентов, Патрик совершенно не рвался домой, потому что здесь, в клинике, на лоне горной природы, он мог наконец спокойно творить без оглядки на осуждение родных, в то время как визиты близких провоцировали у него срывы. После отъезда родителей Патрик часто воровал алкоголь на кухне, а иногда даже сбегал в соседние деревушки и напивался вдреизг.

Сеансы психоанализа помогали ему обрести равновесие и отказаться от вредной привычки, но вся работа шла насмарку после визитов родни. Вскоре я понял, что они оказывают на него не менее губительное влияние, чем сама выпивка. На мой взгляд, психиатрическая помощь нужна была первым делом отцу, а не сыну, поэтому при каждом удобном случае – в личных встречах и переписке – я пытался ненавязчиво подвести главу семейства к той мысли, что лучше оставить Патрику право выбора.

Погода с утра была замечательная, и я позвал моего подопечного пройтись. Мы сидели в моём «лесном кабинете», на вершине утёса, и он читал мне следующую главу своего романа, склонив всклокоченную рыжую голову над испещрённой мелким почерком бумагой. Обычно скромный малый, с тихим голосом и извиняющимся выражением лица, в минуту декламации своей прозы, Патрик превращался в актёра драматического театра. Голос его становился выразительным, жестикуляция активной. Он словно сам проживал те испытания, которыми награждал своих персонажей.

Это была трагическая история любви одного солдата, тяжело раненого во время войны, и медсестры полевого госпиталя, пытавшейся сохранить ему жизнь. Драматизм этого отрывка настолько тронул моё сердце, что я на минуту потерял дар речи, словно пережив с несчастным воякой все выпавшие на его долю беды. Разве могла у меня после этого подняться рука разубеждать Патрика в его призвании?

Мы побеседовали ещё с полчаса, и перед тем, как идти обратно, он вдруг спохватился, начал шнырять по карманам и неожиданно протянул мне помятый конверт.

– Просили вам передать, доктор, я совсем запамятовал, – проговорил Патрик, извиняясь. Он действительно был очень рассеян.

– Кто? – спросил я, а у самого перехватило дыхание.

– Мисс Родрик. Мы виделись с ней вчера в библиотеке, она зашла всего на минуту. Кстати, а почему её перевели в новое крыло?

– Как она? – произнёс я на выдохе, пропустив мимо ушей его вопрос.

– По-моему, не очень, – виновато пожал плечами Патрик, – но мы почти не говорили, она сразу

ушла. А вы разве больше не занимаетесь ею?

– Нет. Теперь её ведёт доктор Арольд, – коротко ответил я и затолкал письмо во внутренний карман пиджака. – Нужно возвращаться. Кажется, надвигается гроза.

Больше он ничего не спросил, вероятно, из-за природной тактичности. Хотя сплетни про меня и Лиз наверняка не обошли его стороной.

Я заперся в своём кабинете. Утренние сеансы были завершены, стрелки часов показывали 11-00 – время Лиз. Но она не придёт. Запечатанный конверт лежал передо мной. На лицевой стороне её почерком было аккуратно выведено: «Доктору Ланнэ лично в руки». Это «лично в руки» немного тревожило меня. Оно звучало как-то чересчур официально. Конечно, я не ожидал прочитать там ничего из разряда «от любящей Лиз», но всё же это «лично в руки» придавало записке излишнюю официальность.

Я распечатал конверт и аккуратно развернул письмо, пытаясь уловить её аромат. Взгляд заскользил по строкам:

Доктор Ланнэ, прошла уже неделя, как меня перевели в новый корпус. Под дверьми постоянно дежурит медсестра, словно я из буйных. Ходит за мной попятам, как привязанная. На прогулку – с ней, в столовую – с ней. Шагу не даёт ступить. Целую неделю я прождала от Вас объяснений, пока не выяснила, что, оказывается, Вы больше не занимаетесь мной и передали меня заведующему. Мне бы очень хотелось знать, чем Вы руководствовались, принимая такое решение.

Доктор Арольд утверждает, что моя болезнь прогрессирует, и мне требуется более серьёзное лечение. Я и сама это понимаю. Приступы участились, и после них я чувствую себя совершенно опустошённой, будто потихоньку покидаю собственное тело... Знаете ли Вы, доктор, каково это, понимать, что уходишь? Не знаете и не можете знать, да Вам и не интересно.

Теперь я вполне осознаю – Вы никогда не говорили мне всей правды о моей болезни. Очень жаль, потому что я Вам верила. Конечно, это Ваше решение и Ваше право отказаться от дальнейших попыток вылечить меня, однако я всё же ждала, что Вы хотя бы удосужитесь лично передать мне свои мотивации. Видимо, я опять ошиблась...

Всего Вам доброго, доктор.

Лиз Родрик.

Рука с письмом упала на стол, я схватил стоявший рядом стакан и со всей злости швырнул его в стену. Осколки брызнули во все стороны. Я вскочил с кресла и решительно направился к двери, уже представляя, с каким удовольствием врежу по лысому, в коричневых пятнах, черепу. Как он посмел, этот чёртов старикашка. Он всё вывернул так, будто я сам отказался от Лиз, и теперь она думает, что я предал её.

Мои пальцы уже решительно сжимали ручку на двери в кабинет Арольда, но тут я подумал, что если заговорю с ним о письме, то поставлю Лиз в гораздо худшее положение, чем теперь. Ей вообще запретят выходить из палаты. С трудом поборов гнев, я отпустил руку и вернулся в свой кабинет. Мне хотелось всё разгромить, но здравый смысл вновь усадил меня за стол и заставил перечитать письмо. «я Вам верила... я ошиблась...» Это подчёркнуто пренебрежительное Вы, Вас, Вам, написанное с заглавной буквы, и этот официальный тон обжигали, как хлёсткие пощёчины. Лиз презирала меня...

Я достал чистый лист и решил, что напишу ей ответ. Она поймёт. Я всё объясню и попытаюсь её успокоить. Но после первых же трёх строк скомканный клочок полетел в корзину. Я извёл целую стопку бумаги, но всё, что выходило из-под моего пера, выглядело, как неуклюжие оправдания. Она была вправе презирать меня... Я не смог отстоять её у Арольда, не осмелился признаться в своих чувствах и, самое главное, не сумел вылечить её. Старик прав: я ни на что не годен. Очередной неудавшийся черновик я затолкал в ящик стола, затем встал, снял с вешалки плащ и шляпу и вышел из кабинета. Невыносимо захотелось проветрить голову и подумать. Я предупредил ассистировавшую мне в тот день медсестру, что меня не будет до вечера, и отправился на железнодорожную станцию взять поезд до Цюриха. В клинике я оставаться не мог, потому что плохо себя контролировал и рисковал натворить бед. Смена обстановки помогла бы мне привести мысли в порядок.

Как в тумане, я бесцельно бродил по узким улочкам Цюриха, кормил уток на берегу реки Лиммат и заглядывал в витрины закрывшихся на обед магазинов. Меня не радовал ни свежий запах предгрозового воздуха, ни нежные цвета распускающейся повсюду глицинии. Кругом была весна, а в моём сердце – глубокая осень. В голове звенела совершенная пустота. И только строчки из письма звучали в ней укоризненным «я Вам верила... я ошиблась...»

Я не знал, что делать дальше. Вдруг Арольд прав, и мне просто не хватает опыта? Не лучше ли тогда оставить Лиз ему? Несмотря на всё моё неприятие, он врач со стажем и, возможно, сумеет вылечить её. Лиз выздоровеет, и тогда я всё ей объясню, скажу, что так было нужно, открою ей свои чувства... А пока... Пока мне хотелось лишь одного: напиться. Напиться до полной потери рассудка, только бы не слышать больше в своей голове слова из письма. Но, как назло, в этот час все забегаловки были ещё закрыты. Чёртова швейцарская дотошность в соблюдении распорядка дня. Если человек хочет выпить в три часа, ему придётся терпеть до вечера.

Намечавшаяся с утра гроза наконец собралась силами. Небо стремительно темнело, и с запада на город напознала тяжёлая свинцовая туча. Ударили первые капли, припустил дождь. По мокрым улицам бегали мальчишки-торговцы, зажав под мышкой охапки зонтов, и предлагали забывчивым прохожим купить втридорога свой товар. Я осознал, что и мне нужен зонт только в тот миг, когда один из парнишек уже всучил мне его и протянул ладонь в ожидании оплаты. Я дал ему деньги и, открыв зонт, пошёл по улице в случайно выбранном направлении.

В небе гроыхал гром, сверкали электричеством молнии, люди ускоряли шаг, а я сидел на мокрой скамье, под угрюмым платаном, в каком-то сквере, и изводился мыслями о Лиз. Зонт не то чтобы очень спасал, но, возможно, воспаление лёгких всё же обойдёт меня стороной. Не знаю, сколько прошло времени, но, видимо, достаточно для того, чтобы гроза выжала из тучи всё что могла, и потихоньку затихла. Робко проглянуло уже опускающееся к горам солнце, улицы оживились. Вдруг кто-то окликнул меня.

– Артур! Вот уж никак не ожидал, что встречу тебя в Цюрихе, – пророкотал человек, растолстевшую физиономию которого я сразу узнал. – А ты что под зонтом? Дождь уже полчаса как кончился.

Передо мной стоял, заложив большой палец в петлицу клетчатой жилетки, Клаус Майнер. Мы учились вместе в Базельском университете, но он был на несколько лет старше, чем я, и уже давненько имел собственную практику где-то в Германии. Его широкая белозубая улыбка заставила улыбнуться и меня: в годы учёбы мы были верными друзьями. Ну и раздобыл же он. Женится, наверное. Впрочем, Клаус всегда слылся здоровым малым. Настоящий великан, и голос имел громкий, будто из рупора.

– Здравствуй, Клаус, ты-то здесь какими судьбами? – спросил я, закрыв наконец зонт и отложив его в сторону.

– Да, – махнул он, присаживаясь возле меня, но тут же встал, заметив, что скамейка мокрая, – приехал с женой навестить её родственников. Они здешние. Одолели – тоска смертная. Так что я, можно сказать, сбежал, – он раскатиисто расхохотался. – А ты чего это на мокром-то сидишь, чудак?

Я тут же поднялся и отряхнул плащ, он и правда промок до нитки. Старый добрый Клаус... Как же меня обрадовала наша встреча. Вот кого мне так не хватало в тяжёлую минуту – хорошего друга. Я был прав: он женился. И словно в подтверждение моих мыслей он тут же пригласил меня сегодня же прийти к ним на ужин и познакомиться с его супругой. Я деликатно отказался, сославшись на занятость в клинике, что, в целом, было правдой.

– Ну тогда пойдём хоть посидим где-нибудь, выпьем за встречу, вспомним старые добрые времена, – настаивал он.

Часы показывали шесть – оказывается, уже наступил вечер.

– Пойдём, дружище, отчего бы не выпить, – ответил я, и мы, живо переговариваясь, вышли из сквера.

Клаус Майер считался одним из самых блестящих учеников на медицинском факультете, мы все хотели быть похожими на него. Я познакомился с ним, играя в футбол в любительском студенческом клубе. Играл он неважно, как и я, зато в учёбе Клаус был гением, ну а в жизни – просто отличным малым. Часто, сидя на скамейке запасных, мы обсуждали недавние труды Блейлера и Фрейда, говорили о психологии, философии и, конечно же, о прекрасном поле.

Клаус завёл меня в первую попавшуюся пивную, мы заказали по кружке нефilterованного Falken и пустились в воспоминания юности. Затем он рассказал мне о своей работе, а я – о своей. Когда тема основного разговора была исчерпана, речь, как и положено, зашла о женщинах. Поведав мне весёлую и романтическую историю ухаживаний за своей будущей женой, Клаус подмигнул и, принявшись за второй бокал пива, поинтересовался, как обстоят мои дела на личном плане. Уж если я и мог кому-то довериться, то только ему.

– Мне нужно спросить у тебя совета, – неуверенно начал я.

– Артур Ланнэ спрашивает совета в делах сердечных? – хохотнул он. – Такой успешный красавец и мечта всех женщин?

- Да ну, брось, - отмахнулся я.

- Ну, хорошо, спрашивай. Я всё же в этом вопросе не полный профан, женат как-никак, хотя до сих пор удивляюсь, что Маргарет во мне нашла, - он глотнул ещё пива и вытер салфеткой пену, оставшуюся на губах. - Так кто же твоя избранница?

- Моя пациентка, - сказал я и бросил на него короткий взгляд.

Видимо, очередной глоток пива встал Клаусу поперёк горла, и он закашлялся.

- Пациентка? То есть как? Бывшая, ты хочешь сказать? Она поправилась, и ты решил приударить за ней?

- Нет, не бывшая. Нынешняя, - ответил я, понимая, насколько странно это звучит.

- От чего же ты её лечишь? - поинтересовался Клаус после недолгого молчания.

- С диагнозом всё сложно, - вздохнул я. - Коллега считает, что у неё шизофрения, а я больше склоняюсь к диссоциативному расстройству.

- Вот как... - проронил он, удивлённо глядя на меня. - И что в ней такого, чтобы влюбиться в... в...

- В сумасшедшую? - подсказал я. - Понимаю, звучит нелепо, но поверь мне, она не похожа на типичных психических больных. Её диагнозы - это всё не то, понимаешь, всего лишь скучная попытка как-то классифицировать проявления, в которых мы никак не можем разобраться...

- Нет, я что-то не совсем понимаю...

И тогда я рассказал ему всё с самого начала: о Лиз и об её отце, о гипнозе и об Аламеде, о моём отстранении и о загадочных снах. Клаус слушал внимательно, озадаченно кивая головой и хмуря лоб. Когда я закончил, он вздохнул и, отодвинув в сторону свою кружку, скрестил перед собой ладони замком. Знал я этот его жест: он не одобрял услышанного.

- Артур, боюсь, ты действительно безнадёжно влюблён. Эта девушка, в прямом смысле слова, сводит тебя с ума. Ты просто заиклен на ней, и твои сны - тому подтверждение, - Клаус говорил не как врач, а как друг, он действительно беспокоился за меня. - Ты не можешь трезво оценивать состояние её здоровья. Даже сейчас твой рассказ получается сбивчивым, в нём много непонятного, ты просто пропускаешь всё через сердце...

- Но я и правда ничего уже не понимаю! - воскликнул я.

- Вот именно что! Послушай, - он протянул руку через стол и доверительно тронул меня за плечо, - пусть ею займётся Арольд. Я слышал, он не такой уж плохой специалист. Согласен, к барбитуратам у меня тоже довольно критичное отношение, но их никогда не поздно отменить. Арольд, наверняка, не дурак, и сумеет это понять.

- Как же нет. Дурак он, каких поискать.

- Артур, просто посмотри на себя со стороны, - продолжал Клаус, глотнув ещё пива и снова отодвинув кружку. - Ты нарушаешь предписание главного врача. Гипнотизируешь отца пациентки без его ведома. Видишь сны своей подопечной. Намереваешься надавать тумаков Арольду. Хочешь пробраться тайком в палату девушки. Получаешь от неё любовные письма и собираешься писать ей ответ!

- Да не любовные они, - отмахнулся я. - Она вообще никак меня не воспринимает.

- Как же нет? Её письмо - не что иное, как выражение обиды брошенной женщины! Она влюблена в тебя, Артур, это же ясно как день, и, уж прости друг, тут мало хорошего. Твоё поведение непрофессионально, чёрт побери. Ты слишком одержим ею и уже не можешь трезво смотреть на вещи! Подумай о себе и о своей карьере. Если девушка поправится, ты всегда успеешь прийти к ней с предложением руки и сердца, а если нет, ну, ты сам должен понимать...

- Понимаю, - кивнул я, глядя в свою кружку. - Если она не поправится, то и думать о ней не стоит. Но я хочу, хочу, чтобы она поправилась!

- Не всё в твоих силах, Артур, - сказал Клаус, сочувственно глядя на меня. - Насколько я понял, у неё довольно серьёзный недуг...

- Да нет же! Если бы ты только познакомился с ней и поговорил, ты бы понял, что она вовсе не кажется больной.

- Артур, диагноз шизофрения просто так не ставят.

- Но он неверен! - закричал я.

- Другище, - вздохнул Клаус, - послушай моего совета. Отойди в сторону. Так будет лучше и для тебя, и для неё. В нашей профессии требуется холодная голова, а свою - ты в буквальном смысле потерял.

Темнело, мне нужно было возвращаться на станцию. Мы с Клаусом крепко пожали друг другу руки и договорились непременно встретиться, как только снова выпадет такая возможность. Выйдя на улицу, я увидел, что он сидит со своим пивом и до сих пор озадаченно смотрит на меня из окна.

Всю обратную дорогу в поезде я продолжал думать о нашем разговоре. Наверное, мне стоило последовать совету Клауса. Он был не только моим другом, но и отличным специалистом. Своим присутствием я лишь вредил Лиз. Я должен отказаться от неё, хотя бы на время, ради её же самой.

Я вернулся поздно. Ужин закончился, да и не было у меня ни малейшего аппетита. Медсестра передала мне лист обхода и ушла к себе, а я сел за рабочий стол, достал из ящика недописанное письмо, перечитал его и бросил в огонь.

12. Арэнк

Девушки прыгнули в воду и, поднимая ногами брызги, побежали к берегу, где лежала, уткнувшись носом в ил, деревянная лодка. Дно практически сгнило, однако на борту ещё виднелись остатки цветного орнамента. Аламеда хоть и не понимала значения вплетённых в него символов, но догадывалась, что это не просто украшение. На её родной земле подобные метки несли в себе знаки племени, его историю и даже родословную вождей. Поблёклые краски на борту лодки будто рассказывали Аламеде какую-то древнюю притчу, но она не знала языка, чтобы понять её.

Почва вокруг была заболоченной и размытой. С чёрной грязью мешались склизкие водоросли, прелая листва и пустые раковины мелких моллюсков. Эта жижа неприятно сочилась меж пальцев ног, но впервые за долгое время девушки наконец чувствовали под собой твёрдую опору. Их ступни оставляли на земле четкие следы... рядом со следами кого-то ещё. Нита не ошиблась: здесь жили люди.

Теперь удары раздавались совсем близко. Они то затихали, то возобновлялись. Девушки ловко и бесшумно вскарабкались по крутому, покрытому разнотравьем склону. Чтобы не соскользнуть, им приходилось держаться за выступающие из почвы корни, которые протянулись вниз от росших на возвышенности лиановых деревьев. Наверху гостей встретил целый лес. Ветки многовековых гигантов изгибались и переплетались между собой. Толстые верёвки лиан связывали их своими тугими узлами. Крепкие корни бороздили твёрдую землю. Птицы, юркие, с невзрачным серым оперением, копошились в листве, но молчали. Букашки ползали по шершавым стволам, мельтешила мошकारа, но тоже без единого звука. В лесу было тихо, и только странный стук доносился из глубины зарослей, да шуршала под ногами опавшая листва. Серая пыль поднималась от осторожных шагов девушек, а в воздухе пахло свежесрубленной древесиной.

Совсем скоро деревья расступились и поредели. Шедшая впереди Нита вдруг остановилась, подавая Аламеде и Муне знак замереть. Постояла, всматриваясь, и поманила их рукой. Перед ними белела кругами пней вырубленная поляна. Там, среди поваленных стволов, уперев ногу в один из них, стоял человек и топором обтёсывал крупные ветки. Натруженные мышцы на смуглой спине напрягались при каждом взмахе руки. Длинные чёрные волосы блестели от пота. Человек обошёл дерево, встал к девушкам лицом и, вытерев испарину со лба, принялся стёсывать кору с другой стороны. Он так и не заметил, что за ним наблюдают. Зато Аламеда, только он повернулся, едва сдержалась, чтобы не закричать: широкие смуглые плечи, татуировка справа на груди, наклон головы и чёрная прядь, свесившаяся на глаза...

– Роутег, – одними губами произнесла она. Как?... Неужели он? Её бросило в жар, кровь прилила к лицу. Роутег... он здесь...

Нита меж тем сказала: «Идём», – и шагнула из укрытия навстречу незнакомцу.

В этот миг человек поднял голову и, отскочив назад, будто испуганный зверь, замахнулся топором. Нита стремительно выхватила нож, а Муна вскинула гарпун. Но, рассмотрев пришедших, незнакомец изменился в лице: его озарила приветливая белозубая улыбка, а угрожающий взгляд просветлел. Человек опустил руку и пошёл им навстречу, ступая твёрдо и уверенно. Нита и Муна переглянулись и убрали оружие.

Аламеда же так и стояла, как в землю вросла, и во все глаза смотрела на приближающегося Роутега. Волна счастья окатила её с головы до пят, словно тёплый тропический ливень. Она не чувала ни ног, ни рук и только слышала громкие удары сердца, рвущиеся из поднимающейся в волнении груди. Он шёл прямо на неё, улыбаясь. Губы сами собой стали расплываться в ответной улыбке... но вдруг – задрожали... Это был не ОН... Накативший жар отхлынул в один миг, глаза смотрели сквозь незнакомца, сердце провалилось куда-то глубоко-глубоко, но продолжало учащённо биться, заглушая зазвучавшие голоса. Как же так? Она ведь видела, видела... Аламеда опять пристально посмотрела на человека, словно пытаясь вновь разглядеть в нём так внезапно появившегося и тут же ускользнувшего Роутега.

Нита уже поприветствовала лесоруба издали круговым жестом руки и приблизилась, а Муна чуть приотстала и зачем-то спешно распутывала пальцами свои длинные волосы. Аламеда прошла мимо неё, потухшим взглядом смотря на незнакомца и всё больше убеждаясь, что нет в нём ничего от Роутега. Она чувствовала себя так, словно в третий раз пережила смерть любимого. Ей хотелось просто взять и исчезнуть. Испариться вместе с видением. Уйти туда, куда ушло и оно. В глазах опять стояли слёзы, а в ушах звенела песня смерти.

Аламеда не заметила, как подошла Муна, и не слышала завязавшегося разговора. Сёстры что-то объясняли незнакомцу, указывая в сторону, откуда пришли, и спрашивали его о чём-то. Он охотно отвечал и, казалось, радовался встрече. Аламеда бессмысленно смотрела прямо перед собой, напротив её глаз чернела татуировка лесоруба. У Роутега была похожая, слева на груди. Но нет, эта совсем другая. Рисунок у её жениха изображал леопарда – бесстрашного хищника сельвы,

олицетворяющего силу и мощь солнца, а у этого человека – какой-то неизвестный зверь, похожий на крылатую пантеру.

Аламеда оторвала глаза от груди незнакомца и встретила с его глазами. Как она могла ошибиться? Нет в нём ничего общего с Роутегом. У того взгляд был сосредоточенный и глубокий, а у этого – даже слишком открытый. Глаза светло-карие, с зелёными крапинками, но вместе с тем какие-то задумчивые...

– Аламеда, – окликнула её Нита. – Аламеда, да что с тобой? Ты будто призрака увидела.

– Я? Нет... – растерялась она, заметив, как все трое с удивлением смотрят на неё, но тут же нашлась. – Что это за животное, на татуировке? – спросила Аламеда и вдруг вспомнила, она уже видела точно такой же символ, вплетённый в орнамент, который украшал борт дырявой лодки.

– Это чёрный дорей, метка моего исчезнувшего племени, – ответил человек. – Эти животные тоже давно вымерли. В последний раз я видел их, когда был ещё мальчишкой. Дорею нужен простор: не только небо для полёта, но и широкие равнины для бега. Где их теперь найдёшь?

И голос у него совсем другой, подумала Аламеда. Роутег всегда говорил размеренно, не торопясь, в каждое слово вкладывая смысл целой притчи, а этот общается так, будто они давно знакомы, просто и открыто.

– А каков символ твоего племени, белянка? – лесоруб прямо и с любопытством посмотрел на неё. – Я никогда раньше не встречал людей с такой белой, как облака, кожей и золотистыми, будто поцелованными солнцем, волосами.

– Моего племени, как и твоего, давно нет, – коротко ответила Аламеда. Где он увидел золото в её волосах? Солнце просто выжгло их. Они скорее оттенка сухой глины. А кожа цвета облаков – это что, насмешка?

– Сколько вас здесь? – спросила она, чтобы переменить разговор.

– Аламеда, ты разве не слышала? Арэнк ведь сказал, что он на острове один, – вмешалась Нита.

Арэнк... Красивое имя, звучное, подумала Аламеда. На языке её племени это слово означало «путеводная звезда».

– Она слишком загляделась на чёрного дорея, – хмыкнула вполголоса Муна, но Аламеда расслышала.

– Да, кроме меня, здесь никого нет. Моя земля лежала далеко, за шестьдесят лун плавания отсюда, а мой народ погиб при потопе, – подтвердил Арэнк, – солнце озаряло его приветливое лицо. Видимо, за долгое время одиночества он был рад поведать кому-нибудь свою историю. – Большая Вода в один миг смела наше поселение. Всех утащила за собой. Остался только я. Шестьдесят лун меня мотало на ветхой лодке. Я пил, когда шёл дождь, и ел, когда удавалось поймать рыбу. Трижды на меня нападали подводные чудища и трижды я насилу выживал. Я был уверен, что рано или поздно всё равно умру, пока однажды на рассвете мою лодку не выбросило прибоем к здешним берегам. Какого же было моё удивление, когда, проснувшись, я увидел, что она застряла в корнях мангров на входе в водную чашу. Деревья не растерзали меня, а, наоборот, будто бы поймали и спасли. Я высвободил лодку и поплыл в самую глубь леса, решив, что терять мне всё равно нечего. Оказалось, за кольцом мангров прятался поросший джунглями остров, в середине которого скрывается небольшое пресное озеро. Так это место стало моим домом...

– Пресное озеро, ты сказал? – прервала его Нита. – Целое озеро питьевой воды?

– Да, – ответил Арэнк и махнул рукой в сторону леса: – Оно дальше, за деревьями. Здесь есть всё для жизни: вода, пища. Наверное, когда-то этот холм был оконечностью старой, покрытой лесом горы, с озером в углублении на её вершине. А древесина здесь, – он похлопал рукой по стволу поваленного дерева, – лёгкая и прочная – в самый раз для строительства надёжного судна.

– Ты думаешь уплыть отсюда? – спросила Муна.

– Мне придётся рано или поздно. И вам... Вода прибывает. Медленно и незаметно, но уровень её становится всё выше. Я хочу построить большую и крепкую лодку, чтобы, когда придёт час покинуть это место, уплыть отсюда и найти Водные Врата.

– Видишь, – шепнула Муна сестре, – не только я в них верю.

– Один я быстро не справлюсь, – добавил Арэнк, – но если вас много, мы сможем построить действительно большое судно, и все вместе отправимся на поиски выхода из этого мира.

– Нас много, и мы с радостью присоединимся к строительству, – сказала Нита, – но мне жаль, выхода из Лакоса нет, как и Водных Врат. Мы можем только надеяться, что найдём остаток какого-нибудь уцелевшего материка.

– Твоя воля так думать, – ответил Арэнк, возвращаясь к работе, но вряд ли Нита переубедила его. – Зовите своих, места здесь всем хватит, – с этими словами он высвободил топор из ствола и опять принялся обтёсывать ветки. Аламеда проводила его взглядом, их глаза снова встретились. Она поспешила отвернуться.

– Тогда пойдём за остальными? – обратилась она к своим попутчицам. И что он так уставился? Нашёл невидаль... Ей захотелось поскорее уйти и возвратиться с племенем, смешаться с другими, лишь бы он так не смотрел.

– Нам незачем идти втроём, – сказала Муна, – достаточно, если пойдёт кто-то один. Например, ты, Килайя.

– Хорошо, – согласилась та, даже не заметив, что её опять назвали не по имени. Она сама не понимала, что с ней творится, но ей хотелось как можно быстрее убежать от взгляда Арэнка, устремленного на неё исподлобья.

– Нет, будь здесь, я приведу остальных, – сказала Нита, – а вы с Муной начинайте строить навесы для ночлега. Солнце уже клонится к вершинам деревьев, нужно спешить, – Нита тут же развернулась, не дав Аламеде возразить, и побежала к воде.

Всегда она так. Скажет, как обрубит – с ней не поспоришь.

– Можете брать стёсанные ветки, они мне не пригодятся, – сказал Арэнк, обмахивая топором ствол дерева. Лесоруб снова был вовлечён в работу и наконец перестал разглядывать Аламеду. – Места здесь полно, выбирайте, где почище. Если нужна помощь – зовите.

– А сам ты где живёшь? – поинтересовалась Муна. Она положила гарпун на землю и принялась собирать прутья для крыши.

Арэнк поднял голову и кивнул на стоящее в отдалении дерево. Кряжистое, с раскидистыми ветвями, оно держало меж них сложенную из хвороста хижину.

– Ты соорудил дом так высоко? – удивилась Муна.

– В первые дни я был слишком осторожен. Глаз не сомкнул, пока не закончил работу. Теперь же я часто засыпаю прямо здесь, под открытым небом, на ворохе опавшей листвы, поэтому и вы можете спокойно строить на земле. Но тогда я опасался, что в лесу полно чудовищ и плотоядных растений – где в Лакосе их нет? – Арэнк улыбнулся, и Муна тут же ответила на его улыбку. – Вскоре я понял, что лес не враждебен. Никакая тёмная сущность словно не смеет ступить в него. Кроме птиц, рыб и животных, лишь одно существо обитает здесь. Мне кажется, именно оно оберегает это место.

– Ах, та слизкая мерзость, – вспомнила Муна, – Аламеда говорит, это мокрун, дух болота.

– Дух болота? – Арэнк удивлённо глянул на Аламеду. – А разве духов можно увидеть?

– Мокрун – воплощённый дух, – отозвалась та.

– Тебе придётся поверить ей на слово, – хмыкнула Муна. – Она ведьма.

Арэнк снова перевёл взгляд на Аламеду, внимательно изучая её.

– Что ж, верю... – пожал он плечами. – Правда, я зову это создание Страходеем, Знали бы вы, как я перепугался, когда увидел его впервые. До смерти, честное слово, – лесоруб засмеялся, и от этого заразительного и обезоруживающего смеха у Аламеда что-то шевельнулось внутри. – Но потом понял – это место живо, только благодаря ему. Страходей оберегает его. Я спросил, могу ли я срубить несколько деревьев, и он ответил согласием. Теперь уживаемся мы на славу. Он даже не пытается больше меня пугать, хотя сначала старался, как мог. Наверное, понял, что я его не боюсь. И вы не бойтесь. Он ничего вам не сделает.

– Мокрун любит людские страхи, они для него, как красочные сны, – сказала Аламеда, внезапно припомнив, чему учила её старая Ваби. – Оттого и пугает. Особенно перевоплощаться горазд. Мокрун способен обратиться хоть в беса, хоть в умершего человека, но он никогда не сделает зла людям. Если его не обижать.

– Может быть, ты даже знаешь, почему птицы не поют? – спросил Арэнк.

– Нет, этого я не знаю...

Девушки приступили к работе. Выбрали из кучи стёсанных веток те, что покрупнее и установили каркас будущего навеса. Затем принялись переплетать между собой и укладывать поверх тонкие прутья. На это ушло много времени, стало смеркаться.

– Нита, наверное, уже вернулась на остров, – сказала Аламеда. Она закрыла оставшуюся прореху в крыше и присела отдохнуть. – Под навес этой ночью отправим детей с матерями, а завтра построим ещё.

Она глотнула воды из глиняной бутылки, которой поделился с ними Арэнк, и глянула на Муну. Что это с ней? Щёки тронул нежный румянец, губы тоже порозовели, как закатное небо. Тут Аламеда заметила, что Муна размяла в пальцах несколько красных ягод, росших вокруг на мелких кустарниках, и снова нанесла немного сока на скулы. Она преобразилась и стала ещё красивее, чем обычно.

– Что смотришь? – бросила та, заметив, что Аламеда наблюдает за ней.

Та промолчала и, отвернувшись, устремила взгляд на закат. Впервые она видела, как Муна прихорашивается. Для Арэнка красоту наводит. Только ей незачем, она и так самая заметная девушка племени. Он непременно выберет её. Аламеде снова стало тоскливо. Она вспомнила, как сама готовилась к встречам с Роутегом, как хотела понравиться ему. Приглаживала ореховым маслом свои длинные волосы, которые он часто ласкал в крепких ладонях. Расписывала тело татуировками с символами любви и семейного очага. Давно это было, и уже развеялось по ветру, как зола от пепелища. Ничего не вернуть, всё в прошлом...

Девушки почти закончили обустраивать навес, когда Арэнк наконец оставил топор. Он разжёг костёр. Красное пламя взвилось в небо, словно сигнальный огонь, указывая путь десятку огоньков поменьше, которые показались вдали, за деревьями. Плавающий остров приближался к берегу, и ночное безмолвие нарушили людские голоса.

13. Хижина на дереве

Остров-плот заякорили возле берега, но за время пути от него отслоился ещё один большой кусок, и добрая часть скарба племени утонула. Спасённые пожитки перенесли на холм. Было решено, что под построенный Муной и Аламедой навес пойдут спать дети, а остальные – уж где придётся. Племя объединилось вокруг костра. Поужинали чем пришлось. Арэнк поделился с гостями своими немногими запасами: рыбой, ягодами и корнеплодами, которые по виду напомнили Аламеде корень любимой маниоки. Пока еда коптилась на углях, лесоруб показал женщинам, где растут съедобные корневища, ягоды и лишайник, и объяснил, как отличить их от несъедобных. Многие из этих растений те отродясь не видели.

Стемнело, но Аламеда заметила, что старый Яс закурил длинный костяной калумет и подозвал к себе Арэнка. Они сидели отдельно от остальных и долго о чём-то говорили, передавая друг другу трубку. Наконец Яс поднял руку – и вокруг костра тут же воцарилось молчание.

– Немало воды прибыло в Лакос с тех пор, как мы скитаемся по его волнам, – проскрежетал старик. Думалось, он вот-вот рассыплется, будто потрескавшаяся земля, от каждого произнесённого слова. – Я редко ошибаюсь, но всегда готов признать свой промах. Нита оказалась права, когда решила отправиться в чашу, – он с трудом повернулся, отыскивая её глазами в кругу собравшихся, а найдя, еле заметно кивнул. – Благодарю тебя и твоих смелых подруг. Никогда прежде нам не улыбалась такая удача: мы наконец-то нашли место, которое ещё какое-то время будет для нас гостеприимным и надёжным домом, – затем старейшина обернулся к лесорубу, кивком головы приглашая его подняться. – Теперь нас стало на одного больше. Отныне Арэнк – наш соплеменник.

Мужчина поблагодарил старика, встал и обратился ко всем.

– В тот день, когда мою прохуdivшуюся лодку вынесло к останкам этого древнего леса, я подумал, что здесь и погибну, так больше и не увидев людей, – начал Арэнк, обведя всех собравшихся открытым выразительным взором, – но вскоре я понял, что умереть на этой земле мне не удастся: холм погрузится в воду прежде, чем придёт мой последний день. И тогда я решил строить большую и крепкую лодку, которая смогла бы путешествовать по Большой Воде столько, сколько понадобится для того, чтобы найти Водные Врата. Это единственное, что заставляло меня работать не покладая рук и не сойти с ума от одиночества, хотя порой я был на одном волоске от безумия. Только молчаливые птицы и уродливое подводное создание разнообразили мои унылые дни. Но я ошибся: Боги не дали мне помешаться рассудком, и теперь я снова среди людей. Общими усилиями мы построим такой большой корабль, который никогда ещё не рассекал воды Лакоса. Он пройдёт сквозь Водные Врата, и мы все окажемся в лучшем мире, там, где сами пожелаем. Готовы ли вы, мои новые братья и сёстры, присоединиться ко мне?

Голоса зазвучали вокруг костра, сначала несмелые, затем всё более воодушевлённые, пока не переросли в оживлённые крики. Речь Арэнка наполнила сердца людей надеждой. Когда он говорил, Аламеду не покидала мысль, что она слышит предводителя. Голос его был громкий и уверенный, вдохновляющий и зовущий за собой. В ту минуту лесоруб напомнил Аламеде её отца, вождя их племени. Точно также, затаив дыхание, слушали его люди и вдохновлялись сильными словами. Он всегда умел унять тревогу, вспыхнувшую из-за неурожая или неудачной охоты, примирить ссору, сплотить племя в трудный миг. Арэнк был из таких: настоящий вождь. Она и сама смотрела на него с восхищением, как и сидевшая поблизости Муна. Огненные всполохи озаряли её строгое, но красивое и одухотворённое лицо. Глядя на неё, Аламеда думала, что такая девушка смогла бы стать достойной парой Арэнку. Наверное, она и сама обратила бы на него внимание... раньше, в прежней жизни, не будь в ней Роутега, но с ним никому не сравниться. Только для него есть место в её раненом сердце.

Две луны уже высоко сияли на небе, дети спали под навесом, а взрослые продолжали обсуждать план строительства. Воодушевлённые, спорящие, уставшие, – они всё сидели. А над ними стоял Арэнк и говорил, и рисовал на земле задуманное им судно. Когда наконец все стали устраиваться на ночлег, он неожиданно подошёл к Ните.

– Можете заночевать в моей хижине. Я всё равно останусь здесь, а вы втроём проделали сегодня долгий путь, построили ночлег для других, вам нужно хорошо отдохнуть.

– Ты очень добр, – ответила Нита, – это честь для нас, найти приют под твоим кровом.

– Спасибо за гостеприимство, – добавила Муна, пытаясь поймать взгляд Арэнка, но он был устремлён на другую. Арэнк смотрел на Аламеду так, будто ожидал согласия именно от неё.

– Благодарю тебя, но я могу заночевать и здесь, – сказала та, опустив веки. Сама не понимая почему, Аламеда хотела убежать от цепких, светло-карих, с зелёными крапинками глаз.

– Я настаиваю, – ответил Арэнк, – не пренебрегай моим гостеприимством. Вам троим хватит места.

– Хорошо, сегодня мы заночуем в твоём жилище, а завтра построим новое, – согласилась Аламеда, коротко посмотрев на него, но тут же отвела глаза, словно обжегшись его пытливым взглядом.

– Не благодарите, я уже говорил, что там почти не живу. Спокойных снов, – ответил Арэнк и ушёл, постепенно исчезая в густой темноте.

– Даже с ночлегом повезло. Удачный день, – сказала Нита, едва он скрылся из виду. – Впервые за долгое время поспать в нормальном доме, пусть и на дереве, многого стоит. Забирайтесь наверх и ложитесь, я тоже скоро приду, только поговорю с Ясом.

Аламеда валилась с ног от усталости, и ей в целом было всё равно где спать: хоть на дереве, хоть стоя, прислонившись к нему спиной. Вскрабкались по стволу. Никакой лестницы, чтобы забраться наверх, не было, но Муне и Аламеде она не понадобилась: обе лазили по деревьям как кошки. Закрепили факел в держателе на двери. Хижина оказалась пустой и совсем необжитой, будто и правда в ней никто не бывал. На стенах дрожали тени от заглядывающих в окна ветвей, пахло свежей древесины и сочной листвой. Почти всё пространство на полу занимал широкий соломенный настил, должный служить постелью. Единственное, что бросалось в глаза, было кинутое поверх него одеяло грубой текстуры, но с замысловатой вышивкой, будто оно попало на этот необитаемый остров из другого мира, в котором кто-то ещё пёкся о домашнем уюте. Одеяло напомнило Аламеде о семье и о прежней счастливой жизни. Когда-то и она ткала такие, готовясь стать женой. Больше в хижине ничего не было, на стене висело лишь духовое ружьё и колчан со стрелами. Видимо, Арэнк и правда здесь почти не появлялся.

Впервые Аламеда очутилась с Муной с глазу на глаз. Ей даже показалось, что сегодняшние события немного сблизили их. Возможно, теперь Муна не будет с ней так высокомерна. В конце концов, им нечего делить, они могли бы даже стать подругами.

– Нам повезло, что Нита не дала Ясу уплыть, – сказала Аламеда, пытаясь начать разговор. – Теперь у нас снова есть дом.

– Да, моя сестра находчива и смела, – ответила Муна, улёгшись с краю, и тут же отвернулась к стене. – Погаси факел.

Подружиться с Муной – как бы не так. Нет у той никаких подруг и, кажется, те ей совсем не нужны. Да и Аламеде на что эта дружба? Латея, Мира, Алин – они были её настоящими подругами, никто не сможет занять их место. Нита, возможно... Верная Нита...

Аламеда собралась накрыть факел, но вдруг Муна остановила её:

– Нет, подожди, мне что-то впивается в спину, – она приподнялась и ощупала настил: – Что тут? – Муна залезла рукой под солому и вытащила оттуда плоский платяной свёрток.

– Ты же не думаешь его открывать, – сказала Аламеда, с тревогой глядя на неё.

– Думаю, – ответила та с вызовом.

– Не надо, Муна. Арэнк впустил нас в свой дом, а ты в знак благодарности будешь рыться в его вещах?

– Если бы он хотел утаить свёрток от чужих глаз, то спрятал бы получше. А раз не особо старался – значит, нет тут никакой тайны. Да не смотри ты на меня так. Я лишь хочу узнать о нём побольше, вот и всё, – сказала Муна с лукавой улыбкой.

– Тебе что, недостаточно простого общения? – возразила Аламеда.

Муна не стала отвечать, а вместо этого развернула свёрток. Сверху лежали тройные ножны, выполненные из кожи какой-то рептилии, с тиснёной на них головой дорея. Даже не посмотрев на Аламеду, Муна раскрыла его – блеснуло холодом металла: из трёх карманов выглядывали рукоятки клинков, расписанные узором, который походил на тот, что девушки видели на борту брошенной лодки. В орнамент вплетался силуэт летящего дорея. Муна вынула один нож, поднесла его на свет, попробовала пальцем лезвие.

– Хорошее оружие, – сказала она, – древнее. Особенно, если уметь с ним обращаться, – Муна ловко провернула в ладони клинок и, вложив его обратно в карман, закрыла ножны.

Затем в её руках оказался странный предмет. Он походил на деревянный свисток на верёвке, украшенной чёрными перьями. – Амулет, наверное, – сказала Муна и, отложив его без интереса, перешла к сложенной в несколько раз красной тряпице, расшитой цветными нитями и зубами животных. – Похоже на головную повязку с символами рода. Арэнк из знатных, это видно. Говорят, когда-то в Лакосе существовали высшие племена. Возможно, его предки принадлежали одному из них. Заметила, как речь Арэнка сегодня всех подстегнула? Нам нужен был такой человек в

племени. Сильный, способный увлечь за собой. Яс уже слишком стар и ни на что не годен. Вот увидишь, Арэнк займёт его место. Уверена, они говорили об этом.

- Думаю, ты права, - согласилась Аламеда.

- Она думает, - усмехнулась Муна. - Конечно я права. Это сильный мужчина, не чета всем нашим, настоящий вождь.

- Муна, теперь убери свёрток. Сейчас придёт Нита и не обрадуется тому, что ты трогаешь вещи Арэнка.

- Мне не нужно её разрешения, - бросила та. - Тут ещё кое-что есть.

Последним оказался тонкий белый пояс из сплетённых в косу нитей, на которые были нанизаны бисер и раковины. При виде его Аламеда вздрогнула. В её племени такие украшения плела мать жениха, в подарок невесте. У неё самой был похожий. Чуть побогаче, с белоснежным речным жемчугом. Мать Роутега повязала пояс Аламеде на талии, когда её сын объявил, что нашёл себе невесту. Зачем Арэнку здесь эта вещица?

Муна примерила украшение и, дерзко глянув на Аламеду, убрала всё обратно в свёрток.

- Видишь, я просто посмотрела.

Пришла Нита и, потушив факел, тут же легла спать. Заснула в два счёта и Аламеда, но вскоре проснулась, из-за того что ей опять привиделся проклятый доктор. В этот раз он не был неопределённым видением, а находился здесь, в Лакосе. Аламеда встревожилась. Неужели он подбирается к ней всё ближе и ближе? Нет, не выйдет, доктор. Совсем скоро она вернётся в свой мир. Этот день не за горами, Аламеда знала. Каждый раз, дотрагиваясь до амулета у себя на шее, она ощущала в нём пришествие силы - той силы, которую постепенно теряла Лиз, день ото дня утрачивая собственную душу, чтобы пустить в своё тело Аламеду. Совсем скоро та сможет переступить порог миров. Новое заклинание медленно, но верно действовало. Нужно только запастись терпением и выжить в негостеприимном Лакосе.

Весь сон пропал. Аламеда лежала, глядя в окно на звёзды и мечтая о возвращении в свой мир. Он где-то там, наверху, стоит лишь протянуть руку. Снова и снова колдунья наслаждалась мыслью о том, как, находясь в теле белой девчонки, она будет мстить людям, убившим её Роутега.

Я ещё какое-то время сидел у камина и наблюдал, как летают в ореоле огня крупинки золы - всё что осталось от письма к Лиз, которое я так и не дописал. Уже за полночь я вернулся к себе в квартиру. Спать мне совсем не хотелось. Я набрал ванну и погрузил в неё своё продрогшее за длинный дождливый день тело. Должно быть, горячая вода расслабила мои мышцы, сняла спазмы с напряжённого лба, и я не заметил, как заснул.

Мне опять приснился совершенно невообразимый сон. Я сидел на берегу не то болота, не то запруды, на носу опрокинутой вверх дном дырявой лодки. Вода мерно плескалась, омывая мои босые ноги в подвёрнутых брюках. Расстёгнутая рубашка с засученными рукавами открывала солнцу грудь. Лучи сквозили через сень нависших надо мной высоченных деревьев, которые росли прямо из воды, наводя на мысль, что я попал в какую-то доисторическую эпоху, когда землю населяли гигантские растения и рептилии. Я подобрал тонкий прут и зачем-то выводил на тёмном песке слова из письма. Того самого, которое я так и не закончил. Но лёгкие волны то и дело накатывали на берег и каждый раз смывали написанное. Я начинал снова и снова, но вода упорно стирала слова, будто желая забрать их себе.

Внезапно неподалёку появилась Она. Я уже знал, что это не Лиз, но всё равно позволил себе на секунду поверить в обратное, чтобы немного насладиться недостижимым видением. Хотя бы во сне - в реальности я больше никогда не смогу этого сделать. Она шла вдоль берега, ловко перелезая через корни водных деревьев. На ней было длинное зелёное пончо, сшитое, кажется, из какой-то грубой растительной ткани, которая, однако, не скрывала всей красоты спрятанного под ней стройного тела. Из разрезов по бокам платья выглядывали длинные загорелые ноги. Отросшие почти до середины спины волосы выгорели и приобрели золотистый оттенок. До чего же Лиз шёл загар. Я смотрел на её прекрасное и желанное тело, которое мне никогда не суждено будет увидеть наяву, и старался прогнать мысль, что передо мной не Она.

- Зачем ты пришёл? - спросила Аламеда и села на другой край лодки, не глядя в мою сторону. Её голос тут же отрезвил меня. Тихий, но вместе с тем сильный и мелодичный, он не походил на мягкий и чистый голос Лиз.

- Я хочу, чтобы ты покинула сознание Лиз, - ответил я.

Она повернулась и без слов посмотрела на меня. Я заглянул в её чёрные глаза. Возможно, мне показалось, но в них промелькнуло сочувствие. Она так и молчала, а я всё смотрел в эти глаза и

вдруг понял, что передо мной больше нет Лиз, я глядел на настоящую Аламеду. Точёные скулы и правильный тонкий нос. Губы, словно лепестки дикой орхидеи, гладкие чёрные волосы и смуглая оливковая кожа изящных рук. Прекрасная индейская девушка сидела передо мной и молчала.

– Оставь мне Лиз, – повторил я почти с мольбой.

– Не могу, – ответила она. – Лучше не мешай мне, тебе всё равно ничего не изменить.

Незнакомка смотрела с холодной обжигающей решительностью, затем поднялась и пошла прочь. Она ступала по воде и чем дальше удалялась, тем больше принимала знакомые мне очертания. Волосы и кожа светлели, походка становилась всё более лёгкой.

– Лиз, Лиз! – я бежал за ней по берегу, поднимая ногами брызги, пока видение не исчезло за переплетёнными кронами деревьев. Меня знобило, из груди вырывались всхлипы.

Я очнулся от холода. Вода в ванне давным-давно остыла, меня колотила дрожь. Я вытерся и поскорее забрался под одеяло. Клаус прав, думал я, снова засыпая, Лиз и её болезнь сводят меня с ума...

14. Дневник Лиз

Дневник Лиз попал мне в руки, когда всё уже было позади. Если бы я только знал, что творилось тогда в её душе, я поступил бы иначе и не стал бы слушать советов моего друга Клауса Майера. Но, к сожалению, знать я этого не мог. Не ведал я и того, что происходило в новом корпусе «Голубого леса». Нет, не подумайте. Это было самое лучшее и комфортабельное здание клиники. Туда помещали особенно состоятельных пациентов, но душа Лиз, запертая в этом красивом доме, страдала больше прежнего.

Записывая свои воспоминания, я вдруг подумал, что мой рассказ будет неполным без взгляда самой Лиз на события тех тяжёлых для нас обоих дней, поэтому решил привести здесь некоторые выдержки из её тетради.

Из дневника Лиз.

30 июня

Я сижу в кресле, возле зарешеченного окна. Кто-то побеспокоился о том, чтобы оно не выглядело по-тюремному. Чугунное кружево причудливой ковки с вплетёнными в него виноградными лозами, видимо, должно внушать пациенту, что перед ним трельяж, поддерживающий растущий снаружи виноградник. Но решётка всегда останется решёткой, как её ни украшай. За нею белеют вдалеке вершины гор, колышутся от вздохов ветра макушки сосен и лиственниц, проносятся в стремительном полёте птицы...

Моя новая комната даже лучше прежней: просторнее, светлее, с богатой обстановкой. На стенах – импрессионистские пейзажи, а в вазах – всегда живые лесные цветы. Они прекрасны и будут ещё пару дней источать сладкий аромат, но, на самом деле, уже мертвы. Порой я ощущаю себя таким цветком, а порой – животным в зоологическом саду. Оно заперто в клетке, на стенах которой нарисованы деревья и реки, должны заменить зверю естественную среду, а снаружи, из-за решётки, тянутся к нему живые ветви и слышится журчание настоящих водоёмов.

Золотая клетка... чтобы держать подальше от людских глаз позор семьи... С наследством мамы и замужеством Нэнси родители могут себе это позволить. Теперь они богаты. Папа, наконец, отреставрирует церковь и пристроит высокую башню. Такую, как всегда хотел – на зависть соседям-баптистам. А Нэнси получит долгожданный билет в высшее общество. Сестра так к этому стремилась. Впрочем, думаю, её чувства к Тому искренни и она вышла за него не из-за денег. Порой я завидую ей. Нэнси может любить и быть любимой, может следовать за своим избранником, куда пожелает. А я... Разве есть у меня право на любовь? Я даже показать свои чувства не смею, чтобы не обременять здорового человека душевнобольной поклонницей...

Нет, в моей болезни нет ничьей вины. Я вовсе не сужу родных. Их жизнь не может быть обусловлена моим недугом. Они нашли для меня хорошую клинику, что ещё я могу требовать? Странно, но почему-то я совсем мало думаю о них и почти не скучаю о доме. Наверное, так даже лучше. Да и не хочется возвращаться в Америку, Швейцария нравится мне куда больше. Горы совершенно пленили меня. Жаль только, что теперь я вижу их в основном через решётку с виноградной лозой...

Сейчас мне разрешается выходить на прогулку лишь в присутствии медсестры и в строго отведённое время. Пятнадцать минут в день, в сопровождении всегда молчаливой Анны, проносятся, как один миг. Всё моё существование я теперь могу распределить на крохотные мгновения. Приступы случаются так часто, что я чувствую себя самой собой всего лишь несколько часов в сутки. В это время, пока мысли ясны и сознание не затуманено, я стараюсь больше читать, думать и делать записи в дневник, как сейчас, чтобы ещё ненадолго ощутить себя живой. Мне всё чаще кажется, будто что-то вытесняет меня из собственного тела и с каждым днём для Лиз Родрик там остаётся меньше и меньше места. Когда же на ежедневных сеансах я делюсь с доктором Арольдом своими тревогами, он отвечает всегда одним и тем же дежурным набором фраз и что-то записывает в блокнот. Совсем как американские врачи. Они тоже вели беседу так, будто давно знали наперёд, что я им скажу. Порой мне кажется – заведующего мои ответы совсем не интересуют.

Вот доктор Ланнэ – другой: чуткий, отзывчивый, умеющий слушать. С ним я совершенно забывала, где на самом деле нахожусь, будто и не было никакой клиники, а только уютный горный санаторий. Мне теперь очень не хватает наших долгих бесед за партией в шахматы и неспешных прогулок по хвойному лесу. Это заставляло меня чувствовать себя куда более счастливой, чем на воскресных мессах в церкви отца или в богатых гостиных друзей семьи, где мне полагалось лишь молчать, уступая сцену Нэнси.

Доктор Ланнэ действительно заставил меня поверить однажды, что я смогу поправиться, но обманул... А возможно, он и правда в это верил, но когда понял, что ошибся, просто передал меня

коллеге. Зачем зря возиться с безнадёжной больной? Да, наверное, так и есть. Его долгое молчание только подтверждает это. Уже месяц прошёл с того дня, как я отправила ему записку через Патрика, но он так и не ответил... А вдруг доктор Ланнэ счёл моё письмо слишком резким? Я и правда вспылила, когда без всякого предупреждения меня перевели в новый корпус. Целую неделю сердилась, а потом написала то гневное письмо. Но кто я такая, чтобы требовать от него объяснений? Всего лишь пациентка, одна из многих. Доктор Ланнэ был добр и с другими. С чего я взяла, что он мне чем-то обязан?.. А вдруг он просто уехал? По работе, например, или семейным делам... Всякое бывает. Возможно, Патрик даже не успел передать ему записку. Ну конечно же! Это бы всё объяснило!..

28 июля

Вчера я совершила ужасную глупость. Целых два месяца я прятала под подушкой одну книгу. Если поначалу литературу для меня подбирала Анна, на своё усмотрение (сплошная скукота), то теперь читать мне совсем запретили, чтобы, как говорит доктор Арольд, «не воспалять больного воображения». Книга называлась «Межзвёздный скиталец». Я стащила её в тот день, когда виделась с Патриком. Мне удалось незаметно для медсестры проскользнуть в библиотеку. Схватила, не глядя, первую попавшуюся книгу с полки «Приключения», а оказалось, мой любимый автор – Джек Лондон. На титульном листе был напечатан его портрет: профиль вполоборота, волевой подбородок, задумчивый взгляд, умный лоб. На этой фотографии он особенно походил на доктора Ланнэ. Одно лицо, честное слово. Или мне просто очень хотелось увидеть его в этом портрете... Как глупо....

Я читала книгу, но то и дело возвращалась на первую страницу и смотрела на снимок. Сама не знаю, зачем. Мне просто очень хотелось увидеть на нём Его. Пусть доктор Ланнэ больше не мой врач, но он мог бы прийти и навестить меня, ведь так?.. А вчера я вдруг совершенно ясно поняла, что уже прошло три месяца. Он никогда больше не придёт и не напишет. Ни строчки, ни полстрочки. Какой смысл ждать? Если бы хотел, то написал бы уже давно. Нет, поговорил бы со мной заранее. И как только я это поняла, то вдруг взяла и резко вырвала страницу. «Хватит, хватит думать о нём, – говорила я себе, – и надеяться, что он придёт и снова пообещает: Всё будет хорошо!» Я складывала вместе обрывки и рвала их пополам, складывала и рвала, пока весь столик передо мной не усыпало сотней мелких клочков. Потом я собрала их все и выбросила в открытую форточку.

Вот такая ужасная глупость. Бедный писатель здесь совсем ни при чём, да и книгу зря испортила. У меня просто сил больше не было смотреть это лицо и делать вид, что я люблю его фотографией, которую Он мне подарил... Как глупо...Теперь в книге не хватает первой страницы с названием и портретом автора.

А история меж тем замечательная. Грустная, но одновременно захватывающая и трогаящая до глубины души. Я сама иногда чувствую себя, как главный герой – заключённый-смертник, вынужденный доживать последние дни в одиночной камере. Завидую его умению покидать своё тело и путешествовать по звёздам и красочным мирам. Правда, он делает это, находясь в пыточной смиренной рубашке.

Я тоже часто ощущаю себя связанной по рукам и ногам, хоть здесь, в клинике, и не прибегают к подобным методам, но вот добраться до звёзд и коснуться удивительных миров во сне у меня не получается. Вместо этого я вновь и вновь наблюдаю всё те же пугающие видения. Иногда мне кажется, что это она, девушка из моих снов, мой двойник с чужими глазами, выживает меня из моего же тела, чтобы завладеть им. Наверное, я и правда схожу с ума...

Люди часто говорят, не задумываясь: «Ах, сегодня я чувствую себя опустошённым!» – но они не знают, каково это на самом деле. Не догадываются, что означает находиться в подобном состоянии каждый день и каждую минуту...

23 августа

Книгу в итоге у меня отобрали. Теперь мне никогда не узнать, в каких ещё мирах успеет побывать межзвёздный скиталец Джека Лондона прежде, чем исполнится его смертный приговор. Но перед тем, как я лишилась книги, мне довелось снова повидаться с Патриком. Услышала в коридоре его голос, он поздоровался с кем-то и сказал, что идёт в библиотеку. Мне опять удалось ускользнуть: Анна отлучилась к кому-то из пациентов, а так она вечно торчит в коридоре – не выйти.

Я прокралась в читальный зал. Патрик был там, сидел над стопкой книг. Скорее всего, собирал материал для своего романа. Он как-то давно показывал несколько страниц – потрясаяще пишет. Жаль, но мне, наверное, не доведётся прочитать оконченную книгу.

Как же я надеялась услышать от Патрика, что он забыл передать моё письмо. Или потерял его случайно, или оно до сих пор при нём, потому как доктор Ланнэ в отъезде... Глупая, нечего было и надеяться. Патрик сказал, что отдал конверт на следующий же день, после того как получил его от

меня...

А потом в библиотеку зашла Анна и принялась выговаривать. Завела шарманку про покой и сон, отправила меня обратно в комнату. Она стояла надо мной скрестив руки на груди, настаивая, чтобы я выпила лекарство и ложилась. Мне совсем не хотелось лежать, я и так всё время после приступов провожу в постели. А она не уходит: ложись да ложись – упёртая, как сто чертей, но я не легла. Таблетки выпила, а лечиться – ни в какую. Тогда она сама откинула одеяло с кровати, взбила подушку – тут книга и упала. Шмякнулась на пол с гулким стуком. Анна аж позеленела вся, подобрала её, открыла на первой попавшейся странице и давай воспитывать, что, мол, читать мне вообще нельзя, а такое – про убийц и заключённых – и подавно. А разве в книге это главное? Там о путешествиях по далёким мирам, но ей не понять... Доктор Ланнэ бы понял, он наверняка читал эту книгу. Он вообще очень умный и образованный, но ему не до меня... Я прикреплена к клинике, а не лично к врачу, и ничем он мне не обязан. Сдалась ему бедная сумасшедшая...

Теперь Анна закрыла меня на ключ, и мне больше ничего не остаётся, как писать свой дневник в ожидании очередного приступа.

1 октября

Сегодня я видела доктора Ланнэ. Мы сидели с Анной в скверике перед новым корпусом. Я едва отошла от приступа и выпросила медсестру отвести меня на прогулку. Она сначала отказывалась, уповав на запрет главного врача, но я буквально умоляла её.

Лето промелькнуло, как один короткий сон, словно не цвело разнотравье на лугах, не сходил снег с высоких пиков. В горы пришла осень, склоны окрасились в цвета жёлтой охры, терракоты и пурпура. Мне хотелось непременно увидеть это своими глазами, вживую, а не из-за виноградной решётки. Вдохнуть свежий воздух, спускающийся с холодных вершин, услышать прощальное пение птиц, улетающих на юг. Возможно, это моя последняя осень... Как я могу её пропустить?

От слабости я не преодолела и двух сотен метров, пришлось сесть на первую встретившуюся скамью. Гулять с Анной невыносимо скучно. Она ничего не говорит и словно терпеливо выжидает, когда истечёт отведённое для прогулки время. Поначалу я пыталась завести с ней беседу, но она всегда только отвечает односложно: «Да, мисс. Конечно, мисс. Не могу с вами не согласиться, мисс. Мне такого не доводилось, мисс...», и я бросила попытки разговаривать с ней. Предпочитаю компанию не менее молчаливых, но прекрасных гор.

Мы как раз сидели с ней на скамье, каждая в своих мыслях, когда я увидела доктора Ланнэ. Он проходил вдалеке с одной пациенткой. Я помнила её. Испанка, родом, кажется, откуда-то из Андалусии, она обладала невообразимо длинным именем. Кармен Исабель Алькала Бандрес. Но мы, пациенты, звали её просто Кармен. Она была ещё молодой и красивой вдовой, немного за тридцать – ровесница доктора Ланнэ. Чёрные вьющиеся волосы, заколотые в высокую причёску, непослушно выбивались и обрамляли тонкое смуглое лицо. Тёмные, почти хищные глаза и орлиный профиль совсем не портили её, а, наоборот, подчёркивали необыкновенную испано-арабскую красоту. Я помню, она хорошо пела фламенко. Настолько хорошо, что слушая её, мне даже захотелось научиться играть эти мелодии на гитаре.

Кармен лечилась от депрессии, связанной с безвременной кончиной её мужа. С первого дня, как я познакомилась с ней, она была в трауре: носила неизменные чёрные платья и кружевные накидки, которые, впрочем, ей очень шли и подчёркивали её статную осанку. Видимо, доктор Ланнэ весьма преуспел в лечении, потому что сеньора Алькала Бандрес в ту минуту, когда они проходили мимо, была без траурной вуали и весело смеялась, держа его под руку. Конечно, она не из безнадежных, как я. Её недуг легко излечим. Кармен ещё будет жить полной жизнью, влюбляться и влюблять в себя. Вон как Ланнэ смотрит на неё...

Она даже не заметила меня, а ведь мы довольно неплохо общались, хотя её английский, как и мой испанский оставляли желать лучшего, в отличие от испанского доктора Ланнэ. Он хорошо говорил на нескольких языках и, наверное, сейчас рассказывал Кармен что-то увлекательное. Как прежде рассказывал мне...

Он увидел меня... В тот миг, когда наши глаза встретились, в моём сердце всё затрепетало. Я едва не поднялась, чтобы шагнуть ему навстречу, несмотря на присутствие Анны, но его скупой кивок, издали, заставил меня замереть на краю скамейки... Они уходили всё дальше, а я так и сидела с напряжённой спиной и сердцем, разрывающимся от боли, ожидая, что Артур вот-вот вернётся. Закончит свой разговор и непременно подойдёт. Но он даже не оглянулся...

Две фигуры удалялись в сторону лесного массива, а по моим щекам беззвучно текли слёзы. Как и теперь. Я пишу эти строки, а непослушные капли размывают ещё не высохшие чернила...

Не буду больше ничего писать, потому что пообещала себе никогда впредь не думать о нём...

15. Кармен

– Девочка очень похожа на вас, взгляните, – сказал я по-испански, рассматривая снимок темноглазого ребёнка с копной упругих кудряшек на голове. Кроха, по-взрослому насупившись, смотрела на фотографа.

Моя собеседница, в чёрном глухом платье и чёрном же кружеве в волосах, всё это время бессмысленно смотревшая в окно за моей спиной, по которому струились косые капли осеннего дождя, наконец тяжело опустила взгляд на подкрашенную акварелью фотографию.

– Оттого я и не могу её полюбить, – ответила она, скорбно прикрыв глаза. Между двух угольных бровей пролегла острая вертикальная морщина. – Вот если бы она была похожа на Хавьера, а не на меня... хотя нет... Что бы тогда изменилось?

– Позвольте себе узнать её. Ну же, взгляните получше.

Молодая женщина с острыми скулами и тонким, с горбинкой, носом взяла фотокарточку и несколько минут рассматривала её. Узкие кисти рук с единственным перстнем на безымянном пальце слегка подрагивали. В покрасневших чёрных глазах неподвижно стояли слёзы.

– Кажется, она чем-то недовольна, – внезапно проронила моя собеседница. Уголки её губ слегка дрогнули, словно сомневаясь, устремиться ли вверх в улыбку, или снова вытянуться в линию. – Хавьер точно так же смотрел – исподлобья – когда был чем-то недоволен. Но он подолгу не злился... Не умел. И мне не позволял. Когда я по какой-то причине обижалась на него, он хватал гитару и начинал петь фламенко... – женщина опять устремила взгляд в окно, а пальцы правой руки медленно постукивали по левой кисти, будто отбивая ритм услышанной где-то музыки.

– Возможно, в вашей дочери есть гораздо больше от Хавьера, чем вы думаете, – осторожно сказал я, снова переключая её внимание на фотографию. – Почему бы вам не попробовать написать ей небольшое письмо? Буквально несколько строк. А ваши родители ей прочтут.

– Трёхлетнему ребёнку? – растерялась собеседница, неуверенно смотря на меня, но в глазах словно шевельнулось что-то.

– Конечно. В этом возрасте дети, как правило, уже довольно хорошо понимают человеческую речь, – улыбнулся я, и уголки её губ всё же устремились вверх.

– Да, вы правы... я... пожалуй... – неуверенно пролепетала женщина, чуть более заинтересованно глядя на снимок.

Впервые с начала лечения моя испанская пациентка Кармен решилась взглянуть на фотографию своей дочери, трёхлетней Эвиты. Этот шаг стал второй нашей победой. Первой была победа над суицидальными мыслями.

Кармен Исабель Алькала Бандрес и Хавьер Чаморро Рейес тайно поженились в одной деревушке близ Севильи, когда обоим едва исполнилось по семнадцать лет. Они хотели бежать в Кадис от противящихся их браку семей, но те, узнав о свершившемся, в итоге уступили. Особенно тяжело это решение далось родителям девушки. Её отец, богатый промышленник, владеец крупной керамической фабрики в Севилье, был человеком знатным, и ему претила мысль о том, что дочь выбрала себе в мужа бедного цыгана калё. Несмотря на это, зная непреклонный характер Кармен и боясь её потерять, родитель в конце концов смирился с тем, что она заключила без его ведома столь невыгодный союз.

Кармен и Хавьер любили друг друга той редкой любовью, о которой слагают песни поэты. Двенадцать лет счастливого брака омрачало лишь одно обстоятельство: Кармен никак не могла забеременеть. Наконец, в октябре 1917 года, в возрасте тридцати лет, она обрадовала мужа долгожданным известием, а в июне 1918 года, за день до рождения дочери, Хавьер скорпостижно скончался от испанской лихорадки. Однако жене сообщили новость уже после скорых и негласных похорон.

Кармен так и не смогла простить ни себе, ни, главное, дочери того, что не была рядом с мужем. За неделю до его смерти, ещё перед тем, как у Хавьера начался кровавый кашель, врач семьи настоял на том, чтобы изолировать на время беременную женщину. Родители увезли её к себе в имение... Эвита появилась на свет спустя день после смерти отца. Через неделю Кармен, так и не взглянув ни разу на малютку, оставила ту в доме родителей и больше за ней не вернулась.

Безутешная молодая вдова в течение двух лет жила одна в своей опустевшей квартире и несколько раз пыталась наложить на себя руки. Сначала родители безуспешно пробовали сблизить её с девочкой, затем отправляли на лечение во все концы Испании, но тоже без какого-либо толку. Теперь Швейцария была для них последней надеждой. Они регулярно присылали дочери

фотографии маленькой Эвиты, но Кармен не могла заставить себя взглянуть на них и неосознанно винила девочку в смерти отца. Если бы не беременность, Кармен была бы рядом с Хавьером в его последние минуты, помогла бы ему выжить или умерла бы вместе с ним. Но дочь разлучила их...

Кармен страдала затянувшейся постнатальной депрессией, вызванной смертью мужа. Никто в клинике, кроме меня и Арольда, не знал, что у неё есть ребёнок. Она ни с кем не говорила об Эвите. Все мои усилия были направлены именно на то, чтобы помочь моей пациентке самой понять, что девочка ни в чём не виновата, и превратить ту из объекта ненависти в новую цель жизни для Кармен.

Теперь я наконец-то видел первые плоды моих стараний: женщина сжимала в пальцах фотографию дочери, и на её губах дрожала пока ещё неуверенная, но всё же улыбка. Когда Кармен улыбалась, а делала она это крайне редко, её строгое лицо становилось мягче. Я бы не назвал его красивым, ни даже привлекательным, но оно было безусловно ярким и харизматичным, как и сама его обладательница. Кармен отличалась невероятной артистичностью, хорошо пела и рисовала. Я не знал, сможет ли она когда-нибудь полюбить другого мужчину, но я был обязан помочь ей полюбить собственного ребёнка.

Ровно через две недели после первой попытки знакомства с портретом Эвиты Кармен принесла мне все, какие у неё имелись, фотографии девочки (а накопилась их целая стопка) и, разложив их в хронологическом порядке, воодушевлённо описывала мне любые замеченные ею изменения во взрослении малютки.

Ещё через неделю я с удивлением заметил, что Кармен пришла ко мне на приём без траурной вуали, которой неизменно покрывала голову со дня смерти мужа. Стоял тёплый осенний день, начало октября, и я намеревался провести сеанс в моём лесном кабинете.

– Доктор Ланнэ, у меня к вам есть небольшая просьба, – она стояла в дверях, несмело сминая пальцами ткань на юбке. – Если вы не против, я бы хотела дойти до ближайшей деревни и купить там новую шаль. Цветную. Мои все чёрные. Я бы и платье поменяла, да боюсь, ничего приличного в местной лавке не найду.

Я едва сдержался, чтобы не обнять её.

– Конечно, Кармен, с радостью составлю вам компанию. У нас есть целый час. В конце концов, новые покупки – тоже неплохой вид терапии.

Единственное, что немного тревожило меня – дорога до деревни Энгелберг проходила через сквер, прилегающий к новому корпусу клиники. Другой пригодной тропы, чтобы спуститься в долину, не было. Арольд под страхом увольнения запретил мне приближаться к этому зданию, но, в конце концов, какова вероятность, что я непременно встречу там Лиз. И потом, могу же я сопроводить за покупкой свою пациентку, которая спустя три года наконец-то решила снять траур.

– Знаете, я последовала вашему совету и написала Эвите письмо, – сказала Кармен, когда мы вошли в сквер.

Я предложил ей взять меня под руку, потому что она то и дело спотыкалась на своих каблучках, идя по посыпанной мелким щебнем дорожке. Кругом прогуливались немногие пациенты, с медсёстрами или без, и я, словно попав на место преступления, искал глазами Лиз, но её среди них не было.

– Только боюсь, я для Эвиты теперь никто, – вздохнула Кармен, продолжая начатый разговор. – У неё никогда не было матери. Нужна ли я ей? Сможет ли она простить мне, что я её бросила?

– Эвита слишком мала, чтобы таить на вас обиду, – ответил я. – Вы возвращаетесь в правильный момент. Пользуйтесь им сейчас. – Ещё год-два, и вам будет намного сложнее сблизиться с девочкой. А когда Эвита подрастёт, вы расскажете ей историю вашей любви, и она обязательно поймёт, каково вам было после потери мужа. Вот увидите, ваша дочь ещё сама сбежит в семнадцать лет со своим избранником, следуя примеру отца и матери.

Тут Кармен засмеялась. Впервые за всё время нашего знакомства мне довелось услышать её открытый грудной смех. Я смотрел на неё почти с восхищением и гордился тем, какого прогресса она смогла добиться. Если мы продолжим в этом направлении, к Рождеству, вероятно, Кармен вернётся домой, к своей дочери.

В тот самый миг я и увидел Лиз. Она сидела на скамье в компании старшей медсестры и смотрела на меня. Нежная и очаровательная, как полевой цветок, хотя глаза её выглядели какими-то пустыми.

Сердце моё бешено забилося. Я больше не слышал того, что мне говорила Кармен, и готов был сию же минуту подойти к Лиз, как вдруг заметил убийственный взгляд медсестры, угрожающе нацеленный на меня. Я замешкался и отвёл глаза, продолжая машинально ступать по дорожке и

всё дальше удаляясь от промелькнувшего и недостижимого видения. Спинай я чувствовал – она до сих пор смотрит, но скрепя сердце убеждал себя, что не должен оборачиваться. Иначе зачем были все эти мучительные месяцы, в течение которых я пытался забыть её.

Если говорить точно – четыре... Четыре месяца я гнал от себя мысли о ней. Получалось плохо, вернее, не получалось совсем. Я старался как можно больше работать, с головой погружаясь в заботы моих пациентов, лишь бы заполнить ту пустоту, которая образовалась в моём сердце с потерей Лиз. Я много читал и даже сел за новую книгу, в которой подробно описывал классификацию депрессивных состояний и методы их лечения. Любая конференция или слёт врачей не обходили меня стороной, я старался бывать везде, чтобы занять каждую минуту своего времени. Помню, как я вдохновился тогда выступлением Карла Юнга и его «Психологическими типами».

Ночные видения меж тем так и не покидали меня, приходя с завидным постоянством. Я старался их не замечать, принимая на ночь сильную дозу снотворного. Но порой мне всё же снилась настоящая Лиз, наши прогулки по лесу и нескончаемые партии в шахматы, беседы о книгах и путешествиях. А с пробуждением в ушах ещё звенел звук её чистого голоса и слегка неумелых гитарных аккордов.

Мне пришлось смириться с тем, что я болен ею, но я не имел права отягощать её нелёгкое состояние ещё и своей болезнью. Ей будет лучше без меня.

Я так и не обернулся... а должен был...

Спустя пару часов, я зашёл в свой кабинет и, отодвинув ящик стола, отыскал в нём письмо Лиз, которое она отправила мне через Патрика четыре месяца назад. Я перечитал записку. В груди что-то тоскливо сжалось. Правильно ли я поступаю, или совершаю чудовищную ошибку?

Утром доставили почту. Из примечательного было только письмо от моей матери, которая рассказывала, как идут дела у родных, и выражала надежду, что я приеду домой на Рождество. На одном из оставшихся конвертов я узнал свой собственный почерк. Это было отправленное мною несколькими месяцами ранее письмо Шварц-Гаусу, в котором я делился с ним своими взглядами на лечение Лиз. Оно до него так и не дошло, а потому вернулось отправителю. Впрочем, я этого ждал. Слишком много минуло времени, а ответа так и не последовало. К тому же через секретаря я знал, что мой работодатель до сих пор находится в разъездах по Южной Азии. Пытаться поймать его в каком-то одном месте – всё равно что ловить ветер.

Чуть позже ко мне заглянула медсестра и попросила зайти к Арольду. Я внутренне напрягся: что ещё ему от меня понадобилось? – план дежурств я подписал только два дня назад.

Моё любопытство он удовлетворил, как только я переступил порог его кабинета.

– Ланнэ, что вы делали вчера в сквере нового корпуса? – спросил он, сидя в кресле и набивая курительную трубку табаком.

Анна... Личный осведомитель Арольда. Как же ей было умолчать...

– Провожал сеньору Бандрес в Энгелберг, – ответил я, так и стоя на ногах (присесть мне никто не предложил) и чувствуя, как моё лицо каменеет.

– Не вышло с американкой и вы переключились на испанку? – усмехнулся он, попыхивая трубкой. – Дамский вы наш угодник.

От негодования мне свело челюсти. Это уж слишком. Что он себе позволяет?

– Ошибаетесь, – процедил я сквозь зубы. – Разве вы не заметили, что Кармен наконец сняла траур?

– Кармен... О, да, как же не заметить. Наверное, вы для этого немало постарались, раз уже зовёте её по имени... – сказал он, продолжая насмешливо глядеть мне в глаза.

Чего он добивается? Хочет вывести меня из себя, чтобы было за что уволить? Уже нашёл кого-то на мою должность?

– Предпочитаю не отвечать на неуместные вопросы, – сухо парировал я. – И чтобы вам было известно, Кармен – да, я зову её по имени, потому что мы ровесники, и не вижу в этом ничего предосудительного – так вот, Кармен хочет увидаться с дочерью. Теперь она расставила все фотографии Эвиты по рамочкам. Можете заглянуть к ней в палату и сами полюбуетсяь.

Левая бровь Арольда подпрыгнула, а насмешливая улыбка сползла с лица. Он не хуже меня знал, как долго испанская пациентка отказывалась притрагиваться к письмам из дома, что уж говорить о фотографиях дочери. Я выдержал буравящий взгляд Арольда, развернулся и молча направился к двери.

- Пойдите Ланнэ, ещё кое-что, – окликнул меня вездливый голос.

- Да? – я медленно оглянулся, смотря на него непроницаемым взглядом.

- Вы знали, что ваш пациент Патрик Бейтс – гомосексуалист?

- Догадывался... – ответил я. – И что с того?

- Ах вот как? Любопытно... Его отец случайно узнал об этом, найдя давнюю переписку сына с одним художником... Он сообщил мне подробности в письме. Так значит, вам уже известно... хм... И какие вы приняли меры?

- Никаких, – ровно сказал я, начиная понимать куда он клонит.

- Очень жаль, что никаких. Существуют различные методики. Терапия отвращения, к примеру.

- Я не разделяю её.

- Вы можете не разделять что угодно, доктор Ланнэ, – он стукнул трубкой о стол, – но мистер Бейтс платит большие деньги за содержание сына в нашей клинике и хочет видеть результаты его пребывания здесь. Гомосексуализм лечится – и значит, мы будем его лечить.

Я кивнул с горькой ухмылкой.

- Это всё, что вы хотели мне сказать? У меня через две минуты приём.

- Да, на сегодня всё.

Я развернулся и молча вышел из кабинета. Ну уж нет, дорогой коллега, уж если я чего не разделяю, то не разделяю. Я не бросил ему этого в лицо, только лишь из-за опасения, что, получив мой отказ, он лично занялся бы таким «лечением».

16. Цветочный венок

Рдяно-красный закат сквозил меж деревьев и тянул свои огненные руки к одинокой фигуре, стоящей на краю холма. Арэнк возвышался впереди остальных и взирал с высоты на свой воплощающийся замысел, на плоды трудов всего племени, которое сплотилось вокруг него, вверив ему свои жизни. Каркас судна закрепили на построенных деревянных мостках, у самого берега. Рёбра, подпорки и брусья борта будущей лодки мужчины вырубили из дерева. Но сначала им пришлось озадачиться поиском подходящего инструмента.

Топоров с металлическим лезвием в племени было всего два, включая тот, что принадлежал Арэнку. Костяные же их собратья ломались, встретив сопротивление прочной древесины. Не годился и камень. Мужчины перепробовали разные его виды, пока не нашли на дальнем берегу озера россыпь крупных валунов беловато-зелёного цвета. Нефрит. Аламеда помнила, из него делали ножи и наконечники копий в её племени. Этот камень оказался удивительно прочным, но на изготовление острия для одного топора уходило больше трёх дней. Наконец, после долгой и кропотливой работы, каждый мужчина племени был при инструменте.

Женщины уже начали обтягивать внешнюю часть судна длинными слоями податливой и гладкой древесной коры, чтобы оно легче скользило по волнам. Отдельные куски сшивали тонкими, но прочными корнями деревьев, вернее, их нитеобразными ответвлениями. Когда работа будет завершена, лодку укрепят изнутри досками и соломой, промежутки и швы зальют густой смолой, чтобы Большая Вода не могла добраться до тех, кто сделал ей столь смелый вызов, и установят три тростниковые хижины посередине. Лёгкое и прочное судно в двадцать девять шагов длиной и десять – шириной, вместимостью в тридцать человек – последних из тех, кто выжил в Лакосе – скоро покорит его бескрайние воды.

Аламеда, как и все остальные была восхищена исходом общих усилий. В её родном племени маленькие рыбацкие каноэ на одного-двух гребцов мастерили, связывая между собой длинные охапки тростинки, либо выдалбливали из стволов деревьев. Однако суда таких размеров и такой замысловатой работы она никогда не видела.

Все: и мужчины, и женщины, – трудились в поте лица. Не стояли в стороне и старшие дети. Лони сделался правой рукой Арэнка, помогая ему обтёсывать непослушные доски. Только малыши были предоставлены сами себе, из-за чего и случилась беда. Кроха Макки, младший сын Найры, отданный на попечение шестилетней сестры, незаметно для занятой игрой ребятни выполз из своей люльки. Он тихо копался в траве, когда мимо бесшумно юркнула жёлтой лентой, охотясь за медлительным жуком, гадюка камисея. Цветочный венок, как её прозвали жители холма из-за чешуек, которые не прилегали к телу змеи, а, наоборот, выгибались наружу, напоминая упругие лепестки. Издалека она казалась ярким колосовидным цветком, что распускались на небольших кустарниках среди зарослей травы.

Яд змеи был опасен, но не смертелен для человека, особенно если вовремя высосать его из раны. К тому же цветочный венок никогда не нападала на людей, если не причинять ей вреда. Но малыш, обманувшись ярким обликом гадюки, схватил её ручкой за хвост. Укус обнаружили слишком поздно – мало ли из-за чего может плакать годовалый ребёнок. К вечеру поднялся жар, началась рвота, мальчик не мог удержаться на четвереньках и к ночи впал в забытие.

Старый Яс сказал, что для такого крохи яда было больше чем достаточно, да и остальные знали это. Те, кому удалось испытать на себе укус цветочного венка, хорошо помнили чувство совершенного онемения руки или ноги. Что уж говорить о крошечном Макки – яд парализовал его полностью. Слабые хрипы издавались из незаметно вздымающейся грудки.

Женщины плакали. Громче всех – конечно же, мать. Она сурово наказала старшую дочь, высекая её на глазах у других. Мужчины угрюмо заглядывали под навес. Каждый молился своему богу, но все понимали – ребёнка не спасти. Арэнк дольше остальных прожил на холме и знал, что он может быть как гостеприимен, так и опасен. Хотя жуткие монстры Лакоса и обходили чащу стороной, но в живом лесу обитали свои хищники. От яда камисеи Арэнку было известно одно лишь средство – высосать его, но теперь уже поздно, малышу не справиться с инородным зельем, растекающимся по тонким детским венам.

Старая Ваби учила Аламеду врачевать. Будущая знахарка племени хорошо смыслила в свойствах целебных растений, подаренных родным лесом, но здесь она была бессильна, потому что не знала местных трав. Аламеда только начинала знакомиться с ними, наблюдала за периодами цветения и как они зависели от фаз двух лун. Она подмечала поведение насекомых и птиц близ растений, пробовала травинки на вкус и чертила их соком линии у себя на запястье. Лес не желал сразу выдавать всех своих секретов незнакомке, и только дух, охраняющий чащу, мог подсказать ей, какое именно растение способно помочь маленькому Макки, если оно вообще существует.

Аламеда зашла под навес и присела рядом с ребёнком.

- Найра, я попробую полечить твоего сына, если ты позволишь, - сказала она.

- Не дотрагивайся до него, - прошипела та сквозь слёзы, - ведьма.

- Пусть и ведьма, - произнесла Аламеда, проглотив обиду, - но колдовство способно исцелить.

- Дай ей попробовать, - шепнула Нита, - видишь же, Макки всё хуже и хуже.

- Нет, эта ни за что к нему не притронется, - упёрлась Найра, искоса глядя на Аламеду, словно та была причиной несчастья.

- Делай, что считаешь нужным, - обрубил чей-то надтреснутый голос у входа в хижину. Бородатое лицо с длинными складками вдоль лба просунулось под низкий навес. Обычно хмурый и молчаливый, муж Найры теперь решительно зыркнул на жену и повторил, кивнув Аламеде: - Что угодно, лишь бы мой сын очнулся.

- Хорошо, - согласилась колдунья и сказала женщинам: - соберите разных трав, которые растут в лесу, всех видов, какие только найдёте, я попробую поговорить с духом чащи - мокруном. Если он захочет, то укажет мне на целебное растение, которое поможет ребёнку.

Женщины неуверенно поднялись, переглядываясь и перешёптываясь между собой. Мало кто избежал встречи с безобразным жителем болота. Люди боялись его, хоть Арэнк и говорил им сотни раз, что он безобиден. Один мерзкий вид хозяина топей заставлял трепетать даже сильных мужчин. Каждому человеку он являлся в разном облики, напоминая им о собственных страхах. Что уж говорить о хохоте болотного создания - от этих гортанных, клокочущих звуков кровь стыла в жилах.

- Стоит ли тревожить его понапрасну? Как бы чего худого не вышло, - шептались женщины.

На помощь пришла Нита, со словами ободрения подгоняя их к выходу. По ночному лесу рассыпались, будто светлячки, огни факелов. Мужчинам Аламеда запретила притрагиваться к растениям. Только руки женщин могли касаться их перед ритуалом.

Мать осталась сидеть возле ребёнка, глотая слёзы - она больше не надеялась.

- Я ничего не обещаю, но хотя бы попробую, - сказала ей Аламеда, но Найра не ответила, неподвижным взглядом наблюдая за тем, как неровно вздымается грудка ребёнка.

В земле, рядом с младенцем, вырыли ямку и положили в неё часть из принесённых в корзине трав. По хижине разнёсся свежий и терпкий аромат леса. Аламеда опустилась на колени и подожгла растения. Ещё зелёные и чуть сыроватые, они не горели, а тлели, заполняя воздух былым дымом. Колдунья помахивала над ним руками, направляя его в сторону ребёнка, а сама полной грудью вдыхала пахучие пары и мерно раскачивалась, смотря в одну точку. Из гортани доносился монотонный вибрирующий напев без слов, который вместе с дымом обволакивал всю хижину. Аламеда погружала себя в транс.

- О, дух гостеприимного леса, - певуче заговорила она, чуть прикрыв глаза и продолжая пошатываться из стороны в сторону, вперёд и назад, - зываю к тебе и благодарю за щедрые дары: за кров и пищу. Спасибо, что позволил нам рубить твои деревья и охотиться на зверей, ловить рыбу и пить воду из твоих запасов. Прошу тебя не покинь нас в беде, дай верное снадобье, чтобы исцелить больного дитя.

Она повторяла эти слова снова и снова, прерывая их лишь монотонным гортанным пением. Затем Аламеда взмахнула руками - оставшиеся в корзине травы поднялись в воздух, как заколдованные, и закружили над ребёнком, словно невесомые перья. Колдунья всё напевала и просила мокруна о помощи, а зелёные листья и стебли парили под тростниковой крышей.

Вдруг откуда-то дунул ветер, как от сквозняка, и растения резко упали. Несколько из них легли на умирающего малыша. Женщины затихли, наблюдая за Аламедой. Та озадаченно уставилась на указанные духом растения. На лице, груди, животе, ногах и руках ребёнка лежало по разной травинке. Тонкая веточка папоротника, колосок с крохотными белыми соцветиями, круглые листья, похожие на морингу, желтоватый стебель птичьей травы и красная мотыльковая кисточка. Какое же из пяти растений выбрать? Ну же мокрун, что же ты молчишь? Аламеда чувствовала на себе выжидающие взгляды, и не знала, сгодятся ли все травы или она сама должна выбрать одну.

Внезапно тишину пронзило хищное шипение. Женщины в испуге вскинулись с места. По земляному полу хижины, ползла, словно яркая лента, змея камисея. Все стали топтать ногами, кто-то схватил палку.

- Пус-с-с-с-тите, пус-с-с-с-тите, - услышала вдруг Аламеда. Гадюка? Она говорит?!

- Стойте, - тут же требовательно вскрикнула колдунья и, вскочив на ноги, растопырила ладони на

вытянутых руках, – расступитесь.

Все со смятением подались к стене. Цветочный венок ползла, поднимая пыль с пола, прямо по направлению к ребёнку. Мать рванулась, но Аламеда рукой отстранила её. «Доверься, Найра», – прошипела она. Жёлтая чешуйчатая змея окольцовывала маленького Макки, под затаённые вздохи десятка женщин. Камисея петляла и извивалась по бледному тельцу, смахивая хвостом травинку за травинкой. Когда гадюка убралась восвояси на животе мальчика осталась лежать красная кисточка – излюбленное растение лесных мотыльков, из алых соцветий которого они собирали нектар. Аламеда давно приглядывалась к этой сладкой траве, что цвела сразу после полнолуния. Чувствовала – она обладает некой целительной силой.

Колдунья подхватила её пальцами и протянула Найре.

– Набери этих колосков и свари из них отвар. Сейчас же – и твой сын поправится.

Женщины принесли матери целебной травы, задымился на углях котелок. Аламеда дождалась, когда ребёнка напоят, затоптала тлеющие листья и последней вышла из хижины в ночь. Внезапно её повело, деревья резко дёрнулись в сторону вместе с выглядывающими из-за них осколками двух лун, но, падая, она почувствовала, как чьи-то сильные руки подхватили её.

17. Буря

– Значит, и правда колдунья, – прозвучало над ухом, и Аламеда ощутила на своём лице чьё-то шероховатое прикосновение. Она перехватила чужую ладонь, почувствовав напрягшиеся под пальцами жилы сильной руки, и распахнула веки.

Светло-карие, с зелёными крапинками глаза смотрели на неё с тревогой и любопытством. Арэнк... Аламеда невольно отвела взгляд. Она обнаружила себя в полусидячем положении, прислонённой спиной к хижине Найры. Голоса внутри уже стихли, но слабый свет ещё горел, и тянуло сладковато-травянистым запахом целебной мотыльковой кисточки. А прислушавшись, можно было уловить тихий напев колыбельной песни и сонное воркотание младенца. Очнувшись, мелькнуло у неё в голове, это хорошо...

Арэнк сидел рядом, склонившись над Аламедой так близко, что его длинные жёсткие волосы касались её обнажённых ног, выглядывающих из боковых разрезов платья.

– Настоящей колдуньей мне уже не стать, – тихо ответила Аламеда, опасливо глядя на мужчину. – Меня учила шаманка нашего племени, но не успела передать всех знаний. Почерпнуть их мне больше не у кого, – она подтянулась на руках чуть повыше и слегка отстранилась. От столь близкого присутствия Арэнка у неё занялся дух.

– Она погибла в Большой Воде? – спросил он, но, впрочем, отсел, устроившись прямо на земле, напротив Аламеды. – Прости, наверное, глупый вопрос, что ещё могло с ней стать... Большая Вода у всех нас забрала родных и соплеменников...

Аламеда молча кивнула. Пусть думает так. Погибла, конечно, не старая Ваби, а она сама, но об этом разве расскажешь? Вряд ли кому-то захочется говорить с мёртвой.

– Это хорошо, что ты колдунья, – сказал Арэнк, и на его лице не мелькнуло ни тени насмешки. – Лакос оттого и погибает, что здесь больше не осталось говорящих с духами. Ты сможешь убедить силы природы помочь нам.

Аламеда с сожалением покачала головой.

– Здесь и духов не осталось. Кроме Мокруна, мне не с кем говорить. Он стережёт это место, словно паук, раскинувший сеть в заброшенной всеми хижине, и собирает попавшие в неё людские страхи. Сам знаешь, как все трепещут от одного его вида – а он и рад. Мокрун не добр и не зол. Он позволил тебе рубить деревья, потому что знал – на звуки топора придут ещё люди. Теперь его сны наполнены вожденными человеческими кошмарами. Удивляюсь, что он согласился помочь сегодня. Это не моя заслуга – я просто попросила. Других духов здесь нет, они давно покинули Лакос, – с этими словами Аламеда поднялась на ноги. Голова zakружилась, и её снова повело. Арэнк тут же вскочил ей на помощь.

– Но ведь ты говоришь с кем-то время от времени, все слышат, – сказал он, поддерживая её за локоть и цепляясь взглядом за её взгляд.

Отведя глаза, Аламеда высвободила руку и вдруг заметила из дальней тёмной хижины чей-то колючий, устремлённый на неё взор. Там жила Муна...

– Прости, мне нужно к воде, чтобы восстановить силы после колдовства.

– Я доведу тебя, ты еле держишься на ногах.

– Нет, не стоит. Теперь мне лучше. Не ходи за мной, – в спешке проговорила Аламеда и, обдав Арэнка ветром волос, побежала к лесному озеру.

Голубая чаша – так называли его люди из-за небесного цвета прозрачной воды. Ночью оно, как и всё остальное, погружалось в мрак, только два белых осколка лежали на неподвижной чёрной глади, и сотни ярких брызг поменьше подрагивали вокруг.

Аламеда скинула с себя платье и вошла по пояс в озеро. Как хорошо, что ночью в нём не видно собственного отражения. Прохладная вода приятно льнула к коже, лёгкая дымка обволакивала тело белёсым саваном. В звонкой тишине ночные звуки приобретали удивительную отчётливость. Аламеда распростерла руки по невозмутимой глади и неподвижно стояла с закрытыми глазами, давая силе воды и лунного света напитать свои ослабевшие после колдовства тело и душу. Затем она несколько раз окунулась с головой и вынырнула, откинув назад волосы. Отжимая их Аламеда краем глаза заметила, что кто-то наблюдает за ней с берега и тут же погрузилась по плечи в воду.

Из-за дерева колыхнулись на лёгком ветру длинные жёсткие волосы. Арэнк... Её всю обдало жаркой волной необъяснимых чувств, она боялась давать им определение. Когда-то точно так же украдкой

смотрел на неё Роутег, и ей это нравилось, а теперь Аламеда стеснялась своей наготы, несмотря на то что от Лиз ей досталось не менее красивое и стройное тело, чем было у неё прежде. Пытаясь справиться с потоком сбивчивых мыслей, она поплыла навстречу лунам, словно юркая рыбка, уходящая от преследования рыбака, а когда вернулась, за деревом никого уже не было. Аламеда поспешно вышла из озера и накинула платье.

Сама не зная почему, она боялась Арэнка и старалась избегать его. Каждый раз, когда он появлялся в поле зрения, она ловила на себе его открытый изучающий взгляд. Аламеда понимала, что нравится ему. С первого дня, как она ступила на эту землю, он выделял её среди других. Присутствие Арэнка зарождало в её душе смятение. Одного его взгляда хватало для того, чтобы она на миг забыла о своей главной цели – о мести за Роутэга. И это пугало её. Она опасалась не только его, но и саму себя: ударов собственно сердца при звуках шероховатого голоса, неясного трепета в груди. Аламеда отдала бы всё на свете, лишь бы на его месте оказался Роутег, но тот был мёртв, а она зачем-то продолжала жить в ненавистном теле... Не для того ли, чтобы отомстить? Только вот Роутэг боготворил настоящую Аламеду – дикую, чёрную, быструю, точно пантера, тогда как Арэнк заинтересовался лишь необычной внешностью, доставшаяся ей от Лиз. Поцелованными солнцем волосами и кожей цвета облаков... Так он сам говорил... Арэнк не знает, какой она была раньше и какой остаётся в душе, и не сможет узнать.

Аламеда сидела на берегу, распутывая пальцами мокрые волосы и слушая ночь. Ей нравилось оставаться наедине с самой собой – с той прежней Аламедой, которая жила в её сердце. Внезапно она ощутила чью-то неосоздаемую близость, и в тот же миг что-то холодное и противное коснулось её ступни – она одёрнула ногу. Слизкая масса растекалась по прибрежным камням, вздуваясь посередине, как огромный пузырь. Из него на Аламеду взглянули чёрные неживые глаза.

– Мокрун, – прошептала она, и благоговейный страх пробежал по всему телу, сперев горло и заставив онеметь кончики пальцев, но тут же пропал, словно оттуда ушёл в землю. Она знала, что не нужно бояться, и заговорила с ним, пытаясь без содрогания выдержать направленный на неё нечеловеческий взгляд: – Я не ожидала увидеть тебя в озере, Мокрун – дух топей. Думала, болота – твои владения.

Внезапно под бусинами глаз образовалась воронкообразная щель. Тёмная и манящая своей чернотой, как сама неизвестность.

– Вода... – донеслись оттуда глухие звуки, – вода – мои владения, говорящая с духами... Вся вода...

– Ну конечно же, – догадалась Аламеда, – ты можешь жить везде, где есть вода... Спасибо тебе, мокрун, что услышал мою просьбу и спас ребёнка от смерти.

– Не благодари, – проклокотало бесформенное создание откуда-то из глубины чёрной бесконечности. – Твоя просьба нарушила Равновесие... Мне придётся восстановить его... Расплата близка... – говорящая воронка затянулась. Скользящая масса сползла в воду, растеклась по ней жирным пятном и исчезла.

– Расплата? – ужаснулась колдунья.

Следующей ночью людей разбудила чудовищная буря, какой они никогда не видали прежде. На лес обрушился ливень невиданной силы. Ветвистые молнии, словно ночные кошмары, заглядывали в окна хижин. Чудовищное громовое эхо сотрясало весь холм. Трещали и валялись старые деревья, а молодые – гнулись к земле, грозясь вот-вот переломиться пополам. Окружающий поселение лес с трудом сдерживал натиск бури. Ветер гонял по воздуху одежду, что сушилась на тростниковых верёвках, да остатки растопки с кострища, рвал в клочья подготовленные к шитью полосы древесной коры. Весь мир превратился в сплошной водный саван, стягивающийся вокруг несчастных людей. Они жались внутри своих хижин, боясь, что очередной порыв ветра целиком сорвёт тростниковые крыши, с которых и так уже сочились на пол тяжёлые капли. И хорошо ещё, что, строя жилища, догадались мешать глину с рогозом – так быстро выходили крепкие и устойчивые стены, которые теперь хоть как-то сдерживали натиск бури.

Лони сидел в углу хижины, укрывшись одеялом по самые уши и блестящими немигающими глазами наблюдал в щель между ставень за тем, что творилось снаружи.

– Не выдержат мостки, – проронила Нита, хмуро ковыряя ножом земляной пол, – и судно не выдержит. Недостаточно закреплены подпорки, не пропитаны смолой щели... Нет, не устоит...

– Столько работы – и всё задаром, – с досадой выкрикнул мальчуган из своего угла.

Аламеда исподлобья глянула на них и удручённо кивнула:

– Не выдержит...

Она пыталась развести в ямке огонь, чтобы чуть согреться и не думать о той расплате за жизнь

ребёнка, которую приготовил племени хитрый Мокрун... Он всего-навсего не хотел, чтобы люди когда-нибудь ушли из его чащи. Откуда ему будет черпать свои сладкие ночные кошмары? Спасительную лодку за жизнь ребёнка – умный обмен.

– Нита, Нита! – вдруг послышался крик снаружи, и в дверь заколотили.

– Муна, ты? – вскочила та и поспешила пустить на порог сестру. Её буквально зашвырнуло в проход вместе с потоком воды.

– С нашей хижины крышу сорвало. Йоки и Кея убежали к соседям, а я подумала, у меня же есть сестра, так ведь? – Муна метнула взгляд на Аламеду и сняла с себя платье, насквозь промокшее за время короткой перебежки. – Отвернись заморыш, – засмеялась она, увидев, как вытаращился на неё Лони. – Нита, дай мне что из сухого.

Аламеда смутилась, как и мальчишка, стараясь не смотреть на изящное мускулистое тело, напоминающее статуэтку древней богини, которые мастерили в её племени из ценных пород тёмного дерева.

– Ну и ненастье. Никак твои духи гnevаются, а, колдунья? – бросила Муна, одевшись, и присела возле занявшегося огня, чтобы высушить волосы. – Бедный Арэнк. Если судно не уцелеет, ему тяжело будет перенести удар. Всем нам, но ему в особенности, он всю душу вложил в эту лодку. Столько думал, столько вынашивал план постройки, сколько трудился, не покладая рук...

Аламеда внутренне вздрогнула от её слов, невольно чувствуя свою ответственность. Опять пыталась изменить судьбу, захотела спасти ребёнка, и вот, пожалуйста: нарушила Равновесие – и пришла расплата.

– Судно не уцелеет, – сказала Нита вздохнув, – посмотри, как ветрище беснуется. – Каркас недостаточно укреплён, нечего и надеяться.

Муна беспокойно глянула на сестру и понурила голову. Все четверо так и сидели молча, каждый в своих тревогах, и слушали звуки нарастающей бури. Свирепый рокот, словно рык гигантского хищника, накатил издалека и забрался в уши, вьелся под покрывшуюся мурашками кожу. Застонал ветер. По небу хлестнуло молнией Загорелось, словно факел, дерево, но тут же погасло от неудержимого потока воды.

Вдруг снаружи послышались крики: «Нет, Арэнк, не ходи!», «Стой, пережди ярость бури!», «Арэнк, глупо рисковать жизнью, стихия поглотит тебя!»

Муна вскочила и бросилась к двери.

– Да он спятил, – прошептала она, закрываясь рукой от дождя, врывающегося в хижину, – его нужно остановить.

– Идти к воде слишком опасно, – согласилась Нита, подскочив к ней, – один он всё равно не справится, а другие не пойдут.

Лони и Аламеда тоже в тревоге выглянули наружу. Арэнк схватил два мотка верёвки, топор и, с трудом сопротивляясь воде и ветру, пошёл к спуску. Его могучая фигура казалась песчинкой на фоне разбушевавшейся стихии, которую, однако, она, как ни старалась, не могла снести со своей дороги.

Муна бросилась за ним, совсем забыв, что едва переоделась.

– Не ходи, Арэнк, – кричала она, пытаясь пересилить вой бури, но порыв водяного ветра отбросил её назад и вжал в стену хижины.

– Арэнк! – вопила Муна, чуть не плача, присоединяясь к мужским голосам, которые призывали лесоруба одуматься, но тот не ответил. Тогда она развернулась и бросилась на Аламеду: – Что ты стоишь? Останови его, он погибнет!

– Я? – опешила Аламеда.

– Да ты! – огрызнулась Муна. – Тебя он послушает!

– Арэнк! – высунувшись из хижины, крикнула Аламеда. Он наконец обернулся. – Не ходи, судно либо уцелеет, либо его уже разнесло в щепки, ты ничего не сможешь изменить.

– Она права, Арэнк, – кричали мужчины, укрываясь от воды и ветра за полураскрытыми дверями, – не ходи, себе дороже!

Но, Арэнк только упрямо мотнул головой и пошёл напролом через стихию.

Нита насилу завела сестру в хижину. Та билась в слезах и рвалась наружу, чтобы остановить Арэнка.

- Он погибнет! Погибнет, понимаешь! - повторяла она. - Большая Вода унесёт его!

- Если ненастье сломит такого крепкого мужчину, то тебя и подавно, - процедила Нита, загораживая собой дверь. - Ты ничем ему не поможешь. Будем надеяться, что Арэнк вернётся. Он сильный, он выстоит... Только вот судно вряд ли спасти...

Аламеда смотрела со скованным сердцем на слёзы Муны, на её горе. О Духи, она же любит его, отчаянно любит. Готова отдать себя на растерзание стихии, лишь бы спасти Арэнка. «А я? Что я чувствую?»- спрашивала Аламеда и не находила ответа. С потерей Роутэга ничто теперь не могло ранить её разбитое сердце сильнее, чем в тот злополучный день...

Буря неистовствовала всю ночь и только к рассвету начала униматься. Люди выходили из своих укрытий, в растерянности взирая на остатки пиршества ошалелой стихии. На месте двух из десяти хижин не набралось бы и горстки щепок - лишь жалкие обломки глиняных стен торчали из земли, словно разбитые зубы. Остальные жилища заметно покосились, где-то недоставало крыши. Почва покрылась обрывками человеческих трудов, обломками надежд их маленьких жизней. Посреди разорённого ненастьем поселения неподвижно сидел на срубленном пне старый Яс. Его тяжёлый взгляд выражал всю полуторавековую усталость, что давила ему на плечи.

Арэнк так и не возвращался. С самым нехорошим предчувствием люди потянулись, через осунувшийся и ободранный лес, к спуску. Только старейшина так и остался там, где был.

Вода топей сильно поднялась, подступив к самому подножию холма. Арэнк сидел на обломках мостков и, запустив руку в спутанные ветром волосы, неподвижно смотрел на разбросанные меж водного леса куски бывшей лодки. Буря швыряла её с одного мангра на другой, как разъярённый хищник мотает зубами свою добычу, усеивая всё вокруг кровавыми останками.

Муна тихо вскрикнула, глаза её блеснули от влаги. Аламеда смотрела на неё и понимала - то слёзы радости. Арэнк жив, только это интересовало её. Пусть разобьётся хоть сотня лодок - главное, чтобы он был цел и невредим. Аламеда снова почувствовала себя лишней в чужом мире, среди чужих людей. Муна любит Арэнка, и он достоин этой любви.

Племя спустилось с холма. Вид разбитой лодки потряс всех, но никто не посмел подойти к Арэнку, а он так и сидел, не оборачиваясь, словно не замечая их присутствия.

- Где ты была, Аламеда? Почему не остановила гнев духов? - проговорила Калú.

- Да, почему? - вторили ей в толпе.

- Сто двадцать лун работы - и всё впустую, - добавил третий голос. Среди людей поднялся ропот.

Аламеда обернулась, едва сдерживая досаду и отыскивая взглядом говорящих, но встретила глаза с Найрой. В этот раз та молчала, прижимая к груди улыбающегося младенца. Она сама догадалась, какую цену заплатило племя за жизнь её сына, и теперь прочла подтверждение по лицу Аламеды. Кажется, понял всё и Арэнк.

- Оставьте меня, - сказал он, обернувшись, - идите приводить в порядок свои дома. Я скоро вернусь, и мы вместе отстроим разрушенное, - от одного его слова все замолчали и потянулись вверх по холму.

- Аламеда, - вдруг позвал Арэнк, и этот голос остановил её, точно накинутый на шею аркан.

Она шла против поднимающейся по склону толпы, будто ведомая устремленными на неё светло-карими, с зелёными крапинками глазами. Она чувствовала на себе десятки взглядов, и один из них обжигал огнём ревности.

Аламеда зашла в воду и, ловко вскарабкавшись по деревянным обломкам, села возле Арэнка.

- Скажи, Аламеда, ты веришь в Водные Врата? Только честно, да или нет, - он пристально посмотрел на неё, не давая возможности отвести взгляд и положил свою руку на её.

Тепло прикосновения растеклось по всему телу, сердце предательски стукнуло, но спину прожигал полный боли и горечи взгляд Муны. Аламеда, не оборачиваясь, чувствовала, что та смотрит на них.

- Наверное, тебе сейчас лучше отоспаться, - сказала она, высвобождая руку, - ты за всю ночь не сомкнул глаз...

- Просто ответить на мой вопрос, - перебил он, снова завладев её ладонью, - не убегай, как всегда.

- Не знаю, но думаю, ты их найдёшь, - сказала Аламеда искренне. Она никогда не задумывалась над этим, потому что ей был известен более надёжный способ, чтобы выбраться из Лакоса в свой прежний мир, другие её не интересовали.

- Это ведь Мокрун наслал бурю? Ты сама говорила, он не добр и не зол, просто захотел свою плату...

- Да, - кивнула Аламеда и подняла на Арэнка виноватый взгляд.

- Ты поступила правильно, - сказал он невозмутимо, - жизнь ребёнка важнее лодки... Мы построим другую...

- Я пойду, помогу Ните, - проговорил Аламеда поднимаясь, он кивнул.

Взобравшись по склону, она побежала по лесу, обогнув поселение, и дальше, вдоль озера. Только на противоположном берегу, где добывали нефрит, она наконец упала в мягкую поросль папоротника и ударилась в слёзы. Аламеда плакала навзрыд, потому что ничего не могла с собой поделать, не смела сопротивляться Арэнку, его настойчивому взгляду, его голосу, который закрадывался ей в душу и обладал непонятной властью над ней. Даже страдания Муны не могли заставить её отказать ему. Но разве имеют право мёртвые испытывать чувства и красть любовь у живых? Ведь Муна же любит Арэнка, любит и страдает, Аламеда это видела. Но что с того? - отвечал ей голос собственного разбитого сердца. Разве была та когда-нибудь добра к ней, разве встала хоть однажды на её сторону? Нет, Муна - ей даже не подруга. Всем приходится что-то терять. У Аламеды тоже однажды украли любовь - такова жизнь. Но только она начинала думать об этом, как мысли снова возвращались к Роутегу. Она опять вспоминала его взгляд и голос, их общие мечты и прикосновения украдкой. Только он заставлял по-настоящему пылать её сердце. Снова Аламеда чувствовала, что предаёт их любовь, и на душе становилось невыносимо горько. Она металась, начиная сомневаться в собственной цели.

18. Гадалка

Стоял конец ноября. Дождь уже сбил с деревьев последнюю позолоту и теперь всё чаще перемежался с мокрым снегом. По утрам я нередко обнаруживал на подоконниках первые пригоршни ледяной россыпи, а вершины виднеющейся вдалеке горы Титлис постепенно покрывались белыми шапками.

До Рождества был ещё целый месяц, но витрины главных улиц Люцерна и Цюриха, уже украшенные хвоей и гирляндами, всюду зазывали прохожих яркими безделушками. Часть моих пациентов начинала потихоньку паковать чемоданы, чтобы к празднику оказаться дома. Больше всех суетилась сеньора Бандрес. Через две недели я выписывал её окончательно. Кармен возвращалась в Севилью, поэтому при каждом удобном случае просила кого-то из медсестёр съездить с ней в город, чтобы прикупить в подарок Эвите то куклу, то платице, то пару туфель, – и всё ей казалось мало, хотя она сама понимала, что одними вещами не сгладить свою вину перед дочерью.

– Уделите ей как можно больше времени, – сказал я, проводя с Кармен заключительный сеанс психотерапии, – поделитесь с Эвитой той любовью, которая переполняет ваше сердце – и не заметите, как она начнёт называть вас мамой. Вы всегда жили в её душе, с самого рождения, с самого момента зачатия, вам просто нужно материализовать перед ней потерянный материнский образ.

– Артуро, вы настоящий ангел, – ответила Кармен, зовя меня на испанский манер, и закуталась в ярко-красную шаль. – Недаром это место называется Энгелберг – гора ангелов. Святая Макарена, покровительница Севильи, указала мне путь сюда, чтобы вы вернули меня к жизни.

Обычно далёкий от вопросов религии, я мысленно улыбнулся чрезмерной набожности Кармен, но если это помогало ей пережить собственное горе, я готов был мириться с данной мне ролью ангела.

Патрик Бейтс, напротив, сразу заявил, что домой на Рождество не поедет, и у меня не имелось мотива убеждать его в обратном. Металкогольный психоз, или попросту белая горячка, с которой он поступил в Голубой лес, больше не беспокоила писателя. Кроме того, при помощи гипноза мне удалось дать моему пациенту установку на полный отказ от спиртного. В целом, я полагал, что он готов на выписку, если не считать той маленькой проблемы с его сексуальными предпочтениями, которую я лечить отказывался. Однако молодой писатель даже слышать не хотел о том, чтобы вернуться под родительское крыло, особенно теперь, когда они узнали о его любовном увлечении. Меж тем тот самый художник, переписку с которым обнаружил мистер Бейтс, раза три приезжал навещать Патрика. Невооружённым взглядом было заметно, насколько они увлечены друг другом. Независимо от моего к этому отношения, я считал, что не имею морального права лечить от любви. Какой бы она ни была...

Лиз я больше не встречал и почти не сомневался в том, что родители уже забрали её на праздники в Штаты. Оттого я очень удивился, увидев её в общей гостиной в тот день, когда группа жителей из соседней деревни, во главе со священником их маленького прихода, организовала у нас в центральном корпусе пения в честь периода Адвента. Он начинался за четыре воскресенья до основных рождественских празднований. Кармен настояла, чтобы я непременно пришёл послушать хор, правда, мне не очень-то и хотелось.

Пациенты и медперсонал расселись в просторном зале, на расставленных рядами стульях. За окнами моросил дождь, а в помещении ярко горели роскошные, усыпанные каплями хрусталя люстры. Наши деревенские гости запели хвалебный гимн господу чистыми и звонкими голосами. Пока испанка благоговейно качала головой в такт пению и перебирала бусины на чётках розария, я глядел на Лиз и моё сердце сжималось в комок. Она смотрела сквозь меня и не видела. Передо мной была не та прекрасная и живая девушка, которую ещё двумя месяцами ранее я встретил в сквере, а типичная душевнобольная, полусонная, донельзя напичканная барбитуратами и равнодушная ко всему происходящему вокруг. А ведь я знал, что этим кончится. Лекарство угнетало центральную нервную систему и, вызывая зависимость, требовало всё большей дозировки. Арольд, чёрт бы его побрал, неужели он не видит, что губит её? Пойти к нему снова? Но ведь он не слушает... Только Шварц-Гаус мог остановить это фармакологическое безумие, которое Арольд именoval лечением, но вестей о его возвращении так и не было...

Медсестра, как обычно сопровождавшая Лиз, увидела мой взгляд и демонстративно загородила собой подопечную. Стоило ли? Лиз всё равно не заметила моего присутствия. Я не остался слушать песнопения, видеть её в таком состоянии было невыносимо.

В коридоре меня догнала Кармен.

– Доктор, уже уходите? Вам совсем не понравилось? – спросила она.

– Нет, напротив, прекрасное пение, но я вспомнил об одном неотложном деле.

– Это из-за мисс Родрик? – доверительно произнесла она, смотря на меня своими пронизательными орлиными глазами. – Вы переменились в лице, увидев её.

Я растерялся и не нашёл, что ответить. Арольд был прав, о моих чувствах сплетничала уже вся клиника...

– Знаете, Лиз однажды спрашивала меня о вас, когда её только перевели в новый корпус, – сказала Кармен. – Мы виделись там на занятиях по вышивке, и она поинтересовалась, лечите ли вы ещё меня... По-моему, девушка очень огорчилась оттого, что вы передали её главному врачу. Я слышала, у него более консервативный подход...

– Доктор Арольд посчитал, что я недостаточно опытен для того, чтобы заниматься болезнью Лиз.

– Артуро, послушайте меня, вы молоды, опыт придёт с годами, зато у вас есть чуткость, которая редко свойственна докторам. Загляните к ней. Уверена, одно ваше присутствие пойдёт ей на пользу, – Кармен тронула меня за руку. Одинокó блеснуло кольцо на безымянном пальце, качнулся крест розария в узкой ладони. – Надеюсь, Бог укажет вам верный путь. Не держите свои чувства, запёртыми в душе. Откройтесь ей, пока не поздно.

Я удивлённо посмотрел ей вслед, когда она возвращалась по коридору в гостиную. Открыться Лиз... Если бы я мог... Скоро мне самому понадобится лечащий врач и диагноз: навязчивые сны так и не покидали меня, несмотря на все седативные препараты, которые я принимал. Только работа помогала мне отвлечься и не думать о ней. Я уже заканчивал свой труд по депрессивным состояниям и собирался в скором издать его.

В первых числах декабря я ездил в Цюрих, передать свои записи в научную редактуру. Остаток дня у меня был свободен, и я без особой цели бродил по украшенным улочкам, среди снующих в предпраздничной суете прохожих. Рождественский дух неожиданно поглотил и меня. Витрины соблазняли своим лоском, и я сам не заметил, как оказался в толпе зевак, которые разглядывали большую ёлку за стеклом парфюмерного магазина. Владелец догадался украсить её не игрушками, а флакончиками духов.

После разговора с Кармен мне захотелось непременно порадовать чем-нибудь Лиз. Ни подойти к ней, ни написать письмо я не мог под угрозой немедленного увольнения. Тогда мне пришла в голову идея послать ей анонимный рождественский подарок, ведь наверняка её родители об этом даже не вспомнят. Глупость, ребячество, – называйте, как хотите. Просто я не знал, что ещё для неё сделать.

До самых сумерек я метался от одной витрины к другой, мучаясь сомнениями, что бы могло понравиться Лиз и поднять ей настроение. Целый час проторчал у ювелирной лавки, разглядывая кольца и браслеты, но вряд ли даже самое дорогое украшение смогло бы порадовать Лиз и вернуть ей улыбку. Затем кондитер долго убеждал меня, что девушки просто с ума сходят от восточной сладости рахат-лукума, и всё же уговорил купить яркую розовую коробочку, которую я сам тут же и прикончил, поняв сразу после покупки, что этот подарок не годится. Шейные платки, кошельки, сумки, броши, духи и разные сладости, – такие вещи мужчины преподносили женщинам, рассчитывая получить от них взамен своё расположение. Мне же нужно было что-то, идущее из глубины души.

Наконец после долгих поисков я неожиданно набрёл на магазин музыкальных инструментов и грампластинок. Лиз обожала гитару. Помню, как-то весной, едва подсохла земля от сошедшего снега, я собрал своих пациентов на пикник в лесу. Две медсестры помогали мне. Лиз тогда сыграла несколько произведений Мауро Джулиани. Все аплодировали и хвалили её. А потом она попросила Кармен исполнить что-нибудь из фламенко, и та согласилась. Выхлопывая ладонями ритм, испанка спела трагическую песню о потерянной любви из репертуара хитанос. Спела так, что в какой-то миг я всерьёз обеспокоился душевным равновесием моих пациентов: они хоть и не поняли слов, но в пении сеньоры Бандрес было столько выстраданного ею самой драматизма, столько рвущейся из сердца любви к ушедшему мужу, что в глазах у всех стояли слёзы. Лиз пыталась аккомпанировать ей, но вскоре отложила гитару и просто слушала, а потом сказала, что обязательно научится играть фламенко, достать бы ноты. И вот теперь я нашёл их в этой маленькой музыкальной лавке, в незаметном переулке Цюриха. А ещё продавец посоветовал мне купить пластинку с записью гитарных композиций фламенко. Вот оно, то что нужно, Лиз непременно обрадуется!

Когда я вышел из магазина, был уже вечер. Улочки опустели, зажёгся свет в окнах. По пути на вокзал я слегка заплутал в узких переулках и, кажется, довольно далеко ушёл от центрального района. Фасады домов вокруг меня уже не поражали богатой лепниной. Здесь они были заметно проще и невзрачнее, а мостовая далеко не сияла чистотой, как на главных улицах.

Внезапно возле меня оказалась цыганка. Из-под красного вылинявшего платка свешивались длинные косы с вплетёнными в них монетами, на плечах лежала изрядно износившаяся клетчатая шерстяная шаль. На вид женщине было лет сорок пять. Ещё неглубокие, но сухие морщины

собрались в уголках её быстрых, с хитринкой, глаз.

- Господин, голубчик, хочешь, погадаю? – она говорила с лёгким венгерским акцентом. Кэлдэрарка, подумал я. Цыгане-ремесленники, котляры, они кочевали после войны по Европе в поисках работы. Мужчины мастерили котлы и чаны, а женщины промышляли гаданием.

Я отрицательно мотнул головой, достал из кармана двадцать сантимов и, не останавливаясь, кинул цыганке. Она ловко поймала монету, но не отстала.

- Господин, а золотой, добавь ещё денежку – погадаю. Всю правду расскажу, что было, что будет – ничего не утаю.

Слышал я о цыганских фокусах. Эти ловкачи при помощи внушения горазды раздеть человека до нитки, но я с их кухней был знаком не хуже. Вдруг мне даже стало любопытно, что она придумает.

- Ну, погадай, – я кинул ещё монету и раскрыл ладонь.

Гадалка принялась водить по ней своими узловатыми пальцами. От их шершавого прикосновения и вида грязи под неровно обстриженными ногтями меня передёрнуло.

- Вижу... несчастная любовь... неодолимая преграда... страдания... – бормотала она и вдруг остановилась, глянула на меня с опаской и сомнением, ещё раз посмотрела на мою ладонь и в страхе отстранилась, как от зачумлённого.

- В чём дело? – не скрывая досады, спросил я.

Цыганка в спешке достала из кармана монеты и сунула их мне в руку:

- Я не возьму твоих денег, ты говоришь с мёртвыми. Иди своей дорогой.

- С кем? – усмехнулся я. – Ты ошиблась, гадалка, не с мёртвыми, а с душевнобольными, я психиатр.

- Нет-нет, людей с покалеченной душой я тоже вижу, их много вокруг тебя, но ты связан с мёртвыми, – она повернулась и быстро зашаркала стоптанными ботинками в тишине безлюдной улицы, и только монеты в косах бряцали в такт её шагам.

- Ну, ступай, – я пожал плечами. Видимо, разочаровалась, что не удалось обдурить случайного зеваку.

Я пошёл к вокзалу, и вдруг меня как водой окатило: Аламеда... Мёртвая Аламеда является мне во снах – вот с кем я говорю! Я развернулся, ища глазами тонкий, в лохмотьях, силуэт – цыганка едва скрылась в переулке.

- Постой! – прокричал я, переходя на бег. – Да подожди ты!

В одну секунду я вдруг осознал, что сейчас, возможно, смогу найти ответы на все мои вопросы. Я снова услышал звон монет, вплетённых в волосы цыганки и в следующий миг увидел её на узкой улочке, стеснённой двумя рядами невзрачных каменных домов. Гадалка ускорила шаг, боязливо оборачиваясь, но я догнал её.

- Что ты увидела? – спросил я, стараясь отдышаться. – Скажи мне, это очень важно.

- Держись от меня подальше, – ответила она, пятясь и оглядываясь по сторонам – в переулке мы были одни.

Я выгреб из кармана горсть монет и протянул ей.

- Я просто хочу понять, что со мной происходит... Я вижу сны... Объясни мне их значение.

Цыганка стояла, в нерешительности косясь на монеты.

- Пойдём, я угощу тебя ужином, – предложил я, кивнув на грязную дверь соседнего трактира. – Мы просто поговорим.

- Сперва деньги, – сказала она.

- Разумеется, – я высыпал всю горсть ей на ладонь.

Мы зашли в маленькое тёмное помещение. Пол, как и дверь, был грязный, пахло кислятиной. За столиками сидели не самые опрятные работяги, пили вино и ели свой ужин. Трактирщик оглядел нас с сомнением, хмыкнул и указал кивком на свободный стол в самом дальнем углу, возле заляпанного чем-то окна. Кто знает, что он там себе придумал.

Нам подали сомнительно пахнувший гуляш и немного чёрствого хлеба. Женщина жадно принялась за пищу, словно никогда не ела таких «деликатесов». Я отправил в рот сухую краюху: мясо не внушало доверия, зато цыганка прикончила свою порцию в считанные минуты. Мне совсем не хотелось рассказывать ей о беде, приключившейся с Лиз, и о моих метаниях, но я всё же вкратце поведал ей о содержании своих снов. В душе тут же зашевелились сомнения: ну что может знать эта уличная мошенница? Отчаяние толкнуло меня довериться первой встречной. Стоит ли делиться с ней самым сокровенным? Я уже решил было расплатиться и уйти, но цыганка вдруг заговорила.

– Ты умеешь зачаровывать людей, как и я...

– Если ты о гипнозе, то да, я умею подвергать пациентов внушению, – поправил я.

– Называй, как хочешь, – бросила она в ответ, вычищая краюхой тарелку, – вы мозгоправы только и делаете, что придумываете мудрёные слова, а сами ни черта не видите. Однажды ты опутал чарами мёртвую душу, установил с ней какую-то связь, и теперь сам заставляешь её приходить к тебе во снах.

– Как это? – усомнился я. – Как я мог загипнотизировать мёртвого человека, которого, к тому же, никогда не видел?

Очередная придумка мошенницы... Плетёт что ни попадя, лишь бы отработать данные ей деньги и еду.

– Как – тебе лучше знать, – пожала плечами женщина, – но это ты удерживаешь её, а не она тебя. Гуляш есть будешь?

– Что? А, гуляш... Нет... забирай, – я пододвинул цыганке свою тарелку.

Перед тем, как приняться за вторую порцию, гадалка вдруг пристально посмотрела на меня.

– Ну, хорошо, я помогу тебе. Вижу, ты безнадёжно влюблён. Дай мне какой-нибудь предмет этой девушки: фотографию, письмо...

Я достал из-за пазухи бережно свёрнутый платок, который я когда-то подобрал в палате Лиз. Цыганка взяла его, закрыла глаза и так сидела, пока рядом не появился трактирщик, чтобы забрать пустую тарелку. Он снова окинул нас сомнительным взглядом, презрительно хмыкнул и удалился.

Гадалка открыла глаза, в них читалась тревога и озабоченность.

– Мёртвая душа стоит между тобой и твоей избранницей, – произнесла она. – Мне жаль, но девушка, которую ты любишь, наполовину мертва... Чужая душа постепенно завладевает ею, она уже в ней...

Цыганка с сочувствием глянула на меня, но всё же принялась за вторую порцию, а я вспомнил слова из письма, в котором Лиз говорила об уходящей от нее жизни, и мне вдруг стало страшно.

– Лиз... она, что... правда умирает? – еле произнёс я.

Цыганка в ответ лишь молча вернула платок, словно говоря, что это всё он, она здесь совершенно ни при чём.

– Как же мне быть? Как помочь ей? Как заставить Аламеда уйти насовсем? – прошептал я, до сих пор не в силах поверить, что всё сказанное – правда.

– Если мёртвую душу связывает с этим миром жажда мести, сама она не уйдёт, пока не отомстит. Ты ничего не сможешь сделать, господин. Здесь применили сильное колдовство, с которым лучше не иметь дела. Но если хочешь избавиться от своих снов – просто порви связь с мёртвой душой тем же способом, как установил её. Это единственное, что в твоих силах. Больше мне нечего сказать.

– Как тебя зовут? – зачем-то спросил я.

– Лула, – ответила цыганка.

Я не заметил, когда она ушла, не обратил внимания, как остался в трактире один. Подошёл хозяин заведения и сказал, что пора расплачиваться, они закрываются. Мне казалось, я уже доставал деньги, но спорить не стал, заплатил, сунул под мышку подарок для Лиз и поспешил на вокзал, чтобы успеть на последний поезд. Всю дорогу я думал о разговоре с гадалкой, пытаюсь убедить себя, что это была пустая болтовня, мошенническая выдумка. Возможно, я действительно поддался цыганскому гипнозу... Но чем больше я сопоставлял факты, свои сновидения и сказанное Лулой, тем больше убеждался в том, что она не лгала.

Мне стоило огромных усилий отбросить всё то, чему меня обучали в университетах, и попытаться посмотреть на вещи со стороны не научной, а метафизической. Каким образом мне удалось

установить связь с Аламедой? – спрашивал я себя. Неужели это всё сеанс гипноза? Введя Лиз в состояние транса, я добрался до того уровня подсознания, куда каким-то невозможным образом проникла погибшая в амазонских джунглях туземка по имени Аламеда. Хуже того, тем сеансом гипноза я словно приоткрыл для неё дверь в мир живых, и она стала приходить всё чаще, постепенно завладевая моей пациенткой – вот откуда у Лиз участившиеся сны и приступы. Но вместе с тем, во время сеанса, я, сам того не желая, установил какую-то необъяснимую связь с Аламедой, словно и она поддалась моему гипнозу и теперь вынужденно появлялась в моих снах. Заговорив с ней, я будто бы протянул некую нить между нами... А ведь подобная мысль уже приходила мне на ум, но тогда казалась чем-то невероятным. Да и сейчас все эти вещи не укладываются в привычные мне рамки нормального. Я совершенно бессилен помочь Лиз с врачебной точки зрения, да и с какой бы то ни было ещё...

Гадалка сказала, что избавиться от моих видений возможно, если снова загипнотизировать Лиз. Но мне запретили даже смотреть на неё, говорить, приближаться! Как могу я устроить сеанс гипноза или попросту объяснить коллегам его необходимость? Или всё же мне не стоит избавляться от своих снов, а, наоборот, воспользоваться той связью, которую я неосознанно поддерживаю с Аламедой, и постараться изменить что-то, чтобы помочь Лиз?..

Вернувшись в клинику, я случайно столкнулся в коридоре с Кармен. Она вышла из кухни и направлялась в свою палату, неся в руках чашку тёплого молока.

– Кармен, позвольте задать вам один вопрос, – сказал я, пересёкшись с ней.

Она остановилась и поставила чашку на журнальный столик.

– Ваш муж был цыганом, вы, наверняка, хорошо знакомы с их нравами...

– Да, – кивнула она, – Хавьер был настоящим хитанос.

– Скажите, это правда, что среди них есть колдуньи, гадалки, ясновидящие?

– Правда, – подтвердила Кармен с совершенно серьёзным выражением лица. – Мать Хавьера была провидицей. Я даже думаю, она всегда знала о судьбе, которая ждёт её сына, и оттого противилась нашему браку. Помню, когда ей стало известно об уже свершившейся свадьбе, она сказала мне: «Бедная, ты будешь счастлива с Хавьером, но однажды эта любовь доведёт тебя до безумия». Порой я спрашиваю себя, как она смогла прожить всю жизнь, зная, что переживёт своего сына? Возможно, поэтому она умерла через полгода после него. Это была потрясающая женщина... А почему вы спрашиваете?

– Да так... Мне просто сегодня цыганка в Цюрихе погадала... – ответил я.

– Вполне возможно, что вам повстречалась одна из настоящих провидиц, – улыбнулась Кармен, взяла чашку и, пожелав мне спокойной ночи, пошла в свою палату.

19. Свадебный пояс

Занималось новое утро, и над мангровой чащей зазвучал спорый стук топоров. Немало воды прибыло со дня злосчастной бури, однако ненастье оставило за собой не только разрушения – оно указало племени новый путь.

В первый же день после потопа, в то время как мужчины и женщины отстраивали разоренное поселение, ребята по просьбе Арэнки вылавливали из воды обломки судна: он надеялся, что их ещё можно будет использовать. Буря разбросала части лодки по всей мангровой чаще, вода протащила их далеко вдоль подножия холма, на запад. Там-то Лони и нашёл упавшее с оползнем дерево. «Великан свалился!» – прокричал он.

Его прозвали Великаном – самое старое дерево во всём лесу, росшее на окраине холма. Ливень размыл почву под ним, и оно грохнулось вниз, увлекаемое собственной тяжестью.

Арэнк не мог даже мечтать о том, чтобы срубить когда-нибудь дерево с таким широким стволом, да и не посмел бы. Оно, наверняка, было настолько древним, что хранило память времён зарождения Лакоса. Обхватить его ствол не смогли бы и все соплеменники, взявшись за руки, но теперь оно само жертвенно поделилось своей жизнью на благо людей. Кора его была прочной, толщиной с человеческое тело, зато сердцевина оказалась волокнистой и податливой. Вычистить её не составило бы большого труда. В древние времена, когда необъятные земли Лакоса ещё покрывались бескрайними лесами, люди строили лодки, выдалбливая их из целого древесного ствола. Арэнк знал об этом лишь по рассказам, передававшимся в его родном племени из поколения в поколение. Теперь же, увидев на берегу поверженного Великана, он быстро сообразил, как сможет превратить его в свою мечту – огромное и крепкое судно. Работа предстояла долгая, но гораздо менее кропотливая, чем с предыдущей лодкой. Нужно всего-навсего выдолбить глубокую нишу в могучем стволе, да обтесать его.

Много дней уже трудились мужчины, Великан лишился своей кроны, самых толстых веток и выкорчеванных при падении корней и начинал постепенно приобретать форму судна. Женщины по очереди готовили на всех и носили пищу к западному берегу, чтобы накормить уставших работников. Настал черёд Аламеды. Она запекла рыбу с молодыми побегами папоротника и сытными корнеплодами, а затем завернула всю еду в огромный лист Опахалового стебля. Жители холма прозвали этим именем высокое дерево с невероятно тонким стволом и торчащими из его макушки листьями, размером с целое одеяло. В нехитром быту они служили и простынёй, и скатертью.

Аламеда спустилась со своей ношей к западному подножию холма, где почил упавший с оползнем Великан, развернула лист и, принявшись раскладывать еду, невольно засмотрелась на Арэнку. Его натруженные мышцы блестели от пота, длинные волосы липли к спине, а в сосредоточенном взгляде горела пылкая мысль. Он с поглощением работал сам и распалял других. В каждом его движении заключалась неиссякаемая деятельная сила, топор в руках взлетал как птица и опускался с небывалой мощью. Внезапно мужчина обернулся, словно почувствовав взгляд Аламеды, и она тут же спешно засобиравшись, прогоняя от себя ненужные мысли. Арэнк меж тем спрыгнул с Великана, погрузившись с головой в воду, вынырнул, тряхнув волосами, и позвал всех обедать.

Он догнал её, когда она уже пробиралась сквозь частые заросли древнего леса обратно к посёлку.

– Опять убегаешь? Тебя не поймать, – сказал он, улыбнувшись открыто, как делал всегда. С волос стекала вода, капли блестели на смуглой груди с татуировкой дорея.

– Ты разве не будешь есть? – спросила Аламеда, невольно ускоряя шаг, словно пытаясь убежать от него.

– После. Дам другим пообедать и перехвачу, что останется.

– А если не останется? – несмело улыбнулась Аламеда.

– Тогда тебе придётся нести ещё, – засмеялся Арэнк. – Они и это съедят. Никто так не готовит побеги папоротника, как ты – есть не переест.

Аламеде показалось, что она слышит Роутэга, теми же словами он хвалил своё любимое блюдо – рахисы папоротника с печёной рыбой. Улыбка снова исчезла с её лица.

– Пойдём к озеру, – вдруг сказал Арэнк, когда она завернула на тропу, ведущую к поселку, – я хочу показать тебе кое-что.

Тут она заметила в его руках знакомый свёрток, тот самый, что однажды нашла Муна в хижине на дереве.

– Мне? – неуверенно переспросила Аламеда, и странное предчувствие шевельнулось внутри.

– Я хочу, чтобы мы узнали друг друга получше. Строительство лодки так поглотило меня, что даже не оставило времени на простой разговор.

В молчании они дошли до Голубой Чаши. Аламеда всю дорогу смотрела себе под ноги, на мягкий травянистый ковёр, и не знала, что ждать от предстоящего разговора. Искренность Арэнк, его прямизна сбивали её с толку.

Он усадил Аламеду на прибрежные камни, в густой тени Опахалового стебля.

– Я знал, что ты придёшь сегодня, и специально прихватил с собой это, – он положил на камень между ними свой свёрток. Аламеда помнила, что было в нём, но виду не подала. – Здесь вся моя жизнь, весь я, всё самое дорогое, что осталось от моих корней.

Арэнк развернул свёрток и достал ножны. Только теперь Аламеда заметила – каждое из трёх отделений отличалось друг от друга по форме и размеру.

– Подарок отца на день моего посвящения в мужчины. Эти древние кинжалы передавались в нашей семье из поколения в поколение. Их изготовили в те времена, когда в Лакосе ещё жили говорящие с духами. В это оружие вложена настоящая колдовская сила. Возьми один из них, ты должна почувствовать её, – с этими словами Арэнк потянул за центральную рукоятку – тот самый кинжал, который доставала Муна.

Аламеда приняла его, в её узкой ладони клинок казался огромным. Гладкая сталь блеснула под солнечными лучами, сквозившими в прорехи меж широких листьев. В этом блике почудилось, будто высеченный на рукояти дорей взмахнул крыльями. Но самым странным оказалось другое... Едва холодное лезвие коснулось кожи, Аламеда вдруг почувствовала, что оружие изучает её – словно выискивает в ней слабое место. Вздвигнув, она поспешила передать его хозяину.

– Мне почудилось, будто по всему телу кончик клинка прошёлся, но не ранил, – сказала Аламеда, до сих пор ощущая мурашки на коже от невидимого, но острого прикосновения.

– Значит, правду говорят предания, – кивнул с улыбкой Арэнк, – кинжал способен отыскивать слабое место противника. Я и сам заметил это, когда приходилось обороняться им от водных чудовищ. Что ни удар – то смертельный. Он зовётся *Большая Игла*. Нет на свете более острого кинжала, способного на лету рассечь насекомое или войти, как в мягкую глину, в самый твёрдый камень. Отец говорил, что его выковали в древности, во времена войн между высшими и низшими племенами. Теперь только чудовища Лакоса – достойные ему противники. А что скажешь мне об этом? – спросил Арэнк, убрав в ножны *Большую Иглу* и достав второй кинжал – с раздвоенным, словно язык змеи, острием, его сталь была сплошь покрыта радужными разводами.

Аламеда взяла клинок в руки, и в тот же миг её словно обдало пьянящим дыханием тёмной чащи. В ушах зазвучали шаманские песни и древние заклинания. Видно, когда-то лесные колдуны заговорили его.

– Я чувствую в нём силу земли и деревьев, – сказала она Арэнку. – Опасную силу.

– Правильно, – кивнул он, с восхищением глядя на неё. – Это *Травник*. Отец говорил, его сталь закалена соком ядовитых трав, когда-то росших в самых непроходимых лесах Лакоса. Оставляемые им раны отравляют плоть противника. Я никогда не использовал его, но знаю – не поздоровится тому чудовищу, в тело которого вонзится раздвоенное лезвие.

– Ты готовишься к такой встрече? – спросила Аламеда.

– Рано или поздно нам придётся покинуть безопасный холм и снова пуститься в плавание, – сказал Арэнк с холодной уверенностью во взгляде. – Оно готовит немало опасностей, и третий кинжал особенно хорош для борьбы с ними.

В ладонь Аламеды лёг ещё один клинок, тонкий и семизубый, как рыба кость. Да и сделан он был не из стали...

– Это же горбунный плавник, – вдруг догадалась она, вспомнив опасных рыб, из-за которых приходилось подолгу чинить рыболовные сети во время путешествия на плавучем острове. Я чувствую в нём силу Большой Воды, всю мощь необъятного океана, опасность хищников.

– Я удивлён, ты читаешь оружие как по написанному, – воскликнул Арэнк. – Этот кинжал так и зовётся – *Рыбий Хребет*. Его изготовил последний из колдунов племени Чёрного Дорей, мудрый и воинственный Кэху, в те времена, когда в Лакосе появились первые чудовища. Он вложил в него силу одного подводного хищника – горбуна, чтобы противостоять другим.

Аламеда сжала в ладони ребристую рукоять. Тронула пальцем каждый из семи зубьев – острые, как наконечники стрел.

– Таким только чудовищ и потрошить, – сказала она содрогнувшись и отдала кинжал Арэнку.

– Боюсь, в скором времени этим мы и займёмся... – ответил он закрывая ножны. – Но знаешь, что самое замечательное в трёх кинжалах? Даже если метнуть их в противника, они всегда вернутся в руку обладателя. Подарив мне эти клинки, отец передал с ними и право хранителя. Теперь они слушаются только меня. В тот день он также дал мне вот это, – Арэнк достал из свёртка красную, расшитую клыками и зубами животных тряпицу и повязал ею лоб. – Головной убор вожака племени Чёрного Дорея. Отец готовил меня к предводительству, хотя знал, что его народ обречён. Он никогда не переставал верить в Водные Врата и, умирая, заклил своего единственного сына найти их, не дать погибнуть нашему роду, спасти тех, кто выживет... Но не спасся никто, кроме меня... Я не смог исполнить его просьбу и оправдать возложенных надежд, но всё же поклялся себе, что найду Водные Врата.

– Как погибло твоё племя? – спросила Аламеда. Она почувствовала в словах Арэнка так хорошо знакомую ей горечь утраты.

– Как и все остальные племена Лакоса... Буря, которую устроил Мокрун, в сравнение не идёт с той, что обрушилась на мою землю в день смерти родителей и всего нашего народа, – Арэнк усталым движением снял со лба повязку вожака. – Я проснулся ночью по голову в воде. Вынырнул, в страхе хватая ртом воздух. Стояла кромешная тьма, только крики людей и шум стихии смешались в один неразборчивый гвалт. Вероятно, огромная волна обрушилась на остров, пока все спали. Я вслепую хватался за обломки хижин и лодок, плыл на голоса людей, но наступающая вода вновь отбрасывала меня. Внезапно я услышал крик отца. «Арэнк, Арэнк!» – звал он, откашливаясь от воды, которая то и дело заполняла ему рот. Следующая волна буквально бросила меня на него. Отец держался за стену хижины, выглядывающую из океанской пены... моей хижины... В руках у него был туго перетянутый свёрток, он самый, – с этими словами Арэнк прижал его к груди. – «Отыщи Водные Врата. Спасись сам и не дай погибнуть нашему народу», – успел сказать мне отец, перед тем как очередной удар стихии не разделил нас навсегда.

Арэнк замолчал ненадолго, сжимая рукой свой свёрток, затем снова поднял глаза на Аламеду.

– Всю ночь я сражался за собственную жизнь, тщетно пытаюсь отыскать мать, отца и сестёр, спасти хоть кого-нибудь из соплеменников. Вода истерзала моё тело, как свирепый хищник, и я уже думал, что не доживу до рассвета. Но он настал. Слабое свечение на горизонте успокоило бурю и озарило то, что осталось от моей земли. Повсюду плавали обломки прежнего мира: вещи, тела людей. До самого восхода солнца в зенит я искал выживших, пока не понял, что их нет. Под водой мне посчастливилось найти чудом уцелевшую тростниковую лодку и поднять её со дна. Я грёб над местом, которое ещё накануне было моей землёй, и вдруг увидел на воде рогожное одеяло, зацепившееся за обломок какой-то хижины. Его вышивала моя мать, и под ним всегда спали втроём мои юные сёстры. Теперь же оно одиноко покачивалось на волнах, а девочек не было и следа. Поверь мне, Аламеда, я редко роняю слёзы, но в тот миг я не смог их сдержать, они сами текли из глаз, не подчиняясь моей воле. Я подобрал одеяло, отжал и бросил в лодку. Высохнув на солнце, оно ещё много ночей служило мне защитой от ветров, поднимающихся над Большой Водой.

– Я помню это одеяло, оно было в твоей хижине. В тот вечер ты впустил нас с Нитой и Муной заночевать там, – сказала Аламеда.

– Когда я увидел вас троих, то представил себе своих сестёр. Если бы они были живы, то превратились бы уже в таких же красивых девушек...

– Мне очень жаль, – проронила Аламеда, не найдя, что ещё добавить. Она, как никто другой, понимала – никакие слова не способны исцелить раненую душу.

– Не знаю, зачем я остался тогда в живых, – сказал Арэнк. – Мне помогло одно лишь чудо. Я поклялся отцу найти Водные Врата и спасти мой народ, пусть из всех и остался только я. Теперь у меня появилось новое племя, которое верит мне, и это единственное, что побуждает жить дальше и надеяться на спасение. Я пообещал себе построить крепкое судно и отыскать проход в новый мир, во что бы то ни стало. А предел моих мечтаний – войти в Водные Врата рука об руку с тобой, Аламеда. Посмотри, – с этими словами Арэнк достал из свёртка белую, шитую бисером и ракушкой ленту. – Это свадебный пояс, его шила моя мать...

Услышав слова Арэнка, Аламеда вся сжалась внутри. Сердце будто обросло острыми шипами. Нет, нет, не говори мне этого, мысленно повторяла она, но он сказал.

– По нашей традиции, мать шьёт такой пояс ко дню посвящения сына в мужчины, и он хранит его у себя, пока не встретит свою избранницу, которая позже перевяжет им платье в день свадьбы. Я хочу, чтобы однажды ты надела его, Аламеда. Ты ведь уже поняла, я свой выбор сделал, и буду

ждать твой.

– Я не... нет... почему я?... – кровь хлынула к лицу, Аламеда вдруг вспомнила, как мать Роутэга повязывала на ней похожий пояс, а она сама вышивала собственное свадебное платье, красное, словно огонь костра, с белыми полосами. Наверняка, её настоящее тело похоронили именно в этих вещах, бок о бок с Роутэгом... – Я не могу... не проси...

Внезапно Аламеда услышала над собой посторонний мужской голос:

– Не отказывай ему. Подумай, ты ведь можешь начать всё сначала.

От удивления она вскинула голову. В двух шагах от них сидел на камнях тот самый человек из её снов. Доктор... Всё в той же странной, подвёрнутой на руках и ногах одежде. Но он больше не был размытым видением или сном. Вот же он, во плоти и крови... Аламеда перевела ошарашенный взгляд на Арэнка: видит ли он? Но тот не замечал и не слышал незнакомца.

– Я не настаиваю, тебе нужно время подумать... – проговорил Арэнк, смотря ей в глаза и пытаясь отыскать в них причину смутения.

– Я не могу... прости... – пролепетала Аламеда и, поднявшись, попятилась назад, прочь, чтобы скрыться и от ожившего видения, и от пытливого взгляда Арэнка.

– Постой. Но почему? – он попытался остановить её.

Она бросилась бежать через лес, в противоположную от поселения сторону, внезапно наткнулась на Муну, но даже не заметила её. Аламеда неслась куда глаза глядят, пытаясь сквозь пелену слёз и страха различить дорогу. Она бежала долго, пока не добралась до незнакомой окраины холма. Кажется, это была его южная оконечность. Здесь Аламеде не доводилось ходить прежде. Она спустилась к берегу, ступила в воду и пошла вброд, пока не достигла переплетённых кронами мангров. Аламеда взобралась на стелющиеся над топиями корни и долго карабкалась по ним, чтобы уйти как можно дальше. Только здесь, в сердце водной чащи, вдалеке от всех, у неё получилось наконец слегка перевести дыхание. Она растянулась на сплетённых корнях и устремила взгляд в небо.

– Аламеда, – вдруг раздался над ней прежний голос, – я не оставлю тебя в покое, пока ты не оставишь Лиз. Бесполезно убегать от меня.

Она тут же вскочила и шарахнулась от видения. Доктор снова был рядом с ней, на расстоянии шага.

– Уйди! – проревела она голосом раненого зверя.

– Нет. Пока ты не откажешься от мести. Роутэг умер, этого не должно было случиться, но что произошло, то произошло, никто не в силах изменить прошлого. Судьба даёт тебе новую возможность. Тот мужчина влюблён в тебя, Аламеда. Почему ты не примешь его?

Аламеда рассмеялась Доктору в лицо, но из глаз текли горькие слёзы.

– Ты вздумал копаться своими белыми руками в моих чувствах? Учить меня, что делать? – набросилась она. – Так и я скажу то же: судьба и тебе даст когда-нибудь другую возможность, и ты забудешь Лиз... Смирись, ты не спасёшь её, Доктор.

Мужчина потупил взгляд и устало опёрся спиной о ствол дерева.

– Ошибаешься, я спасу её, найду способ. Теперь я знаю, что могу приходить сюда, когда захочу. Я заставлю тебя отказаться от мести, чего бы мне это не стоило.

– Ты не понимаешь, – прошипела Аламеда, подойдя к нему вплотную, но если бы кто-то видел её в ту минуту, то решил бы, что она говорит с деревом. – Даже если я откажусь от мести, в Лиз заключена часть моей души, и она останется там до тех пор, пока я не умру. Даже любовь к Арэнку не извлечёт тот осколок из её сердца, да и моё не исцелит. Месть – это всё, что мне осталось, и я доведу её до конца...

– Значит, я найду способ убить тебя, – проговорил невозмутимым голосом Доктор, ещё раз пристально посмотрел на Аламеду и пошёл прочь, постепенно растворяясь в туманной дымке, стелящейся над топиями.

20. Обмен

Ещё долго Аламеда смотрела в подёрнутую белесой дымкой даль мангровой чащи, куда ушёл Доктор. Он пообещал убить её. Пусть попробует... Избавиться от мёртвой будет не так уж и просто...

Она снова растянулась на настиле из сплетённых мангровых корней, устремив взгляд в небо, и представила себя лежащей в одной могиле с Роутэгом, облачённой в своё красное свадебное платье и белый, вышитый речным жемчугом пояс. Как было бы хорошо, если бы они с женихом могли стать лесными духами и никогда не разлучаться. Аламеда вздохнула глубоко, до боли в груди, и беззвучно зарыдала.

Плача, она вспоминала тот день, когда Роутэг впервые признался ей в любви. Они сидели вдвоём у подножия многоступенчатого водопада и с наслаждением слушали его волнующую музыку.

– Дай мне руку, – попросил Роутэг и следом завязал на тонком запястье Аламеды несколько переплетённых между собой цветных нитей с затянутыми на них узелками. «Я люблю тебя», – говорило узелковое письмо, а тёмные пронизывающие глаза Роутэга подтверждали это без слов. В её родном племени особенно почитали созерцательную тишину. Слова второстепенны, они не могут выразить всех человеческих чувств, тем более когда дело касается любви. В ответ Аламеда подняла на Роутэга своё озарённое счастьем лицо, и он впервые поцеловал её. Прикосновения его сильных рук были нежнее, чем ласки ветра. В этот миг она почувствовала, как сама растворяется в нём, вместе с шумом воды и мириадами крошечных брызг, витающих над ними.

Открыв глаза, вместо водопада, Аламеда увидела вокруг себя лишь сгущающиеся сумерки. На её запястье уже давно не было того сплетённого из ниток браслета. Видимо, он порвался, когда её пытались оттащить от Лиз. Клятва любви так и пропала навсегда вместе с ним в её прежнем мире.

Аламеда ещё какое-то время лежала, вспоминая ушедшую жизнь, размышляя над тем, как же ей избавиться от Доктора и как набраться смелости, чтобы сказать Арэнку окончательное и бесповоротное нет. Ну почему в его присутствии она совершенно теряет себя и забывает обо всём на свете? Так не должно быть. Что такого в этих карих с зелёными крапинками глазах, что они умудряются заглянуть в её душу?

Слёзы высохли, а возможно, их просто не осталось больше. Надо было возвращаться, не ночевать же посреди топей. Внезапно Аламеда почувствовала чьё-то близкое присутствие и вскочила, побоявшись опять увидеть Доктора. Вода неподалёку бурлила, словно от кипения. Пузырь, что был посередине, вздувался всё больше, обзаведясь парой чёрных глаз и уходящей в бесконечность воронкой рта.

– Тебе не напугать меня, Мокрун, – сказала Аламеда отстранённо, – больше не напугать.

Она уже привыкла к облику водного Духа, теперь не он страшил её, а появившийся в её новом мире Доктор. Нет, она не побоялась его угрозы убить её, но, возможно, у него теперь было всё, чтобы помешать ей вернуться...

– Ах нет? Не напугать, говоришь? – переспросил Мокрун, и вдруг очертания его стали стремительно меняться.

Над глазами обозначились надбровные дуги, ниже – вытянулся нос, а затем – уши и чуть выступающий подбородок с ямочкой. Через секунду на Аламеду опять смотрело лицо Доктора, с той лишь разницей, что оно было словно отлито из воды.

– А так? – поинтересовался Доктор гортанным голосом Мокруна.

– Что?.. Откуда ты знаешь?.. Ты видел... – залепетала в смятении Аламеда, вспоминая о способности Духа перевоплощаться.

– Мне незачем видеть, – ответил он, не меняя нового обличия. – Я знаю всё о твоих мечтаниях и страхах, потому что живу везде, где есть вода, ведь вы, люди, сплошь состоите из неё. Известно ли тебе, Говорящая с духами, что вода содержит память? Я читаю ваши мысли, потому что живу в людских слезах. Знаю, о чём вы думаете и чего боитесь. Не плакала ли ты сейчас о нём, Говорящая с духами? – тут лицо Доктора стало вытягиваться, скулы обострились, удлинились волосы.

Аламеда чуть не вскрикнула: на неё смотрел Роутэг. Но через миг из его лица слепилось лицо Арэнки.

– Прими мой свадебный пояс, Аламеда, – сказал Мокрун в облики лесоруба, и у неё снова перехватило дыхание. – Ведь и этого ты боишься, правда?

Болотный дух опять стремительно менялся, истончались черты лица, увеличился разрез глаз – и теперь Аламеда увидела в водянистом образе саму себя, вернее нет, это была Лиз. Настоящая Лиз.

– А её ты ненавидишь, не так ли? – вкрадчивым голосом произнёс Мокрун. – Ненавидишь и тоже боишься... а я люблю её и найду способ убить тебя, – закончил фразу Дух, снова перевоплотившись в Доктора.

– Хватит, прекрати, – сказала Аламеда, – ты взял у меня достаточно страха... Теперь доволен?

– Нет не доволен, страха не бывает много, – ответил Дух, снова приобретая бесформенные слизкие очертания постоянно меняющегося пузыря. – Когда я пресыщусь кошмарами этого мира, я уйду в другой.

– Уйдёшь? Тебе известно, как найти Водные Врата? – удивилась Аламеда, но тут же сообразила: – Ну конечно, ты способен проникнуть повсюду, где есть вода, тебе не нужно искать проход между мирами...

– Да, Говорящая с духами. Мокрун живёт в любом водоёме, речке, луже, в самой мизерной дождинке или в капельке пота...

– Но если ты уйдёшь, что случится с этим местом? – встревожилась Аламеда.

– Здесь снова запоют птицы... – ответил Мокрун, перекатываясь скользкой массой по воде. – Ненадолго, пока чудовища Лакоса не проберутся в чашу, пока не превратятся в плотоядных монстров величественные мангры.

– Так значит, это из-за тебя лес молчит?

– Голоса птиц и животных – всего лишь плата за мою защиту... Ты однажды заставила змею заговорить, помнишь? И племени пришлось расплатиться за это...

– За всё ты берёшь плату... – проронила Аламеда с грустной усмешкой.

– Я только лишь восстанавливаю Равновесие... – ответил Дух.

– Мокрун, ты не можешь оставить это место, пока мы не построим лодку. Дождись, когда люди уйдут отсюда, иначе нам не выжить, – сказала она.

Прав был Арэнк... Оружие может понадобится ему очень скоро, но намного раньше, чем они покинут холм... Нужно во что бы то ни стало задержать здесь Духа...

– Остаться? – булькнул Мокрун. – И что я получу взамен?

Аламеда в растерянности глядела на него, и вдруг в голове родилась мысль.

– Страх. Много страха... Ты же хочешь испугать кого-нибудь по-настоящему? – сказала она.

– Да-а, – протянул Мокрун, и бездонные глаза его жадно расширились, как два огромных рта.

– Появись перед Доктором в моём облики – ты ведь сможешь попасть всего на мгновение в мой прежний мир? – и передай ему слова, которые я скажу тебе. Увидишь, его страх будет вдвойне велик, он испугается не только за себя, но и за ту, что любит.

– Говорящая с духами хитра... – проклокотало из бездонной воронки. – Что же, я сделаю, как ты просишь...

– Не сдерживайся, напугай его до смерти... – холодно произнесла колдунья.

Аламеда возвращалась в поселение. На лес уже спустился густой и тихий мрак. Только шорохи ночных животных, шум листвы и отдалённые голоса, звучавшие вокруг догорающего костра, разбавляли безмолвие холма. Внезапно она услышала чей-то тихий, но стонающий плач, доносившийся со стороны озера. Аламеда сделала несколько шагов во тьму... Муна?.. Та сидела на земле, упёршись боком о замшелый ствол, и плакала, то и дело ударяя по дереву кулаком. Вторая рука повисла плетью, волосы растрепались.

– Что с тобой, Муна? – спросила Аламеда, тронув ту за плечо.

Увидев её, девушка спешно вытерла слёзы.

– Ничего, уходи, – бросила она, проглотив ком, стоявший в горле.

– С тобой всё хорошо?

- Ты ещё и смеёшься? Хорошо ли мне? А по-твоему? - вскочила Муна, больше не сдерживая ярости. - Я видела вас с Арэнком там, возле озера. Что же ты не ответила ему? Ведь он предложил тебе стать его женой, не так ли? - слёзы опять самовольно потекли по её щекам, но она с досадой вытерла их. - Почему ты убежала? Зачем мучаешь его?

- Я не знаю, что ему ответить... - сказала Аламеда, хладнокровно выдержав испепеляющий взгляд Муны.

- Если не знаешь, тогда откажись от Арэнка! Откажись, Аламеда! - закричала та. - Скажи ему правду: ты не любишь его!

- Тебе откуда знать о моих чувствах?

- Я вижу твою нерешимость. Если бы любила, ты давно была бы с ним, - произнесла Муна, её глаза блестели от стоявших в них слёз и невыплеснутой злости. - Когда он говорит с тобой, ты не смотришь на него, словно твои мысли заняты кем-то другим. Скажи, я права?

- Он не любит тебя, Муна, - Аламеда отвела взгляд.

- Полюбит! Полюбит, если ты уйдёшь наконец с дороги. Он не замечает моего существования, потому что ослеплён тобой, твоей необычной красотой. Пойми, только это прельщает его. Но я терпелива, я умею ждать. И я люблю Арэнка. Люблю всем сердцем, Аламеда. Для тебя он лишь настойчивый поклонник и попытка утвердить своё положение в племени. Тебе льстит его внимание, но не больше. Знаю, здешние мужчины не пара таким, как ты и я, но когда мы пересечём Водные Врата и окажемся в другом мире, ты сможешь выбрать себе любого. А у меня не получится полюбить кого-то ещё, кроме него, я знаю, потому что настоящая любовь - она навсегда.

Аламеда впервые подняла глаза на Муну. Та была права, настоящая любовь - навсегда. Стала бы Аламеда так бороться за неё, как Муна? За Роутэга - несомненно, а за Арэнка?..

- Отступись от него, - повторила Муна, в её голосе прозвучала угроза, - или обещаю, я сделаю твою жизнь в племени невыносимой. Даже Нита тебя не защитит.

- Меня и так здесь не любят, - горько усмехнулась Аламеда.

- Тебя недолюбливают. Я же никогда не принимала ничью сторону, но теперь...

- То есть мне ещё и отблагодарить тебя нужно? - огрызнулась Аламеда.

- А чего ты ждала? Что я буду возиться с тобой, как Нита? - Муна презрительно хмыкнула. - Бедная Нита... Всегда рядом, всегда в твоём услужении.

- Почему ты так говоришь? Она для меня как сестра.

- Нет, нет, - покачала головой соперница, - Нита никогда не полюбит тебя, как сестру, а ты никогда не полюбишь её так, как она хотела бы, чтобы ты её любила.

- О чём ты? - оторопела Аламеда.

- Только не говори, что не знала, - зло рассмеялась Муна. - Ниту никогда не интересовали мужчины. Она сама как мужчина, по ошибке заточённый в женском теле. Нита любит тебя, неужели ты этого не видишь? Не замечаешь её молчаливых страданий... Как же глухо твоё сердце Аламеда, как же черство... Наверняка, оно никогда не любило и не болело...

- Ты ничего обо мне не знаешь и не смеешь так говорить, - колючий холод разрастался в душе Аламеды. Кто она такая, эта Муна, чтобы винить её...

- И не хочу знать... - ответила та с презрением. - Ты приносишь всем одни мучения. Просто оставь Арэнка, иначе я целое племя настрою против тебя, пока он сам не разочаруется в своём выборе.

- Ты угрожаешь? - грустно усмехнулась Аламеда.

- Мне не остаётся другого.

Муне действительно нечего было терять - Аламеда читала это в полных отчаяния глазах соперницы. Отчаяние, на которое толкали её неразделенные чувства. Но в эту минуту Аламеде совсем не было её жаль. Как она смеет называть её чёрствой? Хотя... наверное, Муна права: со смертью Роутэга сердце Аламеды превратилось в камень. В прошлой жизни ей выпала удача любить и быть любимой. Хоть недолго, но она была счастлива. Дозволено ли теперь Аламеде лишать этого другую, пусть та и ненавидит её?

А вдруг прав Доктор, и судьба даёт ей ещё одну возможность, вместо потерянной любви даря ей

новую? Может быть, когда-нибудь Аламеда полюбит Арэнка так же, как раньше любила Роутэга... Но как же мечь? Что же, всё забыть? Неужели она сможет вот так просто жить здесь, строить своё новое счастье, искать Водные Врата, зная, что Роутэг останется неотмщенным?

Аламеда чувствовала себя совершенно потерянной, мечущейся между многих огней. Предательские слёзы стали накатывать на глаза. Она отвернулась.

– Арэнк – не трофей, пусть выбирает сам, – подавив подкатывающий к горлу ком, сказала Аламеда и пошла прочь, с каждым шагом опасаясь, что Муна вот-вот догонит её, будет снова уговаривать и умолять, увидит её слёзы, но позади стояла лишь угрожающая тишина...

21. Мистерии Юнга

Открыв глаза, я увидел, что до сих пор лежу на кушетке в своём кабинете, за окном падает пушистыми хлопьями снег, а в камине потрескивают поленья. Мне потребовалось ещё несколько секунд для осознания того, что едва произошло. Я ввёл себя в самогипноз и сумел проникнуть в собственный сон. Лула оказалась права, я мог контролировать связь, которую установил с Аламедой, войдя с ней в контакт во время сеанса гипнотерапии. Невероятно... Настолько невероятно, что не может быть правдой, но это свершилось. Я находился там, в странном мире топей, болот и невообразимых, словно доисторических лесов. Пробирался по надводным корням деревьев не во сне, а физически, но одновременно находясь в собственном кабинете, на врачебной кушетке. Возможно ли это? Способности и непостижимость человеческого сознания поражали мой ум. Я пока не знал как именно уничтожить Аламеду, но пообещал себе выяснить это. Возможно, мне понадобится снова найти цыганку и спросить совета у неё.

Но в то же время меня одолевали сомнения. Вдруг всё это не более, чем игры моего воспалённого воображения? Что если любовь к Лиз довела меня до настоящего безумия, а Лула, Аламеда, моё путешествие в другой мир, – всего лишь симптомы болезни? Я слышал, даже Юнг неоднократно вызывал у себя состояние транса, чтобы пуститься в визуальные странствия, и позже всерьёз беспокоился о том, что ему грозит психоз и шизофрения...

В сочельник я находился в клинике. Родителям сказал не ждать меня на Рождество. Сослался на занятость, хотя на самом деле почти все мои пациенты разъехались по домам, но я даже мысли не допускал о том, чтобы оставить Лиз одну. К счастью, заведующий и большая часть персонала тоже отсутствовали, а значит, я мог надеяться на долгожданную встречу. Арольд, предвидя мои намерения, приставил к Лиз сразу же двух медсестёр. Старая Анна, по слухам вот уже тридцать лет вообще ни разу не покидавшая «Голубой Лес», за что-то невзлюбила меня с первого дня, как я появился в клинике. Зато вторая, молоденькая Мария, возможно, и не питала ко мне безоговорочной симпатии, но хотя бы коршуном не смотрела и к тому же была болтлива. Я попросил её зайти ко мне в кабинет под несуществующим предлогом: разобрать бумаги выписавшихся. С работой она справилась очень быстро: делать особо было нечего.

– И вот ещё что, Мария, – сказал я, когда она закончила, – у меня до сих пор лежат документы миссис Родрик. Передайте их доктору Арольду, ему они могут пригодиться. Кстати, как у неё дела?

Медсестра замялась немного, поправляя рукой свои короткие, осветлённые по моде волосы. Видимо, Арольд запретил персоналу обсуждать со мной состояние Лиз, но природная болтливость Марии взяла своё.

– Бедняжку так и мучают навязчивые сны, но теперь гораздо чаще, чем прежде, – сказала она, пожав покатыми плечиками, – а дневные приступы мы видим каждый день. Доктор Арольд уже несколько раз менял препараты. Она с них такая кроткая, тихая, но от приступов они не спасают. Бедная девушка, болезнь оказалась сильнее её. Подумать только, столь стремительное ухудшение и в таком молодом возрасте...

– Прежде Лиз очень помогала музыка, – прервал я щебетание Марии. – Она и сейчас играет на гитаре?

– Бывает, по вечерам, едва уймётся головная боль, но недолго. Побренчит чуток и убирает инструмент... А как раньше играла, помните? Часами сидела...

– Да, великолепно играла... Пойдите-ка, – я сделал вид, будто внезапно спохватился, – где же они... куда я их задевал... Ах вот, на днях пришла посылка из Штатов на её имя. Внешняя упаковка с адресом совсем намокла от снега и раскисла, я её выбросил. Вот, внутри были ноты и пластинка. Передайте Лиз, она, наверняка, обрадуется посылке. Возможно, у неё снова проснётся желание поиграть на гитаре.

– Конечно... Я передам, – сказала Мария, забирая документы и подарок. В её голосе прозвучало сочувствие: кажется, она не поверила мне, но пожалела.

Праздничный ужин накрыли в общей гостиной главного корпуса. За длинным столом, украшенным по центру ёлочными композициями из живых сосновых веток с гирляндами и стеклянными шарами, собрался персонал и оставшиеся пациенты обоих отделений. Старшая медсестра предусмотрительно посадила меня и Лиз по разные его концы, ещё и на одной и той же стороне, так чтобы я вообще не смог увидеть её из-за голов сидящих между нами людей. Повара «Голубого Леса» превзошли самих себя, приготовив к сочельнику потрясающее фондю, но даже пряный аромат белого вина и мускатного ореха не смогли пробудить во мне аппетита, достойного этого вкуснейшего блюда. Весь вечер я ловил малейшие движения на дальнем конце стола, чтобы хоть краем глаза увидеть Лиз, но мне пришлось довольствоваться лишь созерцанием изящных кистей её рук, которые изредка тянулись к какому-нибудь блюду или поднимали бокал с водой. Я не видел её

лица, но чувствовал, что она сама иногда смотрит на меня сквозь всех разделяющих нас пациентов и их медсестёр.

Больных увели в десять вечера, как полагалось по распорядку, сразу же после рождественского пирога. Лиз, будто нарочно, окружили другие пациенты и сопровождавшие их медсёстры, и мне так и не удалось встретиться с ней взглядом, но я заметил, как же стало ей велико её прекрасное кремовое платье – она очень сильно похудела. Внезапно Лиз сама обернулась, словно ища кого-то глазами. Наши взгляды встретились, и я понял, что искала она именно меня. На полсекунды я почувствовал себя невероятно счастливым, пока вычурный чепец Анны, вновь не загородил её от меня. Ничего Лиз, продержись ещё немного, скоро я избавлю тебя от Аламеда, подумал я, глядя ей вслед.

Все разошлись, прислуга убрала гостиную от остатков недавнего пиршества. Я сидел в одном из кресел, составленных вокруг камина, и пил бренди с мистером Бейтсом. На столике перед нами стояла початая бутылка. Отец Патрика лично приехал в клинику, чтобы отвезти сына домой на Рождество, но тот наотрез отказался. Холёное, с аккуратной густой бородой лицо железнодорожного магната, его безупречный костюм и аристократические манеры выдавали в нём очень состоятельного человека и крупного дельца, не привыкшего к уступкам. Бейтс несколько дней ругался с сыном, но так и не смог уговорить его на поездку.

Старика до сих пор разбирала досада, но ему не оставалось другого, как принять моё приглашение отметить Рождество в клинике: вернуться в Англию к сочельнику он бы уже не успел. Компанию нам составил один пожилой немец, приехавший в «Голубой Лес» навестить свою жену, пациентку Арольда, которая по состоянию здоровья не могла поехать на праздники домой. Мы немного поговорили о погоде, политике, местных нравах и прочих толком не интересующих никого из троих вещах, затем немец стал клевать носом и тихо засопел, а Бейтс начал допытываться у меня, каковы успехи в лечении Патрика. Я в общих словах рассказал ему о наших достижениях, и наконец разговор зашёл об «извращённых» пристрастиях молодого человека, коими отец именовал писательство и преступную любовь.

– Поймите, мистер Бейтс, я не могу принудительно лечить вашего сына от того, от чего он не хочет лечиться, – сказал я, пытаюсь пробить стену условностей, которой огородил себя консервативный аристократ. – Это не алкоголизм и не белая горячка, не агрессивное поведение. Эти его склонности не представляют угрозы для общества, поэтому только пациент может решить, желает ли он избавиться от своих пристрастий или нет. И если гомосексуальность я ещё могу считать отклонением и лечить при согласии Патрика, то его писательское призвание, увы, неизлечимо.

– Но он мой единственный наследник! – возмутился слегка захмелевший от виски Бейтс, и его борода затряслась от негодования. – Я хотел ввести Патрика в состав акционеров Большой западной железной дороги! Вы представляете, какой выйдет скандал, узнай партнёры о его порочности? А это дурацкое сочинительство? Ну мы же с вами понимаем, доктор, бессмысленные писаки не способны дать никакого заработка.

– Здесь я могу с вами поспорить... – возразил я. – Патрик пишет весьма занимательные книги...

– Умоляю вас! Не Диккенс же он, ей-богу! Да и какой из писателя делец? Его же сожрут конкуренты и не подавятся!

– Единственное, что могу посоветовать вам, мистер Бейтс, – это принять сына таким, какой он есть, – сказал я с осознанием того, что нагнетаю на себя немалые проблемы с Арольдом. – Возможно, тогда Патрик сблизится с вами и сам захочет помогать вам в ведении дел.

– Эх, – досадливо махнул рукой железнодорожник, расплескав при этом виски, – пока его голова забита писательской ерундой и порочными помыслами, в делах он совершенно бесполезен. Сестра Патрика понимает в них больше, чем он – вот у кого расчётливое чутьё и коммерческая хватка. Любого проныру за пояс заткнёт.

– Так почему бы вам не ввести в правление её саму?

– Женщину? Да вы смеётесь! – воскликнул Бейтс, глядя на меня с негодованием.

– Вовсе нет, – невозмутимо ответил я. – Сейчас женщины с большим успехом проявляют себя в исконно мужских областях...

– Ну уж нет, – прервал он меня, весь сотрясаясь от возмущения, – я не потерплю этих суфражистских разговорчиков! Эмансипация женщин и прочий бред... И этому человеку доверили лечение моего сына! Доктору Арольду придётся объяснить мне это обстоятельство!

– Патрик поступил к нам с белой горячкой, от чего успешно вылечился, – заметил я хладнокровно. – А в остальном каждый доктор может иметь собственные убеждения, которые никак не влияют на ход основной терапии.

– Вы врач и должны быть образцом морали, а не разносчиком новомодных идей! – Бейтс поднялся и, демонстративно стукнув пустым стаканом о столешницу, спешно вышел из гостиной.

Громкий звук разбудил задремавшего у огня немца, он на секунду поднял на меня сонный, осоловелый взгляд и снова засопел.

Глупо получилось. Я усмехнулся про себя. Не стоило затрагивать тему эмансипации... Кто тянул меня за язык? Теперь проблем с Арольдом не оберёшься... Ну и бог с ним. Разве это единственная моя беда? Я допил виски под ровный храп немца и ушёл к себе в кабинет.

Ещё никогда я не встречал сочельник с таким грузом на душе. Мне не только светило увольнение – теперь я знал, что один могу помочь Лиз, хотя толком ещё не представлял, как именно. Сегодня мы были с ней так близки – всего лишь на расстоянии обеденного стола, но вместе с тем казалось, будто между нами пролегла непреодолимая пропасть...

Мне не хотелось возвращаться в свою пустую квартиру, и я решил заночевать прямо в кабинете, на диване. Возможно, сказались вино, выпитое за ужином, и две порции виски – усталость сморила меня. Ещё какое-то время я сидел в кресле у камина и смотрел на блики пламени, размышляя о мистериях Юнга и своих визуальных странствиях в загадочный затопленный мир.

Было поздно. Я снял пиджак, сбросил ботинки и подошёл к умывальнику. Прислуга несколько раз в день наполняла фарфоровый таз тёплой водой, но она, конечно же, давно остыла. Зеркало, висевшее над туалетным столиком, отразило моё уставшее и осунувшееся лицо. Куда делся тот блестящий и перспективный молодой врач, который красовался в нём ещё полгода назад? Я зачерпнул полную пригоршню и плеснул её себе на голову, желая смыть алкогольную усталость и тревожные мысли, затем снова потянулся было за водой, но вдруг руки инстинктивно одёрнулись, и меня повело в сторону. Хватаясь в панике за предметы, я упал на подвернувшийся рядом секретер. Из таза сочилось что-то живое. Некая прозрачная субстанция, в желейной массе которой вдруг появились... глаза.

Я спешно вытерся рукавом и несколько раз плотно сжал веки, но видение никуда не исчезло. Неужели два бокала виски способны вызвать такие галлюцинации? Хватая ртом воздух, я сполз на стоявшее рядом кресло. Существо из умывальника росло на глазах и подрагивало, как холодец, а два чёрных кукольных зрачка жадно пожирали меня и будто бы наслаждались произведённым эффектом.

– Что за чертовщина? – пробормотал я, дотронувшись до своего лба: он был холоден, как лёд.

– Боишься, доктор? – проронил kloкочущий голос из образовавшейся в желейной массе воронки.

Боялся ли я? Да у меня буквально кровь застыла в жилах, но не только от вида этого чудовища, а скорее от осознания собственного безумия. Я принялся перебирать в голове подходящие диагнозы и тут вдруг увидел себя в зеркале. Лицо моё побелело, как мел. Кажется, я дрожал. Был в отражении и таз с водой, но слизкое существо в нём не отображалось.

– Кто т-ты? – выдавил я из себя.

– Я олицетворение твоих страхов, – проклокотало чудовище, и вдруг стало прямо на глазах принимать человеческое обличие, как бесформенный кусок льда превращается в изящную скульптуру. Сверху и по краям обозначились длинные линии волос, меж них – овальное лицо, на котором возникли нежные губы и миндальный разрез глаз. Не успел я бессознательно потянуться за прекрасным видением, так напоминающим Лиз, как оно снова стало стремительно меняться. Чётче выступили скулы, истончился овал лица, ещё больше удлинились волосы – передо мной была она, настоящая Аламеда, такая, какой я однажды видел её в своём сне.

– Оставь меня, доктор, отпусти моё сознание, – сказала она омерзительным гортанным голосом слизкого чудовища. – Теперь ты видишь, на что я способна, и, если появишься в моём новом мире хоть раз, я приду ещё, но уже не к тебе, а к той, которую ты любишь. Она взглянет на саму себя, своё неотступное видение в этом мерзком обличии...

– Нет, не смей, не трогай её! – прокричал я, испугавшись за Лиз ещё больше, чем за себя, но Аламеда стала растворяться, черты её лица сглаживались, и вскоре передо мной опять была бесформенная масса с глазами, которые ещё какое-то время жадно таращились, словно высасывая своим бездонным ртом весь объявлявший меня ужас.

Следом желейная субстанция снова затянулось обратно в таз и через мгновение я уже трогал дрожащими пальцами обычную холодную воду. И вот тут меня объял второе большее страхи, чем тот, что я испытывал секундой ранее. Нет, я не был безумцем, теперь я уверился в этом. Точно так же, как не была безумна Лиз. В один миг я понял, что ей никогда не поможет психиатрия. Не спасу её ни я, ни Арольд, ни Шварц-Гаус, ни таблетки, ни сеансы гипноза в лесу, потому что с медицинской точки зрения она совершенно здорова! Не болезнь овладела моей Лиз, а нечто потустороннее. То,

чему наука никогда не найдёт объяснения, поэтому бесполезно искать помощи в медицинских трактатах – психиатрия здесь бессильна.

Но если Лиз, с её теперешним душевным состоянием, хотя бы раз привидится то, что едва привиделось мне, она действительно может помутиться рассудком, а у Арольда появится очередной повод, чтобы увеличить дозу лекарства, или прибегнуть к ещё более радикальным методам.

Что делать, я не знал. Если я попытаюсь вновь добраться до Аламеда, она одолеет Лиз страшными видениями. Этого я не мог допустить. Гадалка говорила: «Если мёртвую душу связывает с нашим миром жажда мести, сама она не уйдёт, пока не отомстит». Аламеда была настроена решительно. Она вздумала переселить свою душу в Лиз, чтобы потом поквитаться с её отцом. Отчаяние овладело мной.

Мне перехотелось спать, я снова надел ботинки и пиджак, сходил на кухню, где ещё прибиралась после праздничного застолья прислуга, и попросил заварить мне крепкий чай. Кухарка шарахнулась от меня, словно увидев привидение, но чайник всё же поставила.

Вернувшись в кабинет, я сел с чашкой за рабочий стол и принялся думать. Даже теперь, когда всё уже давно позади, написав эти строки, я понимаю, насколько безумно они звучат для привычного ко всему нормальному обывателя. Разумеется, тогда я не мог даже мысли допустить о том, чтобы кому-то рассказать о своих фантастических догадках: ни Шварц-Гаусу, ни Арольду, никакому другому коллеге. Мне бы тут же предложили переехать из моего кабинета напрямик в одну из соседних палат.

В Бога я не верил и придерживался атеистических взглядов с тех пор, как занялся наукой, но в тот сочельник я всё же вспомнил выученные в детстве молитвы и попросил Господа помочь Лиз и простить её непутёвого отца, а заодно и упокоить души двух погибших по его вине туземцев.

22. Увольнение

Я проснулся с чувством, что не спал целую неделю. За окном брезжил рассвет. Рубашка взмокла от холодного пота и липла к телу. Содрав её с себя, я не без опаски приблизился к умывальнику, но, убедившись, что внутри никого нет, погрузил голову в холодную воду. Затем весь обтёрся мокрым полотенцем и переоделся в чистую сорочку, по счастью нашедшуюся в моём кабинете (прачка иногда доставляла мне постиранное и выглаженное бельё в клинику, а не на квартиру). Будильник на тумбочке показывал пять утра. Я проспал не более трёх часов, но холодная вода выбила из меня остатки сна.

Я до сих пор помнил свой короткий сон. После встречи с чудовищным созданием из умывальника мне по обыкновению приснилась Аламеда: с ангельским лицом Лиз и тёмными, красивыми, но полными ненависти глазами индейской девушки. По правде говоря, я надеялся встретиться с ней во сне, потому что хотел убедить её не осуществлять своего страшного обещания. На этот раз я намеревался пообщаться с ней спокойно – угрозы всё равно не помогут, от них она озлобляется ещё больше. Почему бы не попытаться поговорить с ней не как с врагом, а как... с пациенткой? – подумал я.

Я знал, что сплю и что спит она. Ощущения во сне в корне отличались от тех, которые я испытал, перенеся своё сознание в заболоченный мир при помощи самогипноза. В этот раз я был всего лишь наблюдателем, а тогда присутствовал при настоящих событиях, происходивших в древнем лесу.

Аламеда собирала ягоды в чаще, ступая босыми ногами по мягкой почве, покрытой мхами и опавшей листвой, но едва она увидела меня, корзина выскользнула из её рук, и ягоды красным дождём высыпались на землю, словно оросив её каплями крови.

– Опять? – проговорила она, прожигая меня взглядом. – Я ведь сказала не приходить больше. Если ты не оставишь меня, я изведу Лиз видениями пострашнее того, что тебе явилось сегодня.

– Наяву я больше не появлюсь, – поспешил заверить я Аламеду. – Вчера я ввёл себя в транс, чтобы проникнуть сюда, и обещаю больше не делать этого. Но не в моих силах контролировать свои сны и галлюцинации, как и твои, ведь теперь ты спишь, Аламеда. Мы оба спим. Я не могу избавиться от этих снов.

– Не можешь или не хочешь? – сказала она, метнув на меня колкий взгляд, и принялась машинально собирать рассыпавшиеся ягоды в корзину.

– Не могу, не понимаю как... – ответил я честно. – Сны приходят сами собой.

– Но ведь ты мог бы окончательно оборвать нашу с тобой связь? – произнесла она, так и смотря на меня волком. – Однажды ты её как-то установил...

– Мог бы, – отважился сказать я, решив быть с ней откровенным для того, чтобы завоевать её доверие, – но и это пока не в моих силах. Тогда я ввёл Лиз в транс и на глубоком уровне её подсознания встретился с тобой... Разорвать нашу связь сможет лишь повторное вхождение Лиз в состояние гипноза, но мне запрещают её видеть...

Аламеда молчала, сосредоточенно собирая рассыпавшиеся ягоды, и наконец проронила:

– Мне жаль тебя, Доктор, ты влюбился не в ту девушку...

– Если бы в любви можно было выбирать умом, а не сердцем...

Она прервала своё занятие, посмотрела на меня с тяжёлой печалью во взгляде и кивнула, словно соглашаясь со мной.

– Скажи, как тебе удалось попасть в тело Лиз? – спросил я, заметив некую оттепель в её взгляде.

Аламеда долго молчала, и я уже решил было, что она мне не ответит, но та наконец сказала:

– В день моей смерти я расколола свою душу, и один маленький осколок попал в Лиз.

– Осколок... – повторил я. – Знаешь, он причиняет ей большие страдания...

– Знаю, – миндальные глаза неподвижно смотрели на красноватый закат. – А ты знаешь, отчего раскололась моя душа? На что обрекла меня встреча с Лиз и её попутчиками? Чего я лишилась, и во что превратилось моё существование?

– Да, отец Лиз рассказал о случившемся в сельве, и мне очень жаль. Но она не виновата. Лиз всего лишь сопровождала его, а он выстрелил по ошибке и вовсе не хотел никого убивать...

- По ошибке?

- Он испугался...

- По ошибке? - Аламеда смотрела на меня во все глаза и вдруг засмеялась, но этот смех начал перемежаться всхлипами, пока не перешёл в отчаянные рыдания. - По ошибке... - повторяла она снова и снова. - Ты утверждаешь, доктор, что я лишилась жизни, любви, своего мира и самой себя - по ошибке?

На этот раз молчал я, всё больше и больше проникаясь сочувствием к несчастной индейской девушке, не имея даже возможности взглянуть в её настоящее лицо...

- По ошибке, - снова повторила Аламеда, но уже не плача. - Что ж, значит, кому-то придётся за неё расплатиться.

- Прошу тебя, не делай этого, - сказал я, остановив её руку, которая снова принялась механически собирать ягоды в корзину. - Пусть всё вернётся как раньше, до нашей с тобой встречи. Лиз продолжит сосуществовать с твоим осколком в душе, видеть сны о болотах, но она будет жить, смеяться... Если ты вернёшь всё, как было, обещаю, я найду способ снова ввести её в транс и закрыть ту дверь, которую сам когда-то открыл. Я больше никогда не приду к тебе в твоих снах и видениях. Только откажись от мести, не забирай у меня Лиз. Не забирай, Аламеда...

А ведь проклятый Арольд оказался прав, я не должен был применять гипноз. По моей вине Аламеда нашла путь в свой прежний мир и теперь выживает Лиз из её тела. Какой же я глупец...

Я всё стоял и ждал ответа, а она продолжала собирать ягоды и молчать, и вскоре я проснулся, так и не услышав от неё ни слова. Открыв глаза, я понял, Аламеда не передумает, мне ни за что на свете не переубедить её, жажда мести сильнее её самой. Она не успокоится, пока не завладеет душой и телом той, которую считает повинной в своих несчастьях.

Допив остатки холодного чая и надев врачебный халат, я вдруг понял, что должен непременно рассказать обо всём Лиз. Утренний обход начинался в шесть, а после сочельника, возможно, и позже - успею. Главное проникнуть незамеченным в новый корпус. Я накинул пальто и шляпу - чтобы не застудить мокрую голову - и направился к зданию нового отделения.

Шёл снег, было ещё темно, но над горами небо уже начало терять сочность своих красок. Мне повезло: дверь служебного входа, располагавшегося с торца, была открыта, дворник выносил оставленный с вечера мусор. Я дождался, пока он отвлечётся, и проскользнул на чёрную лестницу. Там, в каком-то закутке, я оставил пальто и шляпу,

Коридоры отделения ещё пустовали и только слышался шорох газеты, которую листала в своей комнатке ночная сиделка. Погружённая в чтение, женщина не заметила меня. Палату я нашёл без труда, она была закрыта снаружи на ключ, который, к счастью, торчал из замочной скважины. Бесшумно провернув его, я вошёл внутрь. Лиз спала, но только я сделал два шага, она открыла глаза.

- Доктор Ланнэ? Вы мне сниться? - спросила Лиз сквозь лекарственную полудрёму. Смятые ото сна волосы обрамляли её похудевшее лицо, но она была по-прежнему красива, как нежный полевой цветок.

- Нет, Лиз, не снюсь, просыпайся, мне необходимо с тобой поговорить, - сказал я, присев в кресло у её постели.

Она приподнялась на подушках, продолжая глядеть на меня так, словно видит приятный сон.

- Это правда вы? - она дотронулась до моей щеки, но тут же одёрнула руку, будто уколотившись.

- Это правда я, - сказал я с улыбкой, сумев поймать её ускользающие от моего лица пальцы, и снова приложил их к своей щеке.

- Правда вы, - повторила она, дотрагиваясь мягкими подушечками до моих скул и подбородка.

Я повернул голову и поцеловал её в ладонь.

- Зови меня просто Артур.

Лиз смущённо улыбнулась и кивнула.

- Так значит, это был ваш... твой подарок? - спросила она, указав на столик возле окна, где лежала распечатанная пластинка и раскрытые ноты, а рядом к стене была прислонена её гитара.

- Мой, - ответил я. - Ты уже играла?

- Пока не очень получается, у меня не было много времени, чтобы попрактиковаться... Мне теперь его всегда недостаёт... - лицо её стало вдруг серьёзным. - Почему ты не приходил раньше? Почему не ответил на моё письмо?

- Я не мог, Арольд узнал о сеансе гипноза и запретил приближаться к тебе под страхом увольнения. В какой-то момент я и сам поверил, что только наношу тебе вред своим присутствием...

- Это не так, - покачала головой Лиз, - с тобой я чувствовала себя счастливой... и почти нормальной... Но, к сожалению, мой случай безнадежен, не стоит рисковать местом, ради меня. Тебе лучше уйти, пока Анна не пришла...

- Лиз, - я взял её лицо в свои ладони, - посмотри мне в глаза и выслушай внимательно. Ты не больна.

Она опустила веки и замотала головой, через силу улыбаясь.

- Поверь мне, - повторил я, продолжая ловить её взгляд. - Если больна ты, то болен и я, потому что и ко мне является девушка с твоим лицом и чужими глазами.

- Что ты говоришь? - она тревожно посмотрела на меня.

- Ты не больна, Лиз, - повторил я, - ни один доктор не сможет тебе помочь, потому что ты не нуждаешься во врачебной помощи.

- Я тебя не понимаю, Артур. Зачем ты говоришь мне всё это? - её щёки покраснелись, дыхание стало сбивчивым, она потянулась к тумбочке, на которой лежала доза успокоительного.

Я остановил её руку.

- Не принимай таблетки. В тебе живёт потусторонняя сила. Просто поверь мне, это так. Она завладевает тобой, Лиз, а лекарства только делают твоё сознание более безвольным и податливым для вмешательства извне. Пообещай мне, что больше их не примешь.

- Но я должна, сестра контролирует меня.

- Сделай вид, что выпила, а затем выплюнь незаметно. Обещай поступить так, как я тебе говорю.

- Но я...

- Лиз, просто поверь мне.

Я понимал, что мои просьбы бессмысленны до тех пор, пока она не знает всей правды. Времени у меня было в обрез. В коридоре уже слышалось движение санитарной тележки, на которой дежурная медсестра развозила больным утреннюю дозу лекарства. И тогда я решил рассказать Лиз всё, что знал сам: об её отце и убийстве в амазонской сельве, об Аламеде и моих снах. Я говорил, но выражение её лица не менялось. Она смотрела в пустоту, лишь изредка переводя на меня взгляд, но я знал, что внутри её бушевал настоящий пожар, и боялся, как бы он не сжёг Лиз, как бы весть об отце не оказалась для неё слишком тяжёлой. Но едва я закончил, за стеной брякнула тележка санитарки, дверь открылась, и по взгляду вошедшей Анны я понял, что вижу Лиз в последний раз. Ледяной голос старшей медсестры сухо попросил меня выйти из палаты.

Спустя три дня в клинику вернулся Арольд и тут же вызвал меня к себе. Я сидел за его столом, созерцая лысый, в коричневых пятнах череп. Такие же, в пятнах, старческие кисти рук пододвинули мне под нос письмо об увольнении.

- Думаю, вам не нужны пояснения, - сказал он, не поднимая взгляд.

- Отчего же, - ответил я жёстко, - с интересом выслушаю их.

Арольд посмотрел на меня и ухмыльнулся.

- Вы пробрались ночью в палату пациентки. Вам этого аргумента недостаточно?

- Было уже утро, - поправил я его.

- Простите? - переспросил он, хмуря лоб.

- Вы сказали, что я пробрался в палату Лиз ночью, но было утро, половина шестого.

Он откинулся на спинку кресла, заинтересованно глядя на меня.

- Ланнэ, вы прекрасно знаете, что не должны были находиться там, но если вам недостаточно этого

аргумента, то побег одного из ваших пациентов станет веским к нему дополнением.

– О ком это вы?

– Вы утверждаете, будто не в курсе того, что Патрик Бейтс сбежал? – Арольд вскинул бровь. – Мистер Бейтс в бешенстве. Сказал – едва сына отыщут, он переведёт его в другую клинику. Теперь я по вашей вине должен ломать голову над тем, как заставить его передумать...

– С чего вы взяли, что Патрик сбежал? – прервал я заведующего, изобразив крайнее удивление. – Я выписал его.

– Вы что?.. – кажется, у Арольда от негодования затряслись руки.

Я лишь пожал плечами, едва сдерживая улыбку, и вынул из нагрудного кармана свёрнутую бумагу – мою копию выписного листка, который я только накануне передал Патрику после нашего разговора. Я откровенно изложил ему моё шаткое положение в клинике и перспективы его дальнейшего лечения под руководством Арольда. Кажется, молодой писатель сделал верный выбор.

– Подписывайте документы, – сказал Арольд, стиснув зубы.

– Вы уверены, что доктор Шварц-Гаус, вернувшись из поездки, одобрит ваше решение? – спросил я, хотя и не надеялся, что это поможет.

– Шварц-Гаус, как и я, и остальной персонал клиники, зависит от взносов, которые платят родственники наших пациентов, – сухо отрезал Арольд, принимая из моих рук подписанную бумагу. – Всего доброго, Ланнэ.

Не могу сказать, что увольнение слишком сильно выбило меня из колеи, я даже всерьёз подумывал тогда о том, чтобы навсегда покончить с врачебной практикой. Попрощавшись со своими пациентами и медперсоналом, в тот же день я уехал в Цюрих, снял там первую подвернувшуюся комнату и занялся поисками цыганки.

23. Выбор

Время летело незаметно. Вода медленно, но верно подступала к холму, и замшелая влага начинала взбираться по корням кустарников, росших на его склонах. На западном берегу во всю кипела работа. От упавшего дерева не осталось и следа, теперь его исполинским величием завладело новое детище Арэнка – огромное, высеченное из могучего ствола судно. Его тоже прозвали Великаном, в дань погибшему дереву. Борта уже обтесали снаружи и почти закончили выдалбливать изнутри. Оставалось ещё покрыть его толстым слоем смолы, перемешанной с соком ядовитых растений, чтобы держать подальше тех морских тварей, которые не прочь полакомиться древесиной. Лодка получилась гораздо больше прежней. Каждый раз, когда Аламеда смотрела на неё, она напоминала ей половинку продолговатой скорлупы огромного ореха.

После разговора с Муной Аламеда ждала, что вскоре та нанесёт ей удар исподтишка, выполнит свою угрозу настроить против неё всё племя, но та, наоборот, была как-то чересчур тиха и молчалива в последнее время. Не вбегала в хижину, будто ураган, не говорила Аламеде колкости по любому поводу. Целыми днями она пропадала в лесу, собирая в одиночестве ягоды и корни. Даже Нита начала беспокоиться за сестру.

Однажды утром, в один из дней отдыха, поднялся большой переполох. Солнце занималось над лесом. Всё племя сидело вокруг нагреваемого на огне плоского камня, на котором пеклись утренние лепёшки из семян жёлтых колосков, что росли в лесу. Их так и прозвали – хлебные колоски. Это Калû догадалась, что из толчёных семян получается вкусная мука. Мальчишки, поевшие раньше всех, убежали играть на берег. В подражание взрослым они строили свои лодки, выдалбливая заострёнными камнями углубления в толстых ветках, и затем пускали их по воде, соревнуясь, чья проплывёт дальше. Но в этот раз, не успев уйти, ребятня вернулась в поселение и стала звать всех быстрее спуститься к воде, чтобы посмотреть на Великана.

Лицо Арэнка помрачнело, как небо перед грозой.

– Что случилось? – спросил он каменным голосом.

Все с тревогой смотрели на него. Слишком велика была боль от потери первой лодки. В этот раз Арэнк закрепил судно и сами мостки так, что даже богам не удалось бы сдвинуть его с места. Что же с ним могло произойти?

– Пойдём, пойдём, Арэнк, – подскочил Лони, тяня его за руку, – сам увидишь.

Тревога Арэнка передалась и Аламеде. Хоть бы с судном не случилось ничего непоправимого. Воображение уже рисовало самые страшные картины, вплоть до того, что Мокрун неожиданно покинул топи, и в них пробрались чудовища, сродни тем, которые едва не сожрали когда-то плавучий остров. Но только люди достигли спуска, все так и замерли в изумлении... Великан был чудесен. На его гладко обтёсанных боках пестрели яркие краски, они переплетались в сложный орнамент из загадочных символов и фигур летящего дорея. Это же знаки рода Арэнка, догадалась Аламеда, те самые, что были на борту его старой прогнившей лодки.

На лице молодого вожака расплылась счастливая улыбка, он обернулся, обводя взглядом соплеменников.

– Если это не боги спустились с небес и расписали наше судно, то признавайтесь, кто из вас сделал мне такой великолепный подарок.

Все недоумённо переглядывались, разводя руками. И тут вдруг Аламеда поняла: это же Муна. Она отыскала её глазами в толпе. Та стояла чуть в стороне и покусывала губы, сдерживая улыбку. Ну конечно, пропадая в лесу, она смешивала соки ягод и растений, перетирала их корневища, чтобы получить краски. А потом, наверняка, нашла обломок прогнившей лодки на берегу и перенесла его рисунки на бока Великана. Сколько же любви в этой кропотливой работе. Должно быть, Муна не спала всю ночь. Чувство вины снова сжало Аламеде сердце, но она через силу подавила его...

Прошло много дней. Арэнк так и не догадался, кто украсил судно его родовыми символами, а Муна почему-то не созналась. Опять она была молчалива и хмура, словно туча. Он заговаривал с ней, как со всеми, иногда улыбался, рассказывая ей о чём-то, но никогда не смотрел на неё так, как смотрел на Аламеду. Одна Нита понимала, что происходит с сестрой.

Как-то днём, когда племя было занято своей работой и снова настал черёд Аламеды готовить на всех, она подсела к её костру.

– Аламеда, послушай, – сказала Нита, заправив за ухо короткую выбившуюся прядь. Она выглядела серьёзной и, казалось, сомневалась, спросить или нет. – Все в племени догадываются о том, что ты нравишься Арэнку... А сама... что ты чувствуешь к нему?

От неожиданности Аламеда едва не порезалась, очищая корнеплоды на похлёбку. Она выронила нож, и приложила палец к губам, чтобы унять саднящую царапину.

– Прости, это из-за меня? – беспокоилась Нита. – Покажи. Порезалась?

– Нет, ерунда, – Аламеда снова взяла нож и принялась очищать корни. – Почему ты спрашиваешь? – она догадывалась, куда клонит подруга. Хороший вопрос... Ещё бы самой знать, как ответить на него.

– Муна совсем мне не нравится, – сказала Нита, покачав коротко стриженной головой. – На себя не похожа. Молчит, ни с кем не разговаривает, но я вижу, как она смотрит на вас – на тебя и Арэнку, если вы говорите о чём-то. Особенно на него, когда он проходит мимо, не замечая её. Сестра молчит, но внутри перегорает, я вижу. Сколько помню её, никогда ей так никто не нравился. Знаешь, это Муна расписала Великана, я сразу поняла, хоть она и не сознаётся мне. Но Арэнк не догадался, и ей теперь ещё хуже, чем раньше.

– Зачем ты говоришь мне это, Нита? – проронила Аламеда, внутри себя начиная злиться. – Что я могу сделать, если он не замечает её?

– Ну... – растерялась та. – Он нравится тебе?

– Это моё дело, Нита.

– Конечно. Прости. Но ты же ведь... не ей в отместку с ним? Правда? – осторожно произнесла она, глядя на Аламеду исподлобья. – Знаю, Муна была не слишком добра к тебе... Ты ведь не решила поквитаться с ней?

– А даже если и так, что с того? – быстро проговорила Аламеда, на миг оторвавшись от работы и метнув на Ниту колкий взгляд. Она понимала, что злится прежде всего на саму себя, но и на подругу тоже: та нещадно вытягивает наружу все её неразрешенные сомнения.

– Если так, то нехорошо, наверное. Неправильно, – пожала плечами Нита. – Я в сердечных делах не понимаю, но нельзя так, мне кажется, с чужими чувствами.

Аламеда молчала и, поджав губы, нарезала корневище в котелок. Да. Ничего ты не понимаешь, Нита. Чужие чувства можно растоптать, растерзать на мелкие кусочки. Быстро. За один день, за всего лишь миг. Смешать с землёй и кровью. С ней, Аламедой, так и поступили, и никто не задавался вопросом, можно это или нельзя, правильно или нет. А что если так только и правильно, так и нужно?..

– Я знаю почему ты завела этот разговор, – сказала она, словно обороняясь, – ты сама надеешься, что я... что ты и я...

– Нет-нет, – не дала договорить ей Нита. – Нет, Аламеда, я ни на что никогда не надеялась. Знаю, что не могу... – её сильные плечи сразу поникли, в глазах мелькнуло нечто сродни разочарованию. Она собралась было подняться, но вдруг спросила: – Скажи, Аламеда, тот смельчак из сказки, которого убил Буктана, был твоим женихом?

Аламеда вся напряглась, кровь хлынула в голову, в ушах зашумело.

– Ты до сих пор любишь его? – продолжала Нита, а для Аламеды каждое её слово было, как проворот кинжала в груди.

Она часто задышала, руки опять дрогнули, захотелось резко ответить Ните, но вдруг к огню подсел Лони.

– Килайя, ты больше не рассказываешь мне сказок, – пожаловался он, выстрегивая что-то из обрубленного сучка.

– Не называй меня так, – бросила Аламеда, – сколько раз говорить. Я Аламеда, А-ла-ме-да, понятно?

– И животных мне больше не мастеришь, – понуро пробормотал мальчишка. – Смотри, как плохо у меня выходит, – он протянул ей свою грубо обтёсанную деревянную птицу.

– Мне не до твоих игрушек, Лони, – не скрывая досады, бросила она.

Он утёр нос грязным кулаком и, пряча глаза, отвернулся к костру, делая вид, будто подбрасывает ветки.

– Что я такого сказала? – с вызовом проговорила Аламеда в ответ на укоризненный взгляд Ниты. – Я ему не мать.

Она тут же пожалела о своих словах. Лони грустно посмотрел на неё исподлобья и вдруг вскочил, бросив птичку, и побежал прочь.

– Стой, Лони, – выкрикнула Аламеда.

Нита поднялась и, не сказав ни слова, пошла за ним.

Аламеда с досады бросила корень в огонь. Всё она портит, всем мешает. Она такая же лишняя здесь, как вторая луна, внезапно пришедшая на небосклон. Теперь даже Нита с Лони в ней разочаровались. А впрочем, не всё ли равно. Совсем скоро нужно будет выбирать. Уйти или остаться. Любить или мстить. Аламеда сжала амулет на груди: он становится всё теплее. Тело Лиз, считай, в её власти. Виновные в смерти Роутэга наконец получают возмездие. Но Арэнк... Аламеда опять принялась за работу. Лишь бы не думать, лишь бы не ставить снова перед собой невозможный выбор.

Арэнк пришёл вечером, когда в лесу уже смеркалось, уставший и со стружкой в волосах. Он часто заходил к Аламеде после тяжёлого трудового дня, выпивал стакан древесного сока, мастерил для Лони маленькие топоры с деревянной рукояткой и каменным остриём, говорил с Нитой о лодке: та сама не раз помогала мужчинам в строительстве. И уходил. Уходил с таким выражением во взгляде, как будто недосказал чего-то. И каждый раз Аламеда боялась вновь увидеть в его руках свадебный пояс, но Арэнк больше не заводил прежних разговоров и будто ждал каких-то слов от неё, но она молчала.

Когда он уходил, Аламеда долго смотрела ему вслед и каждый раз видела в удаляющемся силуэте Роутэга. А тот меж тем стал часто сниться ей, когда не снился проклятый Доктор. «Роутэг! Роутэг...» – звала его Аламеда, стоя с протянутыми руками у реки. Он выходил из воды и шёл к ней, улыбаясь одними глазами, как делал всегда, и, подойдя, спрашивал: «Ты пойдёшь со мной Аламеда?» Она брала его за руку, и они вдвоём уходили навстречу восходящему солнцу...

– Что скажешь, Арэнк, скоро отправляемся? – спросила Нита, когда лесоруб подошёл к их хижине. Она вернулась вместе с Лони к вечеру и до сих пор не обмолвилась с Аламедой и словом.

– Завтра покроем судно укрепляющим составом из смолы и сока ядовитых растений, – ответил Арэнк, передавая осушенную чашку Аламеде. Он дольше необходимого задержал на ней взгляд, но её глаза, как обычно, поспешили спрятаться от него.

– Смола высохнет за пару дней, – продолжил он, обращаясь к Ните, которая сидела у дверей хижины и умело натачивала его топор, притупившийся за день работы. – В целом судно готово. Для того, чтобы вывести его из водной чаши, придётся рубить загораживающие проход мангровые корни, иначе не пройдёт. Но я пока не знаю, как сделать его устойчивым на воде, – тут к Арэнку подсел Лони, и он помог мальчугану прикрепить острие топорика к рукоятке, перевязав их вместе прочными нитевидными корнями. – Лодка качается даже на слабых волнах. Мы перевернёмся при первой же сильной буре. Таких больших судов я прежде никогда не строил и не знаю, как правильно усадить его в воду, чтобы не мотало из стороны в сторону.

– Хм, – задумалась Муна. – Нужно всем вместе поразмыслить.

Арэнк вздохнул, запустив ладонь в волосы.

– Не знаю... Боюсь, я чего-то не учёл. У меня наконец есть прекрасное судно, теперь ещё и расписанное символами моего рода, но я не понимаю, как пустить его вплавь, – он печально усмехнулся.

Аламеде хотелось бы помочь ему, но она понимала в строительстве лодок меньше, чем Арэнк. Он отдал работе над Великаном всего себя, трудился напористо, не покладая рук, с невероятным остервенением, и если теперь лодка не поплывёт, это станет для него тяжелейшим ударом... Аламеда много слышала об огромных судах, на которых плавали белые люди, как пересекали целые океаны, но вживую не видела ни разу. В её племени мастерили невесомые тростниковые каноэ, поэтому она не понимала, как большие суда вообще способны оставаться на плаву и не тонуть от собственной тяжести.

– Ничего, что-нибудь придумаю, – сказал Арэнк.

– Пойду на озеро, воды принесу, – поднялась Нита, вернув ему наточенный топор, – в кувшине ни капли не осталось.

– Сиди, я схожу, – одновременно произнесли Арэнк и Аламеда.

Арэнк улыбнулся:

– Пойдём вместе.

Она встретила взглядом с Нитой, но та отвела глаза, мол, поступай, как знаешь.

– Пойдём, – согласилась Аламеда.

Подходя к берегу, Арэнк с разбегу прыгнул в воду.

– Заходи Аламеда! – крикнул он, вынырнув. – Искупайся! Ну же.

Она замотала головой, усаживаясь на прибрежных камнях, ногами в воде, и наполнила кувшин, а подняв глаза, увидела, что Арэнк нигде нет. Куда же он запропастился? Она вертела головой, но перед ней блестела только спокойная гладь Голубой Чаши. Внезапно кто-то схватил её за ступни и скинул в озеро.

– Арэнк! – рассмеялась она, барахтаясь в воде, но тут же испугалась собственного смеха, а он взял её за руки и стал увлекать всё дальше от берега.

На Голубую Чашу спустилась темнота, а они стояли по плечи в воде, так и не расцепляя рук. Вернее, это Арэнк удерживал её. Удерживал не только руками, но и своим проникновенным взглядом, от которого она так и не научилась прятаться.

– Ты так и не дала мне ответ, – сказал он. – Примешь ли ты мой пояс?

Аламеда молчала, но отсюда ей было не убежать. Арэнк держал её крепко, взглядом требуя ответа.

– Скажи мне правду, что останавливает тебя?

– Арэнк, – наконец собралась она духом, – правда в том, что однажды я уже надела такой пояс... но больше у меня его нет...

– У тебя был жених? – спросил он, и в голосе что-то дрогнуло. – Он погиб?

Аламеда опустила голову. Арэнк взял её за подбородок и снова заглянул ей в глаза.

– Ты любила его?

– Да, – кивнула Аламеда, – сильнее жизни...

– Мне очень жаль, – ответил Арэнк. – Большая Вода не пощадила многих... Я постараюсь, чтобы со мной ты забыла его и свою боль...

– Арэнк, ты совсем не знаешь меня... Тебя привлекла лишь моя необычная внешность...

Тут он приложил палец к её губам и сказал то, что Аламеда никак не ожидала услышать.

– Наверное, ты права, я мало знаком с тобой, потому что ты не даёшь себя узнать. Внешне ты колючая, как шерсть грызунов, которые живут в дуплах замшелых деревьев, – Арэнк улыбнулся, – но мне достаточно заглянуть в твои глаза, чтобы понять, какая ты на самом деле.

Слова Арэнка удивили её. Неужели он увидел в ней настоящую Аламеду?

Неожиданно он притянул её к себе, и она почувствовала меж лопаток его сильные руки. Жар прикосновения пробежал по позвоночнику, разлился по всему телу, пробрал до дрожи. Глаза и губы Арэнка были так близко, что у неё закружилась голова. Аламеда затаила дыхание, растворяясь в зелёных крапинках светло-карих зрачков. В следующий миг она вдруг ощутила вкус его губ на своих губах. Терпкий, с примесью древесной смолы. А от мокрых волос по-прежнему пахло стружками. Небольшая озёрная волна подтолкнула её к нему ещё ближе, побуждая ответить на его поцелуй. Она поддалась ей, закрыла глаза, заскользила пальцами по сильным рукам и плечам, повторяя их точёные изгибы.

Вода тихо колыбалась, лаская их тела, а две луны лили на них свой мягкий белый свет, словно окутывая в один общий кокон, и вдруг в темноте закрытых век перед Аламедой предстал её недавний сон. Она стоит с протянутыми руками у реки, а из воды выходит Роутэг, улыбаясь одними глазами... «Ты пойдёшь со мной Аламеда?» – говорит. Она берёт его за руку, и они вместе уходят навстречу восходящему солнцу...

Аламеда распахнула глаза и отстранилась от Арэнка, уперевшись ладонями в его грудь.

– Я не могу, прости, не могу...

– Я буду ждать, Аламеда...

– Нет, – замотала она головой.

Арэнк вздохнул и отпустил её. Они вместе вышли из воды, но на берегу он опять поймал её взгляд.

– Я пойду, – сказал Арэнк, но так и продолжал смотреть, словно надеясь, что она остановит его, но Аламеда кивнула.

Он уходил, а с её губ едва не срывалось его имя. Аламеда знала, стоит ей только произнести его – и Арэнк вернётся, заключит её снова в объятия и уж тогда, наверное, больше не выпустит, что бы она ни говорила. Стоит только окликнуть его – он останется и никогда не уйдёт. Но в удаляющейся фигуре она снова видела силуэт Роутэга, и понимала, что на самом деле только за ним бы побежала, чтобы вернуть его к озеру.

Аламеда позволила Арэнку уйти, а подходя чуть позже к поселению, вдруг увидела, как он сидит один возле потухшего костра, а рядом с ним, выйдя из темноты, садится Муна...

Шли дни, Арэнк больше не приходил, и Аламеда всё чаще видела, как Муна заговаривает с ним, но понимала, что не может держать на неё злости: та всего лишь боролась за свою любовь. Однако Арэнк, слушая Муну, глазами блуждал где-то далеко, словно надеясь поймать на себе ещё чей-то взгляд.

Той ночью Аламеда проснулась, снова увидев во сне Роутэга и долго лежала с открытыми глазами, смотря через квадрат окна на две зеркальные луны.

– Забери меня отсюда, Роутэг, или отпусти навсегда, – проговорила она шёпотом в тишине спящей хижины.

Аламеда долго не могла уснуть. У противоположной стены мерно дышала Нита, сопел с открытым ртом Лони, а снаружи шуршал листвою ветер и тихо щебетала одинокая птица... Птица? – спохватилась Аламеда и села в постели, прислушиваясь. Несмелая, но отчётливая трель раздалась за окном. Девушка бесшумно встала и вышла из хижины.

Ночь заливала своей чернотой просветы меж листьев, забиралась в нос прохладной свежестью, закладывала уши звенящей тишиной. И вдруг снова чирикнула птица... Аламеда подняла голову, всматриваясь в темноту, но так ничего и не увидела. А, возможно, ей только причудились?

Ещё долго она сидела у дверей, с тревожным чувством вслушиваясь в лесные звуки, но невидимая птица молчала. А если правда? Неужели Мокрун ушёл из водной чащи? Уговор был, что он останется, пока не будет закончено судно... но ведь оно готово! Арэнк сам сказал. Смоляное покрытие высохло. Осталось только понять, как сделать лодку устойчивей, но разве это забота водного Духа? Если он действительно уже покинул топи, значит, скоро сюда проберутся чудовища, и племени придётся несладко. Нужно уплыть как можно быстрее, иначе им будет не выбраться из чащи. Аламеда вскочила и побежала к берегу. Она хотела своими глазами убедиться, что Мокруна больше нет в водном лесу.

Чернота неба начала потихоньку иссякать, оно становилось чуть светлее, чем плотные тени деревьев, и по этим контрастам Аламеда легко нашла дорогу к берегу.

– Мокрун! – позвала она, ступая по влажному песку и прислушиваясь к своим ощущениям, но больше не чувствовала присутствия водного создания. Ничто больше не защищало холм.

Внезапно она заметила, как возле Великана протянулась тень. Аламеда подкралась ближе, подобрав по пути оставленный кем-то из мужчин топор. Неужели какая-то тварь успела проникнуть в чащу? Девушка пригляделась и вдруг увидела человека в подвёрнутой на руках и ногах одежде, он с интересом осматривал лодку, обходя её кругом. Как? – удивилась Аламеда. Она что, спит? Он же пообещал не появляться здесь.

– Доктор, зачем ты пришёл? – спросила Аламеда приблизившись, но так и не выпустила из рук топор. – Я знаю, что не сплю, ты нарушил наш уговор...

Он обернулся.

– Я ждал тебя.

– Зачем? – насторожилась Аламеда.

– Не бойся, я так и не выяснил, как убивают в состоянии самогипноза, можешь оставить топор, – Доктор сел на обрубок бревна и, запустив руки в волосы, вздохнул: – Вот уже два месяца я не вижу Лиз. А ты – единственное, что ещё связывает меня с ней. Если бы я не нашёл тебя здесь, это означало бы одно – ты уже вернулась и завладела её телом, но, к счастью, ты пока не ушла отсюда. Для меня это хоть какое-то, но утешение.

Аламеда положила топор на песок и села чуть поодаль. Оба молчали.

– Тебе понравилась наша лодка, Доктор? – спросила она.

– Суда – моя давняя страсть, – ответил он, разглядывая роспись на корпусе. – Галеоны, каравеллы, галеры и канонерки... – последовал перечень незнакомых Аламеде названий. – В детстве я мечтал покорять океаны, но, повзрослев, решил, что не гожусь на роль морского волка, – он помолчал мгновение. – Ошибаюсь, или судно действительно вырублено из цельного ствола?

– Не ошибаешься, это было древнее дерево, упавшее с оползнем, – ответила Аламеда. – Лодка готова, но нам не удаётся сделать её устойчивой. Она накрёнется на волнах.

– Можно взглянуть? – привстал Доктор.

Аламеда кивнула, и он, зайдя босыми ногами в воду, взобрался на мостки, осмотрел весь корпус, нос и корму, затем запрыгнул в лодку, прошёлся, с интересом изучая устройство рулевого весла, и спустя какое-то время, вернулся на берег.

– Никогда не видел ничего подобного. Внешне судно напоминает скандинавский корабль-дракон, но гораздо шире, к тому же оно вырублено из цельного ствола, по типу каноэ.

Аламеда смотрела на доктора, не очень хорошо понимая, о чём он говорит.

– Ты знаешь, как сделать так, чтобы оно не опрокидывалось? – спросила она.

– Нужно правильно загрузить судно, это повысит его остойчивость. Накренённое волнами, оно легко восстановит положение равновесия, – Доктор говорил, будто сам с собой, и жестикулировал руками, но Аламеда с первых же его слов потеряла нить разговора. – Толщина дна в корпусе достаточна для того, чтобы поместить в нём с двух сторон бочки, заполненные водой, – продолжил он. – Так с помощью балласта центр тяжести опустится ещё глубже. Вес воды будет противодействовать боковым ударам волн. Это поможет уменьшать качку...

– Я не понимаю тебя, Доктор, – прервала Аламеда, удивляясь, с чего вообще он решил ей помочь.

– Подожди, сейчас, – он подобрал прутик и, попутно давая пояснения, принялся рисовать на сыром песке, но подальше от берега, чтобы изображение не смыло волной. – Видишь, бочки с водой, здесь и здесь. Вода в них не даст судну слишком раскачиваться.

Он объяснил ей всё в третий раз более простыми словами, и, кажется, она поняла.

– А ещё вы можете поставить мачту и прикрепить к ней полотняной парус, чтобы судно шло быстрее. Попутный ветер будет толкать лодку вперёд, – он нарисовал высокую палку посередине лодки и прямоугольный лоскут, привязанный к ней.

– Почему ты помогаешь мне? – Аламеда внимательно изучала его спокойное лицо. – Ты же не подумал, что я взамен исполню то, о чём ты просил?

Доктор пожал плечами.

– Нет, не подумал... Просто тот, кто построил это судно, вложил в него душу, сразу видно, и очень хочет, чтобы оно поплыло. Так пусть поплывёт.

Когда доктор ушёл, за деревьями уже забрезжил несмелый рассвет. Аламеда решила, что пока свежи ещё рисунки на песке, нужно поскорее показать их Арэнку. О птице тоже следует рассказать. Племени пора уплывать отсюда. Аламеда вдруг задумалась, что будет, если они и правда отыщут Водные Врата? В какой мир она бы хотела попасть? Вернулась бы в свой, представься ей этот выбор, ради мести, или же... Арэнк мечтал, чтобы они вдвоём вошли в Водные Врата. А что если это её судьба, а она ей так отчаянно противится?

Аламеда вернулась в поселение. Было тихо: все ещё спали и не выйдут, пока солнце не позолотит верхушки хижин. Она добежала до навеса, под которым обычно ночевал Арэнк, но его там не было. Аламеда огляделась... Ушёл за водой? Нет, слишком рано... Вдруг она вспомнила: хижина на дереве. Наверняка, он там.

Аламеда быстро вскарабкалась по сучковатым выступам, но едва достигнув входа, прямо у себя над головой она услышала щебет. Аламеда замерла, скользая глазами по веткам, и вдруг увидела серую птицу, та посмотрела на девушку и снова чирикнула. Выходит, ей не показалось... Птицы запели.

Она уже хотела постучать, как вдруг дверь открылась. Видимо, Арэнка тоже удивило птичье пение: его заинтересованный взгляд блуждал по листве.

– Аламеда? Что ты здесь делаешь? – смутился он. В глазах мелькнула растерянность.

– Я знаю, как сделать, чтобы судно не опрокидывалось на волнах, – проговорила она в спешке, –

пойдём к берегу, я покажу тебе. Нужно спешить с отплытием, птицы запели – значит, Мокрун больше не защищает чащу.

Арэнк продолжал стоять в проёме, молча смотря на Аламеду и словно не понимая, о чём та говорит.

– Арэнк, ты слышишь меня? – она тревожно вгляделась в его лицо. Вдруг взгляд соскользнул вглубь хижины. Аламеда отшатнулась: лоскут чёрных волос мелькнул на цветном покрывале. Муна... Она... она провела здесь ночь...

Что-то сродни раскаяния и ревности заполнило сердце Аламеды. А чего было ждать? Там, на озере она сделала свой выбор, Арэнк же теперь сделал свой. Не вечно же ему бегать за ней.

– Извини, ты спал... я пойду... – Аламеда попятилась к спуску, стараясь не подать виду, что заметила, но по его глазам читала – он понял.

– Внутри корпуса лодки нужно поставить бочки с водой, они помогут противостоять волнам, взгляни на изображения, нарисованные на песке... – лепетала она спускаясь, а сама едва пересиливала дрожь в голосе.

Арэнк всё молчал, провожая её тоскливым взглядом, который будто бы говорил: ты пришла слишком поздно, Аламеда...

24. В таборе

Конец февраля выдался на редкость морозным. В иные годы в эти дни уже набухали почки магнолии, а теперь деревья ещё спали. Накануне даже выпал снег. Ровно два месяца я тщетно пытался найти Лулу. Цыганка была единственным человеком, кто сумел догадаться о том, что случилось с Лиз. Только она могла мне помочь. Подняв повыше ворот пальто и обмотавшись по уши шарфом, я целыми днями бродил по улицам Цюриха в её поисках, но той будто след простыл. Я расспрашивал местных, нет ли где на окраине стойбища цыган, приставал к бродягам, но все смотрели на меня, как на помешанного и только отмахивались.

«Они сегодня здесь, а завтра там: кочуют...» – сказал мне один нищий, принимая монету.

Я и сам не знал, зачем ищу её, но отчаяние заставляло делать хоть что-нибудь. Хвататься за любую ниточку. И Лула была единственной, кто мог, по крайней мере, понять меня, но сколько бы я ни искал, о цыганке не было ни слуху, ни духу. Вероятно, табор уже давно оставил здешние края.

За два месяца я лишь однажды слышал о Лиз, случайно встретив на городском рынке в середине января Марию, болтливую медсестру из «Голубого Леса». Она приезжала в Цюрих к родственникам и первой заметила мою физиономию в торговых рядах, однако порадовать меня ей было нечем: состояние Лиз продолжало ухудшаться. В последующие полтора месяца я больше ничего не слышал о моей бывшей пациентке, хоть и пытался писать коллегам, но те не отвечали.

Как ни странно, сны с Аламедой стали редки, и я их почти не помнил. Это настораживало. Нехорошее предчувствие не оставляло меня: вдруг она уже осуществила задуманное и завладела телом Лиз? А две недели назад безысходность толкнула меня на отчаянный шаг. Я решил снова ввести себя в транс, несмотря на наш с Аламедой уговор, и вернуться в заводнённый мир, чтобы узнать, не ушла ли она уже оттуда.

Я видел её. Аламеда до сих пор была там, но, кажется, мысли о мести соседствовали в её голове с какими-то другими – вот почему она снилась мне реже. Странно, я желал ей смерти, но вместе с тем, у меня не получалось её ненавидеть. А фантастический мир, в котором она жила, поражал моё воображение всё больше и больше. В тот раз на берегу затопленного леса я видел прекрасное судно, вырубленное из ствола какого-то неимоверно огромного дерева и расписанное странными символами. Я не смог удержаться, чтобы не потрогать его, не рассмотреть поближе. Корабли манили меня с детства, с той же поры я собирал коллекцию их миниатюрных копий. Прежде она занимала целую стену в моём бывшем кабинете, теперь же деревянные модели с парусами из хлопка и льна лежали в ящике, в съёмной комнате. Я так и не распаковал их.

Я даже посоветовал Аламеде, как улучшить остойчивость судна – оно было достойно покорять целые океаны. Просто вспомнил, как читал когда-то о том, что античные мореходы ставили в корпус корабля амфоры с маслом для придания ему стабильности на волнах. Однако снова говорить с дикаркой о Лиз не имело смысла. Она либо сама откажется от мести, либо я должен остановить её каким-то другим способом, но для этого мне нужна была Лула.

Помню, я удивился одному странному обстоятельству: ночью в том мире на небе сияли две луны. Это сильно поразило меня и выглядело настолько нереально, что я даже подумал, ведь Лиз и Аламеда, они тоже как две Луны: рано или поздно одной придётся покинуть небосвод, разве что внезапно не произойдёт чудо...

Пришла карнавальная неделя. От Жирного Четверга до Карнавального Вторника и вплоть до Пепельной Среды в Цюрихе проходили нарядные шествия. Улицы наводнили загримированные и переодетые в фольклорных персонажей горожане. Небывалый шум оглушал обычно тихий и чопорный город. Я не очень любил карнавал. Ещё в детстве его вычурная весёлость не внушала мне доверия. От громких звуков, проникавших отовсюду, порой болела голова, но праздничные гуляния вновь вернули мне надежду встретить на улицах Цюриха мою знакомую.

Я всматривался в разукрашенные лица, останавливался возле каждой кучки людей, собиравшихся вокруг бродячих артистов. Те громко играли на трубах и тромбонах, били невпопад в бубны и медные тарелки, пели смешные народные песни на утеху публике. Но цыган среди них я так и не встретил.

В день основных гуляний, Карнавальный Вторник, я решил пройти той же дорогой, на которой однажды натолкнулся на гадалку. Но сколько бы я не искал ту улицу, сколько бы не плутал по лабиринтам старого города Альтштадта, я никак не мог найти того магазина с музыкальными инструментами, где однажды купил подарок для Лиз. Я шёл всё дальше и дальше, влекомый разодетой толпой, минуя здания различных гильдий и главную ратушу. Богатые дома постепенно сменялись теми, что победнее, народ редел.

Наступал вечер, холодало. Я остановился возле лавки с глинтвейном и, купив себе горячего вина, спросил у пышноусого пожилого торговца в нелепой шляпе с бубенцами, не видел ли он сегодня в

городе цыган. Старик оказался на редкость болтлив. Он безостановочно тараторил о впечатливших его масках, рассказывал о том, как в молодости сам играл на трубе, сравнивал Карнавалы в Цюрихе, Люцерне и Берне и уверял, что ему довелось побывать на каждом из трёх. Он заговорил меня до головной боли, меж тем подливая мне своего ароматного глинтвейна, но так и не ответил на мой вопрос. О цыганах я ничего не выяснил, но хотя бы согрелся.

Когда наконец я умудрился отделаться от болтливового усача, вино уже порядочно дало мне в голову. Я сам не заметил, как очутился на окраине, в незнакомом квартале. Обшарпанные дома смотрели на меня глазами забитых фанерой окон. И лишь окончательно протрезвев и снова замёрзнув, я понял, что заблудился. Наверняка, было уже довольно поздно. На улицах не осталось гуляк, стихли доносящиеся издали песни, а за домами в сгущающихся сумерках я различил полосу леса.

Ноги занесли меня в какую-то слепую подворотню, и тут я услышал за спиной чьи-то шаги, но не успел оглянуться, как резкая боль в затылке повалила меня на землю. Кажется, я ненадолго потерял сознание, а придя в себя, почувствовал, как кто-то обшаривает мои карманы, но сильная боль в затылке мешала мне пошевелиться, и я снова отключился.

Второй раз я пришёл в себя, почувствовав на своём лице чьи-то шершавые прикосновения. Меня бил озноб, а по шее текло что-то мокрое.

– Эй, доктор, очнись, – внезапно услышал я знакомый голос и металлический звон бряцающих друг о друга монет.

Я открыл глаза. Надо мной склонилась та, которую я искал все эти дни. Её длинные косы с вплетёнными в них монетами касались моего лица.

– Где я? Что со мной? – заворочал я пересохшими губами и тут заметил, что на мне нет ни пальто, ни обуви.

– Тебя обокрали, – сказала Лула. На ней была всё та же клетчатая шаль и вылинявший красный платок на голове, а в уголках глаз и в межбровье собрались хмурые морщины. – В такой час здесь шляются только бандиты и самоубийцы, вроде тебя. Скажи спасибо, что жив остался. Ладно, пойдём. Взять с тебя, конечно, нечего, но постараюсь найти что-нибудь, чтобы ты по дороге домой не умер от холода, да и рану лучше промыть.

– Рану? – переспросил я поднимаясь, и тут нащупал у себя на затылке что-то липкое, а, обернувшись, увидел на мостовой замерзающую багряную лужицу.

Мне стоило огромных усилий, чтобы доковылять до пристанища гадалки в одних носках, по ледяной земле, и с пульсирующей болью в висках. В затуманенной голове мелькнула мысль, что это, возможно, небезопасно. Стоит ли доверяться незнакомому человеку? Но другого мне не оставалось. В таком состоянии я вряд ли дошёл бы до дома.

Идти пришлось чуть ли не до самого леса. Именно там остановился на зимовку табор.

На поляне, примыкавшей к полосе хвойных деревьев, расположились поставленные на широкие колёса деревянные вагончики. В них при переездах впрягались лошади. Небольшой табун дремал за частоколом. Повсюду на земле, по соседству с кузнечными инструментами: клещами и молотами, – лежали медные котлы, тазы и чаны.

Лула не повела меня в свой передвижной дом, но рядом с ним был натянут шатёр. Туда мы и вошли. Она сказала что-то не то по-венгерски, не то по-сербски двум некрасивым чернявым девушкам, сидевшим возле слабого огня, и они тут же убежали. По указу хозяйки я с трудом опустился на соломенную подстилку и протянул к пламени руки и ноги. Тепло стало потихоньку оживлять окоченелые пальцы, отдаваясь в них пульсирующей болью.

Лула ушла ненадолго. Я огляделся. Здесь тоже повсюду стояла медная посуда и грудились инструменты. Дым от огня поднимался к вершине моего скромного убежища и выходил сквозь круглое отверстие в конусе. Кто-то заглянул, отодвинув полу шатра, и тут же исчез. Снаружи слышались мужские голоса, но, впрочем, довольно спокойные, хотя я всё же почувствовал себя не совсем уютно. Лула вернулась, в руках у неё была корзинка с какими-то склянками и что-то из одежды. Она бросила мне ту тряпицу – это оказалась старая, поеденная молью солдатская шинель.

– Я отправила дочерей найти тебе что-нибудь из обуви, – сказала цыганка и, подобрав юбку, уселась рядом. Она закурила пузатую деревянную трубку. – Сапог не обещаю, ботинки дырявые найдут – и то ладно, но хоть воспаления лёгких не подхватишь. Куришь? – она предложила мне свою трубку, но я отказался.

Затем, не выпуская изо рта мундштук, Лула принялась осматривать мою голову. Недовольно буркнула что-то, взяла из корзины бутылку с мутной жидкостью и плеснула мне прямо на рану. Нестерпимая резь пробрала до подкорки. Стиснув зубы, я промычал что-то невнятное.

– Терпи, – без тени жалости пробухтела она и плеснула ещё.

Я терпел. Совсем не хотелось подхватить сепсис и умереть таким нелепым способом. Тело потихоньку оттаивало, восстановленное кровообращение вернуло чувствительность в ступни и кисти рук, а горячая, хоть и жидкая до безобразия похлёбка, которую принесла одна из девушек, окончательно возвратила меня к жизни.

– Спасибо, – поблагодарил я, вычищая миску чёрствой краюхой. – Мне совсем нечем сейчас заплатить, но я в долгу не останусь.

– Разумеется, долг платежом красен, – проронила Лула, продолжая попыхивать трубкой, – но это потом. Зачем искал меня?

– Как ты догадалась? – спросил я.

– Для чего ещё тебе было шастать по тем окраинам? – усмехнулась цыганка, демонстрируя два золотых зуба.

– Я не уверен, что ты сможешь помочь, но надеяться мне больше не на кого.

– Это всё из-за той девушки, твоей пациентки? – спросила она, и я кивнул. – Я ведь уже говорила, что ничем помочь не смогу.

– Постой, я в тот раз не всё рассказал.

– Я тебя слушаю.

И тогда я в мельчайших подробностях поведал ей всё с самого начала. О Лиз и об её отце, об Аламеде и моих видениях вплоть до того дня, когда у меня получилось проникнуть в таинственное место из снов. Я говорил и со словами вытаскивал наружу все свои страхи, опасения и мою выстраданную любовь, но вместе с тем восхищённо описывал гадалке так поразивший меня заводнённый мир.

Лула была хмура.

– Будь осторожен, доктор, – сказала она. – Как бы твои странствия не завели тебя слишком далеко. Это опасно, и даже попав в тот мир, ты никак не сможешь навредить Аламеде, потому что вы находитесь на разных слоях мироздания... Убить её там у тебя не получится.

– Вряд ли бы я смог сделать это, – признался я цыганке и самому себе, – даже если бы такое было возможно, но, не скрою, подобные мысли уже посещали меня. Теперь я просто хочу, чтобы она оставила Лиз в покое. Ведь должен быть способ изъять осколок чужой души из её тела. Ты, наверняка, знакома с какими-нибудь обрядами... Ведь даже в древности колдуны умели изгонять духов. Пусть Аламеда уйдёт, обретёт покой... я не знаю. Но есть же какой-то способ? Любой. Скажи мне, Лула.

Когда я замолчал, гадалка глубоко и с хрипом вздохнула, задумчиво глядя на потрескивающие угли.

– Любой... – пробормотала она, набрала в рот дым и выпустила его вверх. Цыганка какое-то время так и сидела с закинутой головой, смотря, кажется, на одинокую звезду в круглом отверстии на вершине шатра. Частички золы взвивались, вместе с дымом уносясь к небу, и тоже казались улетающими звёздами.

– На теле Лиз были какие-нибудь ранения после встречи с туземкой? – вдруг спросила Лула.

– Нет, она не пострадала, – поспешил ответить я, – хотя... кажется, её отец что-то говорил о царапине, небольшом уколе в области сердца... Сущий пустяк. Рану тут же обработали, и она вскоре зажила. Возможно, Аламеда и попыталась убить Лиз каким-то колющим оружием, но не смогла и только поцарапала. Небольшой клинок, наконечник стрелы, скорее всего...

– Вот оно... – сказала, словно сама себе Лула. – Нет, доктор, не хотела твоя дикарка убивать Лиз. Она специально уколола её каким-то предметом, в котором носила часть своей души. Что-то для обрядов. Многие колдуны используют такие амулеты, чтобы общаться с духами. И у меня подобный есть. Глянь, – она потянула за шнур на шее и вытащила из-под платья продырявленную монету. – А у туземки, скорее всего, это был зуб или коготь животного... что-то острое. Возможно, в миг отчаяния, когда Аламеда поняла, что умрёт от ранения, в ней вскипела жажда возмездия, и она попыталась воткнуть амулет в сердце Лиз, чтобы перелить в неё свою душу. Хм... – задумалась цыганка, подсыпав в трубку табака. – Сложное это дело, опасное и требующее многих знаний. Видно, Аламеда в чём-то ошиблась. Такое в спешке не сделаешь... Переселить свою душу тогда у неё не получилось, но частичка из амулета всё же проникла в тело Лиз. Оттого Аламеда и не может

уйти в мир мёртвых и упокоиться там, пока один осколок ещё живёт в чужом теле и связывает её с миром живых.

Я сосредоточенно слушал Лулу, нахмутив брови.

– Ты знаешь какой-нибудь способ, чтобы вытравить этот осколок? – спросил я, взяв её за плечи. – Помоги мне. Я душу готов дьяволу продать.

– Не нужна ему твоя душа, доктор, – усмехнулась гадалка, – побереги её лучше для себя. Есть один обряд, но гарантировать я ничего не могу.

– Что нужно делать? – проговорил я и задержал дыхание.

– Нужно открыть рану, осуществить небольшой надрез, – сказала она, глядя на меня серьёзно. – Если ты приведёшь Лиз ко мне, я всё сделаю и попытаюсь выманить чужую душу. Тогда Аламеда окончательно уйдёт в мир мёртвых. Отвары, зелья, заклинания, – всё это моя забота. А ты просто приведи свою Лиз. Но оплата будет соответствующей, возни слишком много.

– Хорошо, проси, сколько считаешь нужным, – согласился я, лихорадочно обдумывая, как мне увести Лиз из клиники.

– Но предупреждаю, доктор, за исход я ручаться не могу. Как бы не было слишком поздно... Тогда я не в силах буду помочь, и оплату назад не отдам.

– Каковы наши шансы? Только честно.

– Не знаю, доктор. Скажем, пятьдесят на пятьдесят... а может быть и меньше. Мне незачем врать тебе.

Рана на голове снова запульсировала. Я закрыл ладонями лицо и, проскользив пальцами по лбу до волос, вцепился в них. Пятьдесят процентов, что всё удастся, против пятидесяти – лишиться Лиз навсегда. Но терять было нечего. Разве что собственную свободу, если меня поймают на похищении пациентки из клиники, в которой я, к тому же, больше не работаю.

– Заходи, – меж тем позвала Лула одну из дочерей, которая, вероятно, уже давно сидела у входа, ожидая разрешения, чтобы подойти.

Мне принесли старые дырявые ботинки с отстающей подошвой. Хорош я буду в таком виде, но всё же лучше, чем босиком.

Я хотел было тут же возвращаться домой, но Лула сказала, что от бандитов больше спасти меня не пойдёт, да я и без них рисковал потерять сознание после травмы. Она предложила мне остаться до рассвета. Я согласился: сам чувствовал, что должен немного отлежаться. Цыганка разрешила мне спать на том же настиле и не тушить огонь, чтобы не было холодно, а сама вместе с дочерьми ушла в свой вагончик.

Домой я отправился, едва горизонт окрасился в несмелый розовый цвет. Но перед выходом Лула заставила меня выпить придающий сил отвар и съесть кусок чёрствого хлеба, чтобы от слабости я не рухнул по дороге. К счастью, после праздника, в такой ранний час, на улицах не было ни души, и никто не шарахался от моего неподобающего вида.

25. Утренняя гостья

За ночь подморозило, и улицы Цюриха покрылись тонким ледяным налётом. Дойдя наконец до квартиры, я достал из-под половицы запасной ключ (мой украли вместе с бумажником) и отпер дверь в свою комнату, стараясь не шуметь и не разбудить Марту – хозяйку, сдававшую мне жильё, а затем прямо на пороге избавился от чудовищных ботинок. Их отстающие подошвы едва выдержали вынужденную утреннюю прогулку. Я бросил их в мусорную корзину вместе с дырявыми носками, которые собрали всю грязь городских окраин. Туда же отправилась и вся изъеденная молью шинель. Не думаю, что нужно возвращать всё это добро Луле. Лучше сейчас же пошлю к цыганам какого-нибудь расторопного мальчишку, да хоть Франца, сына разносчика молока, чтобы отнёс ей денег. Он как раз скоро звякнет о дверь полными бутылками. Смышлёный парень, всегда не прочь подзаработать и не болтлив. К тому же честный. Знает, чуть что – от отца влетит. А Лула купит себе хоть десять новых шалей, ботинок, или чего им там нужно, я перед ней в долгу.

Я как был, так и вышел босиком в коридор. Выглянул в окно, выходившее на улицу, чтобы проверить, не появился ли ещё Франц, и вдруг увидел Марту. Хозяйка показалась в дверях своей комнаты и подошла ко мне, брезгливо косясь на мои босые ноги. Вероятно, она только проснулась, потому что из-под длинного платка, накинутого на плечи, выглядывала ночная рубашка, а накрахмаленный белый чепец скрывал накрученные на бигуди седеющие локоны. Она встретила меня тревожным взглядом из-под нависших век, который в добавок тут же принял ошеломлённое выражение. Понимаю, вид мой был ещё тот.

– Простите, Марта, – я поспешил успокоить её, решив, что это из-за меня она поднялась чуть свет.

Разволновалась, наверное, раз её постоялец не пришёл ночевать, а теперь вот появился в таком состоянии, будто перебрал лишнего и спал под забором. Кстати, от моей головы порядочно тянуло травяным зельем гадалки, которым она обрабатывала мне рану, этот запах чем-то смахивал на абсент.

– На меня поздно вечером напали грабители, но ничего страшного, я цел и невредим, но пришлось остановиться у одного друга, – скороговоркой объяснил я, стараясь придать моему голосу будничным и спокойным тон. Мол, со всяким может случиться.

Марта так и стояла с открытым ртом, продолжая удивлённо глядеть на меня, и вдруг спохватилась.

– Вас тут ждут... – сказала она, кивнув по направлению длинного коридора, но по её интонации я так и не понял, прозвучал ли в ней какой-то укор или намёк, или чёрт знает что. – На кухне, – уточнила хозяйка и, скептически приподняв левую бровь, будто мой рассказ её совсем не убедил, скрылась в своей комнате.

– Ждут? Меня? – удивился я, уставившись на захлопнувшуюся дверь.

Кто может меня ждать? Ещё и в такую рань. Кто-то из клиники? Наверное, Мария: я дал медсестре свой временный адрес в день, когда мы встретились на рынке. Или кто другой из коллег, а возможно, даже недовольные родственники кого-то из тех пациентов, которых мне пришлось оставить. Кому ещё я мог понадобиться? На всякий случай я зашёл на миг в свою комнату обулся, поменял рубашку и пиджак, чтобы не предстать перед визитёром в том же виде, который так обескуражил Марту. В зеркало я тоже не забыл глянуть, но лучше было не смотреть: слипшиеся от засохшей крови и травяного зелья волосы топорщились колом. Я кое-как пригладил их и быстро ополоснул лицо из кувшина. Сейчас по-скорому разберусь с этим ранним гостем – и буду думать, как привести Лиз к цыганке. Я совершенно не представлял себе, что лучше всего предпринять. Ждать наступления ночи, лезть в окно? Какой из меня похититель? Да и захочет ли она уйти со мной? Ведь кажется, в день нашей последней встречи Лиз мне даже не поверила.

Желая побыстрее покончить с этим неприлично ранним визитом, я решительно зашёл на кухню, которая в доме Марты служила одновременно и столовой, но тут же обомлел. От неожиданности у меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди. За столом, возле окна, сидела с прямой напряжённой спиной моя Лиз. Её узкие пальцы сжимали чашку с остывшим кофе, к которому она так и не притронулась. Бледный утренний свет озарил половину её обескровленного лица, вторая была погружена в тень. Лиз подняла на меня глаза, на серой дорожной шляпе по-траурному качнулось чёрное перо. Она даже не сняла пальто, и только две перчатки сиротливо ютились на столе.

– Артур, – выдохнула Лиз, – её пальцы дрогнули, и она чуть не вылила кофе на скатерть.

Я забрал у неё чашку и, сделав большой глоток, чтобы проснуться, отставил её в сторону. Это что, не сон? Лиз действительно здесь? Она сама пришла ко мне?

– Лиз, что ты тут делаешь? – я сел рядом и схватил её за плечи, но не выдержал и прижал к себе. – Как ты ушла из клиники? Как добралась сюда?

– Я сбежала, – проговорила она, смотря на меня блестящими глазами. – Спряталась на рассвете в кузове продовольственной машины, возвращавшейся в Цюрих. Ты был прав насчёт таблеток. Я их больше не пью, и хоть приступы только учащаются, но, по крайней мере, в их отсутствие моя голова не затуманена лекарственным дурманом, и в часы проблеска сознания я могу здраво мыслить. Жаль, длится это не долго. Приступы теперь занимают большую часть дня. Но вчера, во время одного из таких проблесков, я поняла, что должна непременно повидать тебя. Знаю – вы с Марией как-то обменялись письмами, поэтому я осмелилась обыскать её шкафчик, когда в медсестринской никого не было, и нашла там твой адрес. Я приехала попрощаться. Ты мне очень дорог, Артур. Я не могу уйти навсегда, не сказав тебе этого.

На её бледной щеке прочертила мокрую линию слеза. Я поймал её губами.

– Ты тоже очень дорога мне, Лиз, – прошептал я. – Я люблю тебя с того дня, как ты появилась в моём кабинете вместе со всем своим семейством. Наверное, я тоже безумен – мне это уже говорили многие, но ничего не могу с собой поделать, – я засмеялся сквозь стоявшие и в моих глазах слёзы. – Все эти два месяца я ходил с ума, размышляя, как тебе помочь, и, кажется, кое-что мне удалось придумать.

– Ты не сможешь, Артур, – сказала Лиз, печально улыбнувшись и сдерживая заполняющую глаза влагу. – Я истончаюсь, ухожу. Ты был прав, Аламеда вытесняет меня. И, возможно, уже завтра во мне проснётся другая, а я уйду навсегда. Сегодня мне всю ночь снились кошмары. Я видела бескрайние дали воды и обитающих в ней страшных монстров, но гораздо ужаснее их были чужие глаза в упор смотрящие на меня, как из зеркала. Под утро мне стало очень плохо, всё тело ломало, словно от пыток, но я заставила себя осуществить задуманный накануне план побега, чтобы взглянуть на тебя в последний раз...

– Нет, Лиз, не говори так, – я отстранил её из своих объятий и крепко взял за плечи. – Ты никуда не уйдёшь. Поехали со мной. Я нашёл того, кто нам поможет.

– Куда, Артур? О чём ты? – она непонимающе смотрела на меня, хлопая воспалёнными от слёз глазами.

– Расскажу по дороге, – сказал я, стремительно поднимаясь. – Здесь всё равно нельзя оставаться, скоро сюда приедут из клиники искать тебя.

Я вылетел в свою комнату взять другое пальто. Оно было осенним, ну и бог с ним. Я обмотался шарфом, надел шляпу, выгреб из секретера имевшуюся у меня наличность и вернулся за Лиз. Она стояла посередине кухни, опустив руки и словно не решаясь следовать ли за мной или нет. Я обхватил её за плечи и повёл на улицу. Дверь в комнату хозяйки была приоткрыта, и я даже заметил её любопытный нос в проёме.

– Подожди меня секунду, – сказал я Лиз и, доведя её до входа, вернулся к двери Марты. Та тут же отскочила, как ошпаренная.

– Я хочу, чтобы вы забыли об этом визите. Меня не было всю ночь, и вы не знаете, где я. Девушку вы тоже не видели. Можете устроить мне арендную плату. Могу я на вас положиться?

Она ошарашенно уставилась на меня, но кивнула, принимая из моих рук скомканную купюру. Благо за год работы в одной из самых престижных психиатрических клиник Швейцарии на моём счету накопилось достаточно средств, чтобы сорить деньгами и покупать чужое молчание.

Уже наступило утро, и на улицах показались первые прохожие. Забегали мальчишки-газетчики, забренчали бутылками молочники, заскрипели открывающиеся двери продуктовых лавок. Я остановил проезжающее мимо такси, старенький Renault, сунул водителю, не считая, несколько банкнот и сказал мчать на окраину. Увидев такой солидный куш, он вдавил педаль газа и полетел, распугивая редких прохожих. Я прижал к себе Лиз, её била дрожь.

– Куда мы едем? – спросила она, хватаясь пальцами за ворот моего пальто.

– К одной цыганке, – тихо сказал я, – что-то вроде провидицы и колдуньи... Её имя Лула. Это она помогла мне понять, что с тобой происходит, и знает, как помочь. Чтобы выманить душу Аламеды, нужно вскрыть рану, которую она нанесла тебе своим обрядовым амулетом. Придётся потерпеть. Небольшой надрез, но это необходимо. Понимаешь?

– Постой, – перебила Лиз, смотря на меня огромными испуганными глазами. – Что значит выманить душу?

– Цыганка проведёт специальный обряд. Единственное, что ещё связывает Аламеда с нашим миром, это осколок, спрятанный в тебе. Лула изгонит её душу из твоего тела, и Аламеда наконец-то уйдёт, упокоится навсегда, а ты окончательно освободишься от неё. Наши шансы не слишком велики, но я верю в успех обряда. Ничто другое тебя не спасёт. Поначалу я надеялся, что Аламеда сама

откажется от мести, но, судя по твоему ухудшающемуся самочувствию, она не остановится.

Лиз задумалась и ни слова не проронила до тех пор, пока такси не высадило нас на самой окраине. До табора цыган я решил пройти пешком, чтобы у водителя не появилось лишних вопросов.

Бедный район тоже просыпался. Две женщины развешивали бельё прямо над нашими головами, на протянутой между противоположных окон верёвке. Из булочной пахло только испечённым хлебом, а из колбасной лавки – несвежим мясом. Мы с Лиз дошли до просёлочной дороги, ведущей к лесу, и я подхватил её на руки. Она была слишком слаба, чтобы пройти полкилометра самостоятельно, а вот мне отвар Лолы придал достаточно сил, или, возможно, я просто находился в состоянии аффекта оттого, что Лиз была почти спасена. Или мне очень сильно хотелось в это верить.

Внезапно она упёрлась слабыми руками в мои плечи.

– Опусти меня, Артур. Я никуда не хочу идти.

– Поверь мне, Лиз, Лула поможет тебе. Мы должны хотя бы попытаться, – говорил я, не выпуская её из рук, и продолжал решительно идти к лесу.

– Нет, – вырвалось у неё из груди. Она опять упёрлась кулаками мне в плечи, но тут же обессилила и обмякла. – Я не могу, Артур, не имею права снова убивать Аламеда... Ты сам сказал, если осколок её души покинет моё тело, она умрёт в своём мире.

Я остановился. Кровь быстро запульсировала в ушах, осознание безысходности сдавило грудь. Я опустил Лиз, продолжая поддерживать её и неотрывно смотреть в голубые глаза, в которых меж тем сквозила пугающая решимость.

– Артур, прости меня, – пролепетала она, – но кто-то должен расплатиться за ошибку, которую мы с отцом совершили там, в амазонской сельве...

– Это он её совершил, а не ты, – лихорадочно прошептал я, схватив её лицо в свои ладони. – Ты ни в чём не виновата, слышишь?

– Я знаю, но Аламеда тоже ни в чём не виновата, – сказала Лиз, смотря мне в глаза. – Она лишилась своей жизни и любви и вправе бороться за себя. Скажи, разве не так? Разве можно её в чём-то упрекнуть? Разве в праве я убивать её во второй раз?

– Мне тоже очень жаль эту бедную туземку, но мой выбор между ею и тобой очевиден. Аламеда давно мертва, мы просто должны помочь ей обрести вечный покой, – говорил я, тряся Лиз за плечи, но она лишь качала головой. – У неё была возможность начать новую жизнь в другом мире, но она её отвергла. Неужели ты не понимаешь, что Аламеда этого и добивается: завладев твоим телом, она отомстит твоему отцу, заберёт тебя у него так же, как он забрал у неё Роутэга!

– Артур, я не могу убить её снова... – Лиз отвела глаза, колени подогнулись, но я успел подхватить её и опустился вместе с ней на землю, на обочину промёрзлой просёлочной дороги, рядом со следами заледеневшей колеи.

Не выпуская её из рук, я продолжал уговаривать, но слишком хорошо изучил мою Лиз и понимал, что означали сказанные ею слова. Моё сердце защемило от невыносимого отчаяния, в глазах всё поплыло от предательских слёз. Она целовала меня в веки и подбородок, и я с болью понимал, что больше никогда не смогу ощутить этих поцелуев.

Мы оба молчали. Я знал, что Лиз права. Права, чёрт побери! Но не мог произнести этого вслух, не мог одобрить подписанный ею самой себе смертный приговор, не мог принять её жертвенного решения.

Пошёл снег, а мы так и сидели на земле обнявшись, и белые хлопья ложились на нас, словно желая скрыть от всех и вся. По обе стороны от дороги простиралось замёрзшее голое поле с остатками редких колосков пожухлой пшеницы, которую вовсю клевали чёрные дрозды. Я не заметил, как к нам приблизилась знакомая фигура в поношенной клетчатой шали.

– Смотрю, ты привёл её, доктор. Быстро справился, – сказала Лула. – Пойдёмте в шатёр. Я сейчас же приготовлю всё к обряду.

Я в очередной раз посмотрел Лиз в глаза и, прочтя в них окончательное «нет», сказал цыганке:

– Лиз не хочет проводить обряд, – последние слова сорвались с моих губ отчаянным хрипом, и я сжал зубы, чтобы не завопить на весь лес, что я люблю её и не хочу терять.

– Всё понятно, – кивнула Лула, как будто знала, что этим оно и закончится. – Зайдите хоть ко мне

погреться, не околевать же теперь на обочине.

Идти нам и правда было некуда. У меня на квартире, наверняка, уже появились санитары из клиники, если не целый наряд полиции. А мне так хотелось побыть с Лиз ещё немного, до конца испытать наш единственный и, возможно, последний день вдвоём.

Мы сидели возле земляной печи и смотрели, как улетают в небо частички золы. Я обнимал Лиз за плечи и дышал мёдом её мягких волос. Она сняла пальто и оказалась в том самом кремовом платье, которое я видел на ней, когда она впервые появилась в моём кабинете. Лула молча курила свою трубку и смотрела на Лиз, еле заметно кивая, будто только что прочла её, как раскрытую книгу, и нашла все подтверждения своих ранних домыслов.

Дочери Лулы, принеся нам ароматного травяного чаю и свежих лепёшек, тоже сели к огню. Я убедил Лиз поесть, и к ней немного вернулись силы, а возможно, секрет заключался не в еде, а всё в том же травяном чае. Если бы учёные доктора знали силу некоторых целебных растений, то, наверное, могли замечательно обходиться без лекарств...

Внезапно Лула отложила трубку и тихо запела. Это была грустная баллада о любви, слова которой на смеси румынского и венгерского я почти не разбирал, но даже в еле слышном пении гадалки сквозило то иступление и отчаяние, какими всегда наполнены цыганские песни.

Голос её крепчал, звенел всё громче, надламываясь горловым хрипом. Его тембровые оттенки проникали в душу и застревали острыми занозами. Вскоре к этому низкому и шероховатому голосу присоединились два позвонка и помоложе. Дочери Лулы принялись подпевать матери и всё смелее отхлопывать ладонями ритм. Внезапно кто-то за спиной ударил по струнам гитары и женские голоса сменились мужским надтреснутым баритоном: в полах шатра, уперевшись одной ногой в перевёрнутый медный чан, стоял цыган с густыми чёрными усами и включенной бородой и пел, перебирая заскорузлыми пальцами тугие струны. А мы с Лиз хоть и разбирали с трудом слова песни, но прекрасно понимали, о чём она: иступленные лица певцов, их надрывные голоса отражали всю нашу боль, наши несбывшиеся надежды и мечтания. Я чувствовал, как Лиз дрожит в моих объятиях, однако посмотрев на неё, увидел, что она улыбается.

А потом у Лиз случился приступ... Тело изгибалось дугой, она бредила, что-то говоря о морских чудовищах и о каких-то ярко-красных цветах...

– Если скажешь, доктор, проведу обряд, пока она без памяти, – проронила Лула, пронзая меня своим решительным чёрным взглядом.

Я глубоко вздохнул и, закрыв глаза, отрицательно мотнул головой:

– Без её согласия не могу, так было бы неправильно.

– Много что в нашей жизни неправильно, но если всегда поступать по совести, рискуешь проиграть. Разве ты не знал этого, доктор? Скорее всего, это твоя последняя возможность. Девушка почти потеряла себя. Я попытаюсь вернуть её. Ну, что ты решил?

– Нет, Лула, – стиснув зубы, еле проговорил я. – Не могу. Лиз должна сама принять это решение...

– Ну, смотри... – она поднялась и вышла вслед за дочерьми и цыганом, а мы с Лиз остались одни.

Я просто сидел, склонившись над её изгибающимся в судороге телом и вслушиваясь в невнятные бормотания. Голова моя была пуста. Я ни о чём не думал, потому что для меня уже не существовало «завтра», ведь в нём не было Лиз.

Она очнулась к вечеру, а жидкая похлёбка и ароматный травяной чай быстро помогли ей прийти в себя. Через отверстие в вершине шатра заглянула бледная луна. Я сказал Лиз, что должен отвезти её в клинику, но она наотрез отказалась, и Лула разрешила нам остаться на ночь. Я заплатил ей сполна и за кров, и за данные мне вещи, и за несостоявшийся обряд изгнания чужой души. Она даже запротестовала, сказав, что ей столько не требуется, но я настоял. Зачем мне теперь нужны были деньги?

Пришла ночь, но мы с Лиз гнали от себя сон, чтобы ещё немного продлить этот день. Мы лежали рядом на соломенной подстилке, глядя в отверстие шатра на звёздное небо. Я рассказывал ей о созвездиях и о том, как в древности первые мореходы определяли по ним правильный курс, создавая карты неба из палочек и ракушек. Она следила за движением моих пальцев, рисующих в воздухе Дракона и Центавра, Кассиопею и Большую Медведицу, а потом положила голову мне на плечо, и моей щеки коснулись её мягкие волосы. Я глубоко вдохнул их аромат и задержал дыхание, чтобы запомнить этот запах, и вдруг Лиз поднялась, склонилась надо мной и неожиданно поцеловала так, как я всегда мечтал – страстно и трепетно. Её пальцы заскользили по моему лицу, шее и груди, а затем принялись расстёгивать пуговицы на моей рубашке.

- Лиз, - я накрыл ладонью её руку. - Мы не можем... Здесь, сейчас...

- Артур, у меня, возможно, уже не будет завтра, - ответила она не останавливаясь. - Я хочу сполна использовать наши последние часы вдвоём.

Её губы дышали страстью, мешаясь со свежим ароматом травяного чая. Я притянул Лиз к себе и, перевернув на спину, ответил на её поцелуй. Её грудь вздымалась под складками платья, удары сердца вторили моим. Кремовый шёлк соскользнул с изящных плеч, и я принялся исступлённо целовать их, поднимаясь к шее и опускаясь всё ниже и ниже. Она водила нежными пальцами по моей обнажённой спине и шее, запускала их в волосы. Её прикосновения, словно касания мягких крыльев, вместе с тем пронизывали меня, как раскалённые угольки. Я всё больше и больше хмелел от медового аромата её волос и сладкого вкуса кожи. Сухие соломинки от настила липли к нашим разгорячённым телам. Мы упивались друг другом, точно путники - последними каплями воды в пустыне. А рядом потрескивал огонь, и частички золы улетали вверх, в ночное небо, словно покидающие нас звёзды... Где-то на задворках сознания слабо пробуждалась мысль, что этому никогда не суждено повториться, что первый раз навсегда останется последним, но я упрямо заглушал её, вновь позволяя захлестнувшему нас водовороту чувств увлечь себя вслед за летящими звёздами...

- Лиз, почему ты не хочешь попробовать провести обряд? У нас есть возможность быть вместе. Умоляю тебя, передумай, - сказал я, когда небо в прорезе шатра уже начало приобретать вылинявший лиловый оттенок, а мы лежали обнявшись, никак не переставая вдыхать аромат друг друга. Однако по выражению её счастливых, но вместе с тем печальных глаз я понял, что она не передумает.

Мы задремали, но спать я не мог. Изначально ровный и сладкий сон Лиз вскоре стал то и дело прерываться кошмарами. Она металась по настилу и к рассвету впала в забытие. Лиз то бредила, то снова засыпала, то просыпалась и опять бормотала что-то невнятное. Так продолжалось весь следующий день. Лула то приходила, то уходила, спрашивая, не передумал ли я, но что мне было делать. Я сидел рядом с Лиз, время от времени проваливаясь в сон. Мне снилась Аламеда, я просил её, умолял отказаться от мести, но та была непреклонна... Я терял Лиз, я чувствовал это, и сердце моё разрывалось от боли и безысходности.

26. Кувшинковое поле

Ветер бросился в парус, едва его прикрепили к мачте. Женщины племени сообща соткали прямоугольный кусок рогожи всего за несколько дней и просмолили его, пока Арэнк и остальные мужчины вносили изменения в конструкцию судна, следуя непонятно откуда взявшимся рисункам на песке. Кто-то говорил, что это прощальный подарок Мокруна, другие – что на помощь пришли Боги. Лишь одна Аламеда знала правду.

Пока работа на берегу кипела, на деревьях – в водной чаше и на холме – вовсю щебетали птицы. Зато в самих топях, там где раньше обитал Мокрун, уже обосновалась лупоглазая Вьельзевулла, а это означало, что скоро появятся гости и пострашнее, оживут мангровые деревья, подкрадутся хищные рыбы, и уж тогда людям будет не выбраться из ловушки. Арэнк сказал мастерить оружие, и те, кто не был занят в строительстве, принялись изготавливать из камня наконечники копий и стрел, гнуть луки и точить топоры. Сурум, муж Найры, особенно преуспевший в бочарном деле, строгал из поленьев клёпки и собирал из них бочки. Устанавливая их, Арэнк решил углубить дно судна и разделить его на два яруса. Так нижний служил бы местом ночлега и хранения провизии. Там же размещались скамьи гребцов. Утяжелённое дно хорошо осадило лодку в воду, а бочки с водой придали ей дополнительную устойчивость на волнах.

Работу закончили вовремя. В тот день, когда Великан выходил из водного леса, а мужчины рубили сплетённые между собой корни мангров, загораживавшие ему проход, некоторые из деревьев уже дёргали своими обрубками, а птицы оставляли насиженные гнёзда, чтобы переместиться на холм.

В вечер перед самым отправлением Аламеда сидела на берегу Голубой Чаши. Она пришла попрощаться с озером. Ей так нравилось плавать в нём по ночам. Крошечные рыбки сновали вокруг её ступней, вода тихонько плескалась у камня, на котором она сидела.

– Я знал, что застану тебя здесь, – вдруг прозвучал позади Его голос, и тут же мурашки пробежали по её спине. – Аламеда, я хотел сказать...

– Не говори ничего, ты не должен, – прервала она Арэнка, так и не обернувшись.

Он сел рядом и положил ей на колени *Травник*.

– Почему? – удивилась она, смотря на уже знакомый кинжал с раздвоенным, как язык змеи лезвием.

– Завтра мы отправляемся в плавание, оно полно опасностей, и я хочу, чтобы ты могла защитить себя, если меня не окажется рядом. Я дарю *Травник* тебе, теперь ты его хозяйка. Кинжал всегда вернётся в твою руку.

– А как же ты?

– Для меня одного три клинка – это слишком много.

– *Рыбий Хребет* ты подарил Муне? – спросила Аламеда, увидев, что из тройных ножен теперь выглядывает лишь рукоятка *Большой Иглы*, но в голосе девушки не прозвучало и тени упрека.

– Да, – ответил Арэнк. – Это самое малое, чем я могу отблагодарить Муну за её любовь...

– А ты? Что сам к ней чувствуешь? – спросила Аламеда, осмелившись взглянуть на него.

– Не знаю... не могу определить...

Прошло несколько дней со дня отплытия. Великан гордо рассекал бескрайние воды Лакоса. Орнамент на его борту яркой полосой разрывал серо-синее месиво из волн и облачного неба. Резной чёрный дорей с распахнутыми крыльями возвышался на носу судна и словно вёл его за собой. Арэнк не знал, куда плыть, и просто следовал за ветром и течением, полагаясь на волю судьбы.

Меж тем Аламеда свою судьбу уже определила. Там, в хижине на дереве, Арэнк сделал свой выбор и тем самым помог ей решиться на свой. Всё горячий амулет на груди только подкреплял её решение. Скоро он раскалится добела, прожигая кожу и ткани, сливаясь с ними, и позволит её душе войти в него и выйти уже в другом мире, чтобы объединиться с отколовшимся осколком в теле Лиз. А Доктор... Ему придётся справиться со своей потерей. Аламеде было жаль его, но она давно спрятала это чувство в самых потаённых уголках сердца. Главное выжить. Существуют Водные Врата или нет, из этого мира или из другого, но она вернётся и отомстит за Роутэга. Потому что должна. Ради его памяти. Потому что так нужно.

Аламеда стояла на верхнем ярусе и вдыхала солёный ветер, который своими шероховатыми прикосновениями ласкал ей кожу и трепал платье. Волны с шумным вздохом расступались перед

величием огромной лодки. Аламеда не смотрела в сторону рулевого весла, которым управлял Арэнк, что-то говоря стоявшей рядом с ним Муне, но краем глаза видела, как взлетают и сплетаются на ветру их чёрные волосы. Нет, Аламеда не глядела на них – она следила, как далеко-далеко горизонт чертит свою безупречную линию, смешанную из красок тёмно-синей воды и серого неба. А в ушах меж тем, перемешиваясь с плеском воды и свистом ветра, тихо звучала песня мести.

– Аламеда, гляди, что мне Арэнк подарил! – похвастался неожиданно подбежавший Лони и тут же дунул в деревянную свистульку, болтавшуюся на его щуплой груди. Сладкозвучная мелодия огласила тишину пасмурного утра, просыпающегося над Большой Водой.

– Что это такое? – спросила Аламеда и взяла в руки верёвку, украшенную чёрными перьями и цветными бусинами. Кажется, она уже видела этот свисток... Да, точно... Он был среди остальных предметов в свёртке Арэнка, когда Муна раскрыла его, в первую ночь на холме.

– На эту мелодию прилетал чёрный дорей, – объяснил Лони, – но их всё равно больше нет в Лакосе – вот Арэнк и отдал мне. Здорово, да?

– Да, только не свисти так громко, некоторые ещё спят.

Аламеда была рада, что Лони быстро простил её после тех слов у костра. Но он и не сердился слишком долго, как, впрочем, и Нита. Хватило одной сказки и соломенной птицы, чтобы мальчуган забыл о ссоре. Аламеде было очень важно получить его прощение теперь, когда она всё окончательно решила.

Много дней уже плыл Великан, то уходя от преследования летающих рыб, то разрезая косяки горбунов. Его крепкая, просмолённая соком ядовитых трав древесина держала подальше уже хорошо знакомых племени кладающих многоножек, а также плоских стержненоносых рыб, которые были способны пробуровать в корпусе лодки глубокие дыры, обрекая судно на затопление. На вёслах сидели по очереди все: и женщины, и мужчины, и дети из тех кто постарше. Чтобы не сбавлять ход, чтобы плыть как можно быстрее навстречу общей мечте. Даже старик Яс взялся бы грести, будь у него рука. Незаметно для себя он сам проникся мыслью о Водных Вратах – так заразительна была вера Арэнка и его сила убеждения.

Накануне на Большой Воде неистовствовала буря, но Великан выстоял, ловко удерживаясь на строптивых волнах. Теперь гладь была ровная и спокойная, как в озере, ни одна рыбёшка не нарушала её плавного течения. Даже уши закладывало от отсутствия привычного шума волн, разбивающихся о борт судна. И только протяжная мелодичная трель деревянной свистульки да удары вёсел о воду нарушали плотную тишину.

Аламеда сидела на носу лодки и опять смотрела вдаль. Слои неба и воды проникали друг в друга, мешались краски волн и облаков. Попутный ветер хватал её под руки, словно намереваясь поднять и унести за собой к горизонту. Внезапно вдалеке мелькнуло что-то красное, какое-то одинокое пятно на воде. Аламеда присмотрелась, стараясь угадать, что бы это могло быть. Затем увидела чуть подальше ещё одно, такое же. Чем ближе подплывал Великан, тем этих пятен становилось больше, они росли, словно цветы, распускающиеся на воде. И только когда судно поравнялось с ними, Аламеда поняла, что не ошиблась, это и были цветы, по размерам и внешнему виду походившие на большие кувшинки, которые на её родине распускались раз в год, на реках со слабым течением. Только эти отличались чересчур ярким окрасом и полным отсутствием зелёных листьев.

Цветы, размером в обхват рук, спокойно колыхались на водной ряби в такт дыханию Большой Воды. Чем дальше плыло судно, тем кувшинок становилось всё больше. Они окружали Великана и приставали к его бортам. Аламеда вдруг вспомнила, как в её племени люди пускали лесные цветы по реке в честь свадеб, рождений и смертей. Наверняка и в день, когда умерла она с Роутэгом, тёплая Вьюнка наполнилась десятками красочных бутонов.

«Неужели цветы дотянулись до поверхности с самого дна океана, ведь здесь довольно глубоко», – подивилась Аламеда, пытаясь уловить их аромат, но не слышала его. Меж тем её соплеменники тоже любовались на чудо, перевешиваясь с борта лодки, чтобы поближе рассмотреть прекрасные лепестки.

Никто не успел понять, что произошло. Внезапно один из бутонов с молниеносной быстротой выскочил из воды. Мелькнул плоский стебель неожиданного ярко-жёлтого цвета, и в следующий миг кто-то из сгрудившихся возле борта людей полетел в воду, зажатый в длинных, словно ремни, щупальцах, выросших на месте тычинок. Тут же над кораблём взметнул другой цветок, изогнувшись на стебле, как на тонкой шее, и стремительно бросился на людей. Но в это же время воздух рассекла металлическая искра, и бутон распался на две точные половины, заливая лодку коричневой жижей, что сочилась из сердцевины. Вновь мелькнул холодный проблеск, прочертив в воздухе обратную линию вплоть до вытянутой вверх руки Арэнка.

– Все прочь от борта! Это не цветы, а океанские черви! К оружию! – закричал он, метнув Большую

Иглу в третий бутон. Кинжал рассёк его на лету и вновь вернулся в руку Арэнк.

Люди хватали всё, что попадалось на глаза: топоры, гарпуны и копья. Другие натягивали луки. Кто-то уже рубил стебли, но их отрезанный конец отрастал в мгновение ока, не давая цветку упасть в воду.

– Бутон! Бейте в сам бутон, – кричал Арэнк.

Аламеда уже поняла, что нужно метить туда, куда указала *Большая Игла*, отыскивая слабое место чудовища. Прекрасное обличье оказалось только личиной, под которой скрывался длинный червь с плоским жёлтым телом и головой в форме цветка. Аламеда молниеносно запустила свой *Травник* в едва показавшуюся за бортом яркую морду подводного монстра. Раздвоенный кинжал вонзился в неё коротким рывком и тут же вернулся в руку хозяйки. Сам червь свалился прямо в лодку, обездвиженный ядовитым лезвием. Подскочившая Нита подхватила обмякшее тело гарпуном и скинула в воду, а затем пронзила сердцевину очередного набросившегося на неё цветка.

Муна меж тем, стоя на корме Великана, отточенными движениями метала *Рыбий Хребет*. Семизубый клинок, закручиваясь по спирали, вонзался в головы-бутоны и разрывал их на множество частей, орошая лодку отвратительными коричневыми брызгами. Затем Муна вновь ловила вернувшийся кинжал и опять метала его в атакующих хищников.

Остальные кололи червяков копьями, пронзали стрелами и после добивали топорами упавших в лодку раненых чудовищ. Гребцы гребли что было мочи, чтобы быстрее покинуть проклятое кувшинковое поле.

Аламеда продолжала метать свой жалящий кинжал в выскакивающие то здесь, то там бутоны и вдруг заметила, что один несётся прямо на Лони, который в это время целился из лука в противоположную сторону. И вместо того, чтобы запустить *Травник* в метнувшийся на неё цветок, она бросила его в тот, что атаковал мальчишку. Бутон рухнул в лодку, но в ту же секунду с другой стороны длинные щупальца стянули её плечи тугими ремнями и одним рывком сбросили за борт.

Нос и уши заполнило водой, голова утонула в мягких лепестках, в центре которых Аламеда различила зубастую пасть. Кругом была вода, и десятки длинных жёлтых хвостов тянулись из глубины к поверхности. Аламеда пыталась вырваться, но хватка чудовища оказалась воистину железной. Девушка была безоружна. *Травник* не успел вернуться хозяйке в руку и, наверняка, упал где-то в лодке. Длинный шнур неумолимо утягивал её всё глубже, но рядом внезапно бултыхнулось что-то ещё. Вдруг прямо возле её уха мелькнула металлическая искра, и в тот же миг крепкие тиски отпустило, а вместо них сильные руки обняли её и потащили вверх.

Она вынырнула, хватая ртом воздух, а державший её Арэнк уже всаживал *Большую Иглу* в нападающую на них пасть.

– Аламеда, лови! – прокричала Нита с замедлившей ход лодки и кинула ей *Травник*. Аламеда поймала его вытянутой рукой и туж же вколола клинок в летящий к ней алый бутон.

Старый Яс, прикрываемый соплеменниками, скинул Аламеде и Арэнку привязанный на верёвке тростниковый плот и, едва те взобрались, принялся одной рукой подтягивать их к лодке, краснея и тужась от чрезмерных для него усилий. На помощь ему подоспел Лони, закручивая рукоятку тугой катушки. Меж тем Аламеда и Арэнк, балансируя на плоту, отбивались от всё атакующих монстров. Но к счастью, судно уже подплывало к оконечности кувшинкового поля.

Остались позади цветы-чудовища, улеглись волны, поднявшиеся от быстрого хода лодки. Аламеда и Арэнк без сил повалились на плот, боясь выпустить из рук свои кинжалы.

– Спасибо, что нырнул за мной, – выдохнула Аламеда, откинувшись на спину, чтобы отдышаться и унять биение сердца. – Тебе не стоило так рисковать из-за меня, ты нужен племени.

– Стоило, – сказал он, лёжа рядом, и повернул к ней голову. Зелёные крапинки во взгляде манили за собой.

Следом Аламеда почувствовала, как раскрытой ладони коснулись его пальцы, будто сотни бабочек пролетели, задевая крыльями внутреннюю поверхность её руки.

– Аламеда, одно твоё слово, и я... – быстро проговорил Арэнк, но она прервала его.

– Муна любит тебя.

– Знаю, но она не может помочь мне забыть тебя, Аламеда.

Мгновение спустя плот ударился о борт судна.

- Впусти в своё сердце эту любовь, если сможешь. Перед тобой нет тех преград, которые стоят передо мной, чтобы впустить в моё сердце - твою, - сказала Аламеда, начиная взбираться по ступенчатым выступам на корпусе Великана.

Арэнк поспешил вслед за ней.

- Если единственная преграда - твой погибший от наводнения жених, то я...

- Нет, - Аламеда обернулась и посмотрела в пытливые глаза Арэнка. - Он погиб от рук убийцы в другом, неизвестном тебе мире. От тех же рук, что погибла и настоящая Аламеда. А та, что ты видишь перед собой - всего лишь чужой призрак. Мне остались одни только глаза, в которых ты сумел разглядеть истинную меня. Я скоро уйду, Арэнк. Не беги за призраком. И прости, что не рассказала тебе этого раньше. В какой-то миг я сама поверила, будто смогу начать всё сначала, вновь любить, отдавая всю себя без остатка, но слишком поздно поняла, что мне начертан другой путь. Прости... - ещё раз повторила Аламеда, едва заметно проскользила пальцами по его скулам, и взобралась на борт, оставив Арэнка в безмолвном оцепенении.

А зайдя в лодку, она встретилась с полным тревоги взглядом Муны. Сбивчиво дыша, та смотрела на неё, словно пытаясь что-то угадать по глазам соперницы, но Аламеда лишь мирно опустила веки и обняла подбежавшего к ней Лони...

27. Водные Врата

Шли дни. Арэнк больше не заводил с Аламедой прежних разговоров, но, впрочем, и не избегал её. Всё чаще она видела рядом с ним Муну. Иногда его взгляд подолгу останавливался на ней, словно изучая и открывая что-то доселе незамеченное, хотя со стороны по-прежнему казалось, будто Арэнк что-то сдерживает. Часто он в одиночестве стоял у рулевого весла, подставив ветру грудь, давая колышущимся волосам насквозь пропитаться солью, и жадно, но вместе с тем напряжённо всматривался в синюю даль Большой Воды, словно она манила его соблазнительными, но опасными обещаниями.

Теперь он старался быть осторожнее. После нападения кувшинковых червей – так их прозвали – в племени не досчитались Калû, её первую чудовища унесли на океанское дно. Арэнк пообещал себе, что больше не пропустит ловушку, не подвергнет опасности жизни своих соплеменников. Даже одна потеря была для него слишком тяжёлой карой. В прошлом он уже лишился своего народа и больше не допустит этого.

А ещё он ждал. Терпеливо высматривал, не появятся ли на горизонте Водные Врата. На судне ходили разные домыслы о том, как они могли бы выглядеть. Одни представляли, как волны вздымаются в пенную арку, другие – как океан расступается, образуя, длинный коридор. Третьи воображали себе пучину, провалившись в которую, судно выплыло бы в Море Междумирья, где каждый мог бы выбрать, куда ему отправиться.

Аламеда мало думала об этом. Амулет занимал все её мысли. Она с тревожным трепетом предвкушала своё скорое возвращение в прежний мир. Ожидание грядущего возмездия распяло её, но вместе с тем оставляло в душе горький осадок, но она снова и снова убеждала себя, что всё делает правильно. Несколько ночей подряд ей снился Доктор и опять умолял отказаться от возмездия, но никакие уговоры больше не смогли бы переубедить её. Аламеда заставляла песню мести звучать громче них.

В тот день дул сильный, нагоняющий тревогу ветер, плотные тучи тяжёлым одеялом повисли над водой, готовые вот-вот лечь на неё и раствориться в мутных глубинах. День был тёмным, как сумерки, лишь кружева морской пены светились на синем яркой белизной. Гордо выпятив парус, Великан быстро шёл по колышущимся волнам, налегали на вёсла гребцы. Внезапно Арэнк оставил рулевое весло и с загоревшимся в глазах огоньком приблизился к носу лодки. Соплеменники, кто был неподалёку, переглянулись и проследили за его взглядом. «Что это? Что там?» – зашептались неуверенно. Подошла и Аламеда, пристально всматриваясь в сизую даль, и вдруг тоже заметила нечто... нечто странное. Океан словно вздымался вдали, но это были не волны, а что-то... что-то сродни гладкой арке. Сердце Аламеды забилося в волнении. Неужели свершилось? Неужели Водные Врата всё же существуют?.. Арэнк бегом вернулся к рулевому веслу и стал поворачивать судно в направлении взволновавшего всех видения. Люди подбегали к борту, всматривались в горизонт, не смея вслух произнести так вождьеленное всеми слово.

Они подплывали всё ближе, оживление росло на обветренных и уставших лицах. Опьяненные от счастья глаза Арэнка неотрывно смотрели в одну точку на воде, грудь пылко вздымалась, и Аламеде почудилось, что даже на расстоянии она слышит громкие удары его разгорячённого сердца. Сменились гребцы. Те, кто был на нижнем ярусе, тоже пришли посмотреть на приближающееся чудо. Очертания его становились чётче и чётче, и скоро все увидели, что над океаном возвышается прозрачная арка, уводящая вглубь такого же прозрачного коридора. Он был словно отлит из воды, но мерцал и переливался светящимися линиями. «Водные Врата? Водные Врата!» – сначала неуверенно, но потом всё громче и смелее восклицали люди.

– Мы нашли их! Водные Врата! – закричал Арэнк смеясь и обернулся к соплеменникам.

Его взбудораженный голос дрожал, глаза блестели. В порыве нахлынувшего счастья он обнял стоявшую рядом Муну. Вся светясь, она с восхищением смотрела то на него, то на зовущую арку. Сколько радости, сколько надежды выражали их лица. «Ты сделала правильный выбор, – сказала сама себе Аламеда. – Это их праздник, праздник жизни, тебе нет на нём места».

Подплывая, Великан сбавил ход. Вблизи Водные Врата были ещё прекраснее. Белые искры пробегали по куполу прозрачного коридора. Переливалась красками хмурого неба его гладкая поверхность. Перед тем, как заплыть под арку, Арэнк остановил судно, чтобы ещё раз насладиться видением того, к чему он так долго стремился. Он стоял на носу лодки, гордо взирая на свою мечту, на обещание, данное умирающему отцу. Вот они – Водные Врата, воплотившаяся в жизнь легенда. Соплеменники почтено отступили назад, к корме – все, даже Муна, словно давая Арэнку возможность немного побыть наедине со своей победой, насладиться триумфом его непоколебимой веры. Её сила воодушевила остальных и заставила поверить тех, кто ещё сомневался. Аламеда видела, как волнение и счастье тронули лица людей. Все затихли. У кого-то по щекам текли слёзы. Кто-то просто зачарованно улыбался. Старый Яс, поддерживаемый Нитой, растроганно тряс головой. Лони и другие дети с открытым ртом смотрели на Водные Врата. Арэнк оживил для них

казавшуюся несбыточной сказку. Он назвал этих людей своим народом, пообещал и привёл их к выходу из проклятого мира. И теперь десятки глаз взирали на него с благодарностью.

– Поплыли, – наконец Арэнк дал команду гребцам. Он так и стоял на носу Великана, держась за крылья дорея, чтобы первому войти в Водные Врата.

Сердце Аламеда вдруг наполнилось необъяснимой печалью. Она опять уходила в новый мир. Кто знает, что ожидает её там. Рука легла на амулет – он обжигал. Осталось совсем немного, чтобы завершить обряд переселения души, но, видимо, произойдёт это уже не в Лакосе. Аламеда стояла у борта и задумчиво смотрела на приближающиеся Водные Врата. Неожиданно она заметила, что светящиеся линии на арке словно сотканы из мельчайших ресничек. Тревожное чувство шевельнулось внутри.

– Арэнк, – позвала она, но он не расслышал, зато остальные удивлённо посмотрели на неё: как можно прерывать такой волнительный для всех миг?

Нос Великана приближался к входу в водный коридор, Аламеда быстро зашагала вдоль борта, продолжая недоверчиво всматриваться в светящиеся полосы, и вдруг взгляд упал на воду. Она была почти непрозрачной, но Аламеда сумела рассмотреть тонкую нить, тянущуюся от основания арки и похожую на щупальце медузы или гребневика. Страшная догадка мелькнула в мыслях.

– Арэнк, остановись, это ловушка! – закричала она, переходя на бег.

Он удивлённо обернулся на её голос в тот самый миг, когда голова дорея уже вошла под арку. Аламеда прыгнула: «Назад, оно живое!», – и оттолкнула ничего не понимающего Арэнка, но сама не успела отбежать, и огромный рот желеобразного создания, которое люди приняли за Водные Врата, сомкнулся на носу Великана, затягивая внутрь и её саму. Лодку качнуло, задралась корма, все попадали: кто на пол, кто за борт. Арэнка швырнуло вправо, и он едва не соскользнул в воду, но удержался за вёсла. А сама Аламеда, по плечи погружённая в упругую прозрачную массу, свободной рукой схватила за рулевое весло, и вдруг страшная боль пронзила всё тело, будто тысячи игл впились в него одновременно. Преодолевая мучения, Аламеда с трудом дотянулась до ножен той рукой, что была в пасти, и, достав *Травник*, распорол двойным лезвием внутренность прозрачного рта. От прикосновения ядовитого клинка его свело судорогой, и он раскрылся. Лодку отпустило, и Аламеда упала на пол, одной рукой пытаясь подтянуть себя и отползти, меж тем вторую руку, как и всё тело, терзала дикая боль от яда гигантского гребневика – ещё одной океанской твари, так безжалостно разбившей мечту маленького народа.

Гребцы тут же загребли назад, в воду полетели тростниковые плоты, чтобы подобрать тех, кто упал за борт. Арэнк подскочил к Аламеде, помогая ей подняться.

– Нет, не трогай меня! – вырвался из её груди истошный крик боли.

Тело словно одеревенело, судорога скрючила пальцы и распрямила колени. Вся её кожа: плечи, ноги и правая рука, – покрывались розовыми пятнами и горели, как от ожога. Прорывающееся через муки сознание заставило Аламеду подумать, что всё-таки даже во второй раз умирать страшно. Перед глазами трепыхал парус, мелькали, как во сне, встревоженные лица: Лони, Нита, Муна, Яс... – пока не навалилась тьма. За её плотным пологом она ещё недолго слышала детские всхлипы, чьи-то яростные крики, плач и причитания...

Аламеда очнулась от болезненных толчков и громкого шума дождя. Всё тело, кроме лица и здоровой руки, пылало пожаром. В полуоткрытых щёлках век стоял полумрак. Она с трудом различила скамьи гребцов – значит, её успели перенести на нижний ярус, а о верхний, казалось, с силой ударялась вода. Где-то за бортом слышались громовые рыки. Даже слабая качка шатала тело из стороны в сторону, обрекая Аламеду на чудовищные страдания. Оно горело в сотни раз сильнее, чем обжигал раскалившийся амулет. Она дотронулась до него здоровой рукой. Ничего, нужно только перетерпеть боль и ещё немного подождать, когда он будет готов принять в себя душу Аламеды, чтобы перенести её в прежний мир и объединить с оставленным там осколком. А это тело, хоть его сплошь и покрывали ожоги, ей не было жаль. Она так давно мечтала избавиться от него...

Подошла Нита, заметив, что Аламеда очнулась. Всего за один день лицо подруги осунулось, щёки провалились под широкими скулами, а вокруг глаз пролегли тёмные пятна. Аламеда попросила её заварить некоторые из тех трав, что она взяла с собой на борт. Они помогут немного унять боли. Нита тут же ушла исполнять её просьбу. Аламеда снова провалилась в сон, а очнувшись, увидела у изголовья плошку с наполювину расплескавшимся и остывшим отваром, от которого пахло лесом на холме. Здоровая ладонь ощущала чьё-то тепло. Аламеда повернула голову, ожидая увидеть Ниту или даже Арэнка, но её руку сжимала Муна, а из её красивых и печальных глаз текли слёзы.

– Прости меня, Аламеда, – прошептала она, встретившись с ней взглядом, – прежде я так желала тебе смерти, прости... Ты спасла его. Не уходи. Останься жить...

– Ты ни в чём не виновата, Муна, – прохрипела Аламеда из последних сил, и та подала ей отвар. Она выпила. – Нельзя быть повинными в любви. Будь с ним и помоги забыть меня... – Аламеда хотела бы сказать Муне гораздо больше, например, что с самого начала мечтала стать её подругой, что восхищалась и завидовала её красоте. Она хотела бы попросить прощения за украденную любовь, но язык прилип к нёбу, и вместо этого, помолчав немного, Аламеда произнесла: – Позаботьтесь о Лони, он славный мальчишка.

– Ты о нём позаботишься, ты, – судорожно пробормотал показавшийся рядом Арэнк, а Муна, грустно взглянув на него, пошла за ещё одной порцией отвара. – Это всё моя вина. Я был настолько ослеплён своей мечтой, что не разобрал опасности. Не увидел, что веду мой народ на верную гибель. Ты спасла меня и всех остальных. И ты не умрёшь, Аламеда. Прежде я приведу тебя к Водным Вратам. Мы вместе войдём в них, обещаю, – сказал он с непреклонной твёрдостью в лихорадочном взгляде.

– Умирать во второй раз не так страшно, – солгала Аламеда и коснулась его руки. – Со мной или без меня, но ты обязательно найдёшь Водные Врата, я верю. Не вини себя и просто позволь мне уйти. Я всего лишь призрак, выпусти его из своего сердца...

Арэнк уронил голову себе на грудь. Чёрные волосы закрыли от Аламеды его лицо.

– Такой манящий и неотступный призрак... – пробормотал он, взял её руку и прижал к своим губам. Аламеда почувствовала капли влаги у себя на ладони.

Под вой ветра и удары волн она снова провалилась в сон, помогавший ненадолго забыть о боли. Аламеде неожиданно приснилась Ваби – старая колдунья и наставница. Она изменилась. Морщины ещё больше опустили края дряблых век и уголки губ, а выцветшие глаза глубоко впали. Зато длинные волосы так и не потеряли черноту ночи, и только тонкие ниточки седины чертили незаметные белые линии, словно следы падающих звёзд. Ряды цветных бус украшали шею старухи до подбородка и поблескивали в темноте.

– Ваби, я скоро вернусь домой, – проговорила Аламеда, улыбаясь. От вида родного человека ей вдруг стало хорошо и спокойно на душе.

– Зачем, девочка моя? – голос старухи, тёплый и трескучий, как пламя костра, согрел Аламеду.

– Чтобы отомстить за себя и за Роутэга.

– Ты уверена, что это правильный путь?

– Нет, уже не уверена, но мне больше ничего не остаётся, я сама лишила себя выбора, – произнесла Аламеда с грустной усмешкой.

– Выбор всегда есть, – улыбнулась Ваби, чётче прорезалась сеточка морщин на щеках. – Доверься своему сердцу, оно приведёт тебя туда, где ты мечтаешь, но даже не надеешься оказаться.

– Но я не понимаю его, Ваби, оно разрывается. Что? Что мне выбрать? Я запуталась...

– Видишь эти две луны, – сказала старая колдунья, подняв глаза на тёмное небо. – Одна, как отражение другой. Они будто две стороны твоей души. Не следуй за отражением, выбери верный путь... Ты привела одну из лун с собой из прежнего мира, она неотступной тенью крадётсЯ за тобой. Так же, как призрак мести. Отпусти её. Существует бесконечное множество вселенных, и каждый наш выбор создаёт другую жизнь, иную, неповторимую реальность.

– Ваби, но как понять?.. Ваби, нет, постой, не уходи, мне нужен твой совет... Ваби... – звала Аламеда, но старуха постепенно растворилась в темноте неба, на котором остались лишь две яркие луны. Одна чуть бледнее другой.

Буря унималась. Великана больше не мотало на беспощадных волнах, а гром не сотрясал небо. Вскоре утих и дождь.

– Как ты? – спросила Нита, напоив проснувшуюся Аламеду обезболивающим отваром.

– Отнесите меня на верхний ярус. Я хочу видеть небо, – одними губами прошептала та, тронув Ниту за руку.

– Хорошо, сейчас, – засуетилась она.

Плотные сизые тучи ещё нависали над Большой Водой. У горизонта небосвод давил на воду, готовый вот-вот схлопнуться с ней, но кое-где облака чуть редели, пускаЯ в эти прорехи кусочки чистого неба. Аламеда с удивлением обнаружила, что был день: боль и сон притупили счёт времени. Она полусидела на тростниковом настиле, оперевшись спиной о борт судна, и думала о словах Ваби,

обо всём, что случилось с того дня, как погиб Роутэг. Аламеда размышляла над каждым своим шагом, над тем, куда завели её выбранные дороги на встреченных когда-то распутях.

«Существует бесконечное множество вселенных, и каждый наш выбор создаёт другую жизнь, иную, неповторимую реальность», – вспомнила она завет старой колдуньи.

Аламеда произнесла его мысленно несколько раз. Ваби... Она всегда и во всём была права, но никогда не давала готовых решений, предоставляя своей ученице самостоятельно постигать их, порой через сомнения и муки выбора. Но самый тяжёлый выбор стоял перед ней теперь. Аламеда посмотрела на соплеменников, в нерешительности столпившихся в стороне и бросавших на неё виноватые и сочувственные взоры. Поглядела на Муну и в её заплаканном лице вдруг увидела саму себя в тот миг, когда впервые оказалась в Лакосе и осознала, что потеряла всё. Аламеда думала об Арэнке и о той любви, которой не могла ему дать. Она спрашивала себя, почему привязались к ней Лони и Нита? Обрадуются ли они, узнав, что девушка из сказки была она сама, и что в итоге у колдуньи получилось отомстить врагу Буктане, при этом растоптав чужую любовь? Аламеда вспоминала Доктора, чувства которого позволили ему без всяких заклинаний пересечь слои Мироздания, чтобы спасти Лиз. А ещё она спрашивала себя, что будет после того, как свершится месть? Станет ли ей от этого хоть сколько-нибудь легче? Срастётся ли с душой отколовшийся осколок, или будет лишь больно резать при мысли о том, чего стоило заполучить его обратно? Сможет ли Аламеда всю оставшуюся жизнь, находясь в теле Лиз, смотреть на своё отражение, и не видеть даже собственных глаз? Приблизится ли она хоть на шаг к потерянной мечте, к Роутэгу, ведь всё это было ради него? А он сам, что бы хотел? Воскреснуть, получить отмщение?... Что? Или просто... просто снова быть с ней?.. Но разве это возможно?

«Существует бесконечное множество вселенных, и каждый наш выбор создаёт другую жизнь, иную, неповторимую реальность», – опять прозвучали в голове слова Ваби.

Вдруг Аламеда взялась за шнурок на шее и с силой сорвала его. Он упал рядом. Тогда она вытащила из ножен *Травник* и ударила им по плоскому когтю – от острия пробежала трещина и разделила амулет надвое.

– Что с тобой, Аламеда? – подскочил Лони, смотря на неё с красными, воспалёнными от слёз глазами. – Тебе нужно что-нибудь?

– Лони, выброси это за борт, – попросила она.

– Конечно, – мальчишка подобрал две половинки амулета и кинул их в воду. – А хочешь, я могу насвистеть тебе какую-нибудь мелодию? – спросил он, шмыгнув носом. – Мне Арэнк показал, как он сам делал в детстве.

– Хорошо, – преодолевая боль, улыбнулась Аламеда.

Переливчатая трель огласила послегрозовое небо, поднялась до облаков, разнеслась по ветру, наполнила утешительной музыкой растерзанное сердце. Аламеде вдруг стало так легко, будто она с разбегу прыгнула в глубокую и тёплую реку. И внезапно, впервые за всё время путешествия по воде, сквозь сизую завесу просочились несмелые лучи закатного солнца, а где-то далеко на горизонте заблестела семью цветами радуга высотой от воды до небес. Странно, подумала Аламеда, столько времени прошло с тех пор, как она оказалась в Лакосе, а радугу видит впервые. Её соплеменники тоже смотрели на красочное явление, с трудом припоминая, что, кажется, наблюдали его когда-то давным-давно, в детстве, а незатейливая переливистая мелодия словно дополняла представление, ознаменовавшее конец бури.

Вдруг кто-то закричал: «Смотрите, какие большие птицы!» Аламеда подняла голову и тоже увидела их. Одна за другой, они возникали словно из облаков под радугой и стремительно летели навстречу Великану. «Неужели где-то рядом суша?» – подумала Аламеда и пригляделась. А птицы ли это? Под широкими чёрными крыльями она неожиданно рассмотрела две пары сильных лап, а голова напоминала морду дикой кошки... Аламеда перевела взгляд на нос корабля, где восседала резная фигура дорея. Да это же они!

– Арэнк, Арэнк! – закричала она.

Он тут же показался с нижнего яруса и подскочил к ней: «Что? Что случилось?» – но вдруг взглянул вверх и застыл в ошолоблении. Огромный Дорей размером в три человеческих роста, кружил в небе над Великаном. Его бока блестели в тонких лучах солнца, словно чёрное золото, широкие крылья роняли тени на судно. Арэнк подбежал к носу лодки, и Дорей в стремительном спуске подхватил его.

Все, кто были на нижнем ярусе, поднялись вверх и зачарованно смотрели в небо, где их вожак летел на невиданном и прекрасном звере. Они вдвоём рассекали встречный ветер, чёрные волосы Арэнки вплетались в крылья животного и становились их продолжением. А облака летели следом, не в силах их поймать, и только лучи солнца дотягивались до них. Остальные дореи меж тем

поворачивали назад и исчезали под семицветной аркой.

Вернувшись, Арэнк соскочил в лодку и побежал к рулевому веслу.

– Дореи услышали зов свистка и прилетели забрать нас! – он изменил курс, и Великан поплыл навстречу радуге. Навстречу Водным Вратам.

Судно вошло под своды небесной арки, и вдруг все увидели, что плывут уже не по Большой Воде, а по широченной реке, туманные берега которой едва угадываются вдаль. Аламеда привсталла, чтобы рассмотреть их получше, и вдруг заметила, что совсем не ощущает боли. Она глянула вниз, на ноги, и они опять чуть не подкосились: на смуглой оливковой коже не было и следа ожогов. Аламеда схватила свои волосы и перекинула их со спины на грудь: чёрные! Чёрные, как крылья ночи! Затем перевесилась через борт лодки, глядя на своё отражение в реке, и слёзы радости потекли по щекам, закапали в воду, пуская круги по изображению лица, которое она никогда больше не надеялась увидеть.

– Аламеда, – вдруг окликнул её знакомый голос. Она обернулась, перед ней стоял Арэнк. Он поймал её взгляд. – Да, это ты...

Подбежал Лони, подошла Нита, Яс... Вскоре все окружили её и с удивлением разглядывали, спрашивая, что стряслось. Только один Арэнк смотрел в её глаза так, как смотрел всегда...

Судно встало на отмели, от которой основной поток разбивался на множество рек. Люди сходили с Великана, и каждый выбирал, в какую из них войти, словно зная это ещё с рождения. Только Арэнк застыл у лодки, осматриваясь в нерешительности. Муна ступила в один из потоков и оглянулась. В своём платье цвета амаранта она казалась дикой лилией среди воды и растущих по берегам высоких трав. Муна улыбалась, говоря этой улыбкой, что примет любой его выбор. Арэнк посмотрел на неё, затем – на Аламеду. Одними глазами та сказала ему: «Иди... иди, я отпускаю тебя». Тогда он повернулся к Муне, вложил свою ладонь в протянутую ему руку, и они пошли по реке, плечом к плечу, а чёрный дорей с вызолоченными солнцем боками парил в небе высоко над ними.

В тот же поток ступили Нита и Лони.

– Аламеда, пойдём с нами! – прокричал мальчишка, счастливо улыбаясь, и опять засвистел в свистульку.

– Не могу, Лони, – ответила она, – это не мой путь.

Он побежал обратно и крепко-крепко обнял её:

– Какая ты красивая, Аламеда.

Подошла Нита и тоже прижала её к себе:

– Прощай.

– Прощай, подруга.

Аламеда стояла на распутье, смотря, как четверо удаляются вдоль по неспешному течению. Ей было одновременно и хорошо, и грустно, и умиротворённо. Что ж, настало время выбрать свой путь. Вдруг в соседнем притоке она увидела до боли, до крика знакомый силуэт. Аламеда пошатнулась. По реке ступал ей навстречу высокий человек. Вода доставала ему чуть выше колен. Длинные чёрные волосы развевались на ветру, перемешиваясь с бликами восходящего за его плечами солнца, а глубокий взгляд говорил с ней вместо слов.

– Роутэг, – выдохнула Аламеда. Глаза безудержно наполняла влага, сердце трепетало и рвалось из груди, словно вереница бабочек. Это Он, Он! Но она не решалась сорваться с места и побежать, обвить руками шею, впиться губами в его губы, до боли, до исступления. Аламеда боялась опять обознаться, как уже сделала однажды, и поэтому продолжала неподвижно стоять, с наслаждением узнавая каждую родную черту.

Поравнявшись с Арэнком, мужчина повернул к нему голову. Лишь полоса разнотравья разделяла две соседние реки. Оба замерли на мгновение, обменявшись молчаливыми взглядами, и каждый продолжил свой путь, в противоположных направлениях. Но Арэнк оглянулся и напоследок кивнул Аламеде.

Роутэг подошёл, улыбаясь одними глазами, и протянул ей руку.

– Ты пойдёшь со мной, Аламеда? – спросил он, и его голос тёплой волной влился в её тело, а темнота зрачков заполнила её глаза. Это был Он... Конечно он.

Аламеда вложила свою руку в ладонь Роутэга – тёплую, как прикосновение ветра, и сильную, в

которой никогда не дрожала тетива стрелы, и затем припала к его груди, закрыв глаза и вдыхая родной аромат его кожи – аромат влажного лианового леса. Он прижал её к себе, глядя по волосам и целуя их. Аламеда подняла лицо, и Роутэг, взяв его в ладони, коснулся своими губами её губ, и она растворилась в нём.

Они долго стояли одни на перепутье множества рек, а потом ступили в ту, из которой вышел Роутэг, и вместе пошли по течению, навстречу солнцу, в Край вечного восхода – в Страну Лишённых Плоти.

– Лиз, Лиз, ты меня слышишь? – надтреснутым голосом повторял я снова и снова, как заезженная пластинка, уже не надеясь получить ответа.

Лиз лежала, распластавшись на соломенной подстилке, так и не приходя в себя. По её мерному дыханию можно было предположить, что она просто спит, однако она продолжала бредить. Но я боялся её пробуждения. Боялся, что проснётся рядом со мной уже не Лиз, а другая, посторонняя мне девушка.

Снова появилась Лула.

– Может, всё же согласишься, доктор? Хотя теперь уже, наверное, поздно...

От отчаяния я уронил голову на ладони и кивнул. Цыганка ушла за своими снадобьями, а я опять принялся повторять:

– Лиз, Лиз, ты меня слышишь? Лиз... – но мои слова улетали в небо вместе с дымом от огня и рассеивались там, так и не достигнув её. – Лиз, ты меня слышишь?..

– Слышу, – вдруг прозвучал её голос.

Я не сразу поднял голову, приняв этот звук за жестокую игру своего воспалённого воображения.

– Я вернулась, Артур, – повторила Лиз, и тут я ощутил на своей ладони её нежное прикосновение.

Я отнял руки от лица и взглядом встретился с её кристально-голубыми глазами. Они сияли безмятежной чистотой.

– Вернулась, – повторила она и, приподнявшись, принялась покрывать поцелуями моё лицо и руки.

Я смотрел на неё во все глаза, которые щипало от стоявших в них слёз.

– Мне снился прекрасный сон, – мечтательно проговорила Лиз, прижавшись ко мне, и её лицо озарила та искрящаяся улыбка, которой я не видел уже многие месяцы. – Огромное судно, похожее на половинку скорлупы продолговатого ореха, пересекало бескрайний океан и проплывало под радугой... Я видела крылатых пантер и морские бури, сражения с подводными чудовищами и победы над ними... А ещё я видела мужчину и женщину. Они шли по реке, рука об руку, навстречу восходящему солнцу, а их чёрные волосы переплетались между собой на ветру... Артур, это было так прекрасно!

– Лиз! – я зарылся лицом в её мягких локонах, а она положила голову мне на плечо.

Раскрылась и снова закрылась пола шатра: Лула всё поняла без слов и решила оставить нас наедине. В отверстии над нашими головами опять заблестели звёзды, а мы с Лиз так и сидели обнявшись, и она рассказывала мне свой бесконечно длинный сон, который замкнулся в ней нитью воспоминаний Аламеды.

Затем мы снова лежали у костра, на соломенной подстилке, рассматривали созвездия и опять заснули лишь под утро, когда пошёл снег. Он падал через отверстие шатра и остужал наши разгорячённые за ночь тела...

Эпилог

На следующий день я посадил Лиз в поезд до Энгелберга, где не переставая искали сбежавшую пациентку. К чести Марты, должен сказать, что она так и не проболталась ни санитарам, ни нагрянувшей после них полиции. Хозяйка просто отнесла немногие мои вещи в кладовку, а пришедшим по мою душу насочиняла, будто я съехал с квартиры недель ранее и никакая девушка туда сроду не приходила. Актёрские способности Марты поразили меня. Видимо, именно из-за них она всё же утроила мне плату, и не только за будущие месяцы, но и за предыдущие тоже.

Мария регулярно писала мне. Побег Лиз переполошил всю клинику, Арольд рвал и метал и, наверняка, уволил бы половину персонала, если бы пропажа сама не нашлась спустя трое суток со дня исчезновения. В своих письмах медсестра рассказывала также, что после возвращения, к всеобщему удивлению, Лиз стремительно пошла на поправку. Точнее говоря, приступы просто-напросто прекратились. Доктор Арольд, будучи скептиком, не спешил сообщать её родным радостную весть о выздоровлении, считая, что наблюдает всего лишь долгий период ремиссии и болезнь может снова проявиться, но шли недели, наступила весна, а Лиз чувствовала себя всё лучше и лучше. Мария писала, что она похорошела ещё больше и даже вернулась к своим книгам и гитаре.

Наконец, в одно прекрасное майское воскресенье, Арольд дал согласие на поездку Лиз в Цюрих в сопровождении сиделки. Именно тогда мы снова встретились. Мария оставила нас одних в уличном кафе, в тени цветущей магнолии. Лиз была ослепительна. Мой полевой цветок распустился и теперь затенял своей нежной прелестью окружавшие его лиловые бутоны. Мы долго пили остывший чай и, наверное, проговорили много часов, пересказывая друг другу нашу невероятную историю. Поначалу официант довольно часто подходил к столику, чтобы поинтересоваться, не принести ли что-то ещё, но, в очередной раз возникнув в поле моего зрения и посмотрев на наши скрещенные на столе руки, он лишь почесал затылок, неловко улыбнулся и больше не появлялся. В тот самый день я сделал Лиз предложение. Знал, видел по её глазам, что она согласится, но всё равно волновался, как на самом ответственном экзамене. Она ответила: – Да!

Вскоре Арольд сказал, что к июню, если приступов больше не будет, он выпишет Лиз. Так и вышло. Она опять приехала в Цюрих в первых числах лета, с листком выписки и в сопровождении родителей. Они ничего не знали об обстоятельствах моего ухода из клиники и с интересом слушали, как я рассказывал им о своих дальнейших планах по открытию частной практики. Весть о том, что мы с Лиз решили пожениться больше обрадовала Бена Родрика, чем его жену. Видимо, Джоан рассчитывала, что для здоровой дочери нашлась бы партия и повыгоднее среди её новых знакомых с Лонг-айленда.

Шварц-Гаус вернулся в Швейцарию в июле. Мы встретились с ним в Цюрихе, он пригласил меня на обед. Розовощёкий добряк, с ровным пробором на голове и приветливой улыбкой – полная противоположность своего компаньона, он хвалил мою недавно вышедшую книгу по депрессивным состояниям и недоумевал по поводу нашего с Арольдом конфликта, особенно ввиду того, что многие из моих пациентов успешно выписались, а с выздоровевшей Лиз вдобавок я заключаю законный брак. Шварц-Гаус звал меня обратно, но я ответил, что решил обзавестись частным кабинетом. «Рассчитывайте на мои лучшие рекомендации», – заверил он напоследок.

Лиз перевелась в Цюрихский Университет, но захотела оставить теологию и записалась на философский факультет. Мы поженились осенью, когда горы уже оделись в золото и багрянец, но дождь ещё не успел смыть с их склонов этих завораживающих, воспетых поэтами красок.

Я помню, как вернувшись из недельного свадебного путешествия по Лазурному побережью в наш новый дом, я нашёл в почтовом ящике два письма. Одно было из Севильи. Кармен ещё раз благодарила меня, от всей души поздравляла нас с Лиз и прилагала фотографию, на которой обнимала улыбающуюся кучерявую девочку – Эвиту. На её смуглом личике теперь не наблюдалось и тени суровости.

Второй конверт был из Аргентины. Я очень удивился, но вдруг узнал на нём почерк Патрика. Тот рассказывал в письме, что через несколько дней после внезапной выписки он встретился со своим художником, они добрались до Генуи, сели на первый попавшийся корабль и уплыли за океан. Молодые люди несколько месяцев путешествовали вдвоём по Латинской Америке, пока не осели в Аргентине. Романы Патрика неожиданно стали пользоваться популярностью в англоязычной диаспоре, в то время как картины его друга имели головокружительный успех в самых богатых домах, а потому отлично продавались.

Именно тогда, после прочтения этого письма, мне неожиданно пришла в голову идея о книге. Лиз одобрила и дополнила имеющиеся у меня сведения своими воспоминаниями, вернее воспоминаниями, переданными ей Аламедой. Я изменил имена всех причастных лиц и написал этот роман. Через год, когда Патрик вернулся в Швейцарию на перемирие с принявшей таки его выбор семьёй, я показал ему свою книгу с просьбой отредактировать её и придать тексту более

литературный вид. Прочитав роман, он остался в диком восторге, хоть и не догадался, что все события, описанные в нём, были реальны. В итоге мы издали книгу под вымышленным псевдонимом Ланнэ. Хорошая получилась история. Будет что прочитать детям, когда они чуть-чуть подрастут.

Друзья, вот мы и подошли к концу. Все эти месяцы я вживалась в моих героев, переносилась то в загадочный Лакос, то в швейцарские Альпы, и надеюсь, что мне удалось увлечь вас, заставить затаить дыхание и даже растрогать. Книга находится в бесплатном доступе и доступна для скачивания на сайте Автор Тудей. Если она вам понравилась - буду рада комментариям, даже паре слов, и оценкам на главной страничке под книгой.